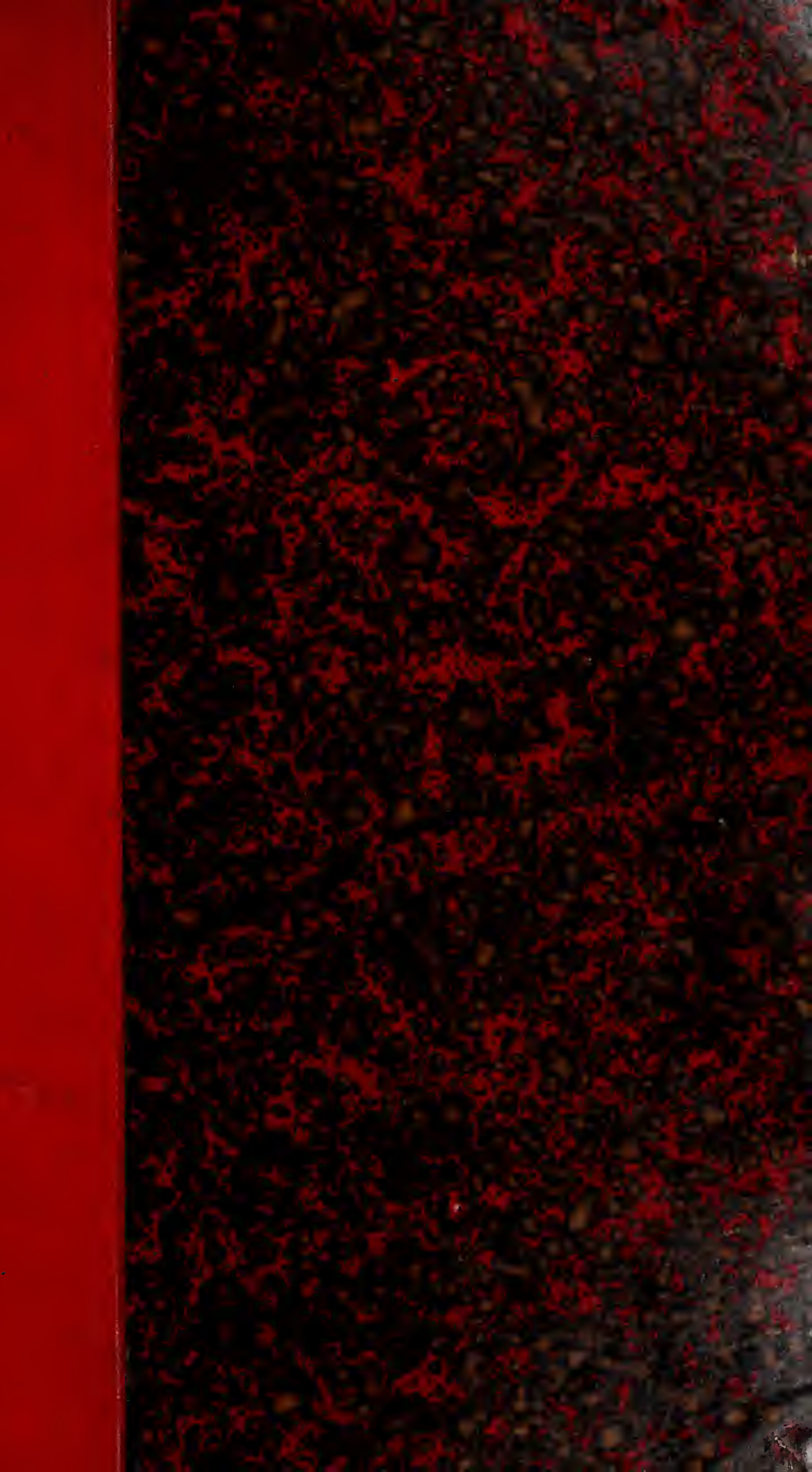

J'ai rapporté ce livre du Congrès
archéologique de Moscou
Janvier Février 1890

Baron de Baye

n° 57

Antiquités de la Russie Blanche, publiées par A. M. Sementowski Membre actuel de la Soc. Arch. de Moscou. St. Pétersbourg. 1890.

БѢЛОРУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

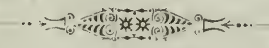
ИЗДАННЫЯ

А. М. СЕМЕНТОВСКИМЪ,

Дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

съ 106-ю изображеніями разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

БѢЛОРУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

изданныя

А. М. СЕМЕНТОВСКИМЪ,

Дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

**съ 106-ю изображеніями разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ
и литографическимъ приложеніемъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

Дозволено цензурою: С.-Петербургъ, 22 Декабря 1889 года.

Типо-литографія И. Стефанова, Телѣжный переулокъ, домъ № 3—5.

Сочиненіе это посвящается памяти основателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графа Уварова, въ первый юбилейный годъ этого Общества.

8-го Января 1890 года.

Только народы совершенно грубые бывают равнодушны къ своему прошедшему; забота о существованіи подавляетъ у нихъ всѣ другіе интересы. Но чѣмъ высшую степень образованія занимаетъ народъ, тѣмъ больше онъ принимаетъ участія въ изслѣдованіи своей старины.

Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства. Дѣло это уже перестало быть народнымъ: оно дѣлается общечеловѣческимъ.

Бэръ и Шифнеръ.

Въ каждой наукѣ есть вопросы, которые составляютъ какъ бы узлы, задерживающіе и затрудняющіе послѣдовательность дальнѣйшаго расширенія области человѣческаго знанія объ извѣстномъ предметѣ. Но лишь только узлы эти развязываются, рождается множество совершенно новыхъ, часто неожиданныхъ идей и взглядовъ и предметъ, оставшійся дотолѣ неуясненнымъ, является какъ бы въ иномъ свѣтѣ, какъ бы призывается къ новой жизни.

Такимъ случайностямъ наичаще подвергаются археологическія изслѣдованія: часто незначительное повидимому обстоятельство: полусогнившая кость или вещица, нахожденіе ея въ той или другой мѣстности, въ томъ или другомъ слоѣ земнаго напластованія, въ сопровожденіи такихъ или иныхъ предметовъ, ставитъ какой-либо серьезный историческій или этнографическій вопросъ совершенно на другую почву, бросаетъ новый свѣтъ на предметъ, повидимому давно и безспорно рѣшенный.

При такомъ взглядѣ на значеніе археологическихъ изысканій, усердное и добросовѣстное производство ихъ получаетъ особую цѣну, и мы не погрѣшимъ сказавъ, что собраніе точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о повсемѣстно разсѣянныхъ на необозримомъ пространствѣ нашего отечества, разнаго рода памятниковъ старины, совершенно необхо-

димо для разъясненія многаго въ исторической жизни разнородныхъ племенъ и народовъ, обитавшихъ и обитающихъ на земляхъ русскихъ. Конечно, вслѣдствіе сознанія этой необходимости, возникло у насъ нѣсколько ученыхъ обществъ, спеціальность занятій коихъ составляетъ отечественная археологія, учреждено и учреждается много государственныхъ, общественныхъ и частныхъ хранилищъ, для береженія всего того, что взято нами изъ нѣдръ земли и праха могильнаго, или получено въ наслѣдство отъ предковъ и что можетъ быть важнымъ или любопытнымъ въ археологическомъ или историческомъ отношеніи; но велики ли на этомъ поприщѣ результаты усиленныхъ трудовъ нашихъ ученыхъ обществъ и самостоятельныхъ дѣятелей науки? достаточны ли наши археологическія коллекціи для точнаго разрѣшенія множества вопросовъ, предлагаемыхъ исторіей и естествознаніемъ?

Можемъ ли мы перечислить племена человѣческаго рода, предшествовавшія намъ хотя бы на пространствѣ одной только Европейской Россіи? Къ сожалѣнію, нѣтъ, и, конечно, еще не скоро настанетъ время для окончательнаго безспорнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ...

Обширность нашего отечества, недостатокъ въ людяхъ, которые бы съ истинной любовію посвятили свои труды и знанія для изслѣдованія отечественной старины, дѣлаютъ невозможнымъ скорое разрѣшеніе многоразличныхъ вопросовъ науки. Но къ этимъ двумъ главнымъ причинамъ замедленія успѣховъ отечественной археологіи нужно присоединить еще третью, имѣющую основу въ нашемъ характерѣ...

Мы говоримъ о равнодушіи съ которымъ у насъ привыкли смотрѣть на эту важную отрасль человѣческихъ знаній. Мы не относимъ нашего упрека только къ массамъ простаго народа, для которыхъ цѣнность археологической находки заключается не въ историческомъ или ученомъ ея значеніи, а въ дѣйствительной стоимости металла или другаго вещества, изъ котораго она сдѣлана: мы говоримъ, что большинство нашего такъ называемаго образованнаго класса очень равнодушно не только къ ученымъ трудамъ по части археологіи, но даже къ сбереженію самыхъ памятниковъ старины... Этотъ упрекъ мы смѣло можемъ сдѣлать многимъ учрежденіямъ, не говоря уже о полицейскомъ вѣдомствѣ, на глазахъ котораго нерѣдко просто разрушаются остатки древностей. Часто безъ слѣдно гибнутъ памятники старины, хранящіеся въ нашихъ церквахъ и монастыряхъ; а сколько гибнетъ драгоцѣннаго матеріала въ продающихся на вѣсъ старыхъ архивныхъ дѣлахъ, книгахъ и проч.?..

Приводить примѣры этого, кажется, нѣтъ надобности: они попадаются на каждомъ шагу; ихъ не знаетъ только тотъ, кто не хочетъ знать о существованіи этого зла, или боится въ этомъ сознаться.

Послѣ всего нами сказаннаго, мы позволимъ себѣ думать, что добросовѣстное собраніе свѣдѣній о памятникахъ старины какой-либо мѣстности

нашего отечества, хотя бы безъ особой ученой оцѣнки ихъ, хотя бы просто въ видѣ списка мѣстныхъ предметовъ древности, можетъ быть весьма полезнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и систематическихъ розысканій, а слѣдовательно принести свою долю пользы для отечественной археологіи. Въ этихъ именно видахъ мы предлагаемъ вниманію читателей собранныя нами, въ теченіи почти двадцати пяти лѣтъ, свѣдѣнія о разнородныхъ памятникахъ старины витебской и отъ части сосѣднихъ губерній, какъ восходящей къ временамъ до историческимъ, такъ равно касающихся прошлыхъ вѣковъ нашего святаго православія и періода уніи.

Мы не намѣрены предлагать читателю строгаго систематическаго описанія памятниковъ каждаго изъ названныхъ нами періодовъ, такъ какъ въ рукахъ нашихъ все еще нѣтъ такого запаса фактовъ, который необходимъ для того, чтобы провести точныя границы при распредѣленіи предметовъ мѣстной старины, не только по вѣкамъ, но даже по народностямъ и эпохамъ: мы желаемъ лишь сохранить для потомства, на страницахъ нашей книги, тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія и указанія о разсѣянныхъ на всемъ пространствѣ нашей и отчасти сопредѣльныхъ, губерніи памятникахъ старины, которые невзирая на важность ихъ для науки, все болѣе и болѣе исчезаютъ, и быть можетъ недалеко время совершеннаго ихъ исчезнованія и собрать, по возможности, въ одно мѣсто тѣ немногія о памятникахъ этихъ замѣтки, какъ наши, такъ и другихъ писателей, кои разсѣяны въ разныхъ книгахъ и газетахъ.

Чтобы сообщаемыя нами свѣдѣнія, при краткости ихъ, давали читателю по возможности, болѣе ясное понятіе о томъ предметѣ, о которомъ будетъ говориться, мы помѣщаемъ въ текстѣ нашего сочиненія вѣрные, большею частію по фотографическимъ снимкамъ, рисунки главнѣйшихъ изъ этихъ предметовъ.

Этимъ предисловіемъ, почти дословно, мы начали и наше первое изданіе памятниковъ старины Витебской губерніи, напечатанное въ 1867 году въ С.-Петербургѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, сообщенныя нами свѣдѣнія частями повторились въ разныхъ газетахъ и журналахъ и послужили матеріаломъ для статьи г. Киркора при описаніи имъ Бѣлоруссіи, напечатанной въ III томѣ Живописной Россіи, но первое изданіе сдѣлалось уже рѣдкостію, а послѣднее по своей высокой цѣнѣ массѣ читающей публики вовсе недоступно. Между тѣмъ при дальнѣйшемъ изученіи нами бѣлорусской старины, многое изъ напечатаннаго пришлось измѣнить, пополнить или разъяснить; а главное въ рукахъ нашихъ накопилось гораздо болѣе фактовъ, чѣмъ нами опубликовано, а потому, и въ виду того, что первое изданіе было напечатано въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ настоящее время составляетъ уже библіографическую рѣдкость, при томъ же оно касалось многихъ сторонъ предмета слишкомъ поверхностно, а многое

проходило совершеннымъ молчаніемъ, мы рѣшились замѣнить его настоящимъ сочиненіемъ помѣстивъ въ немъ всѣ тѣ свѣдѣнія о памятникахъ бѣлорусской старины, какія успѣли собрать въ послѣдніе двадцать лѣтъ, а также какіе были напечатаны нами въ другихъ изданіяхъ поясняя ихъ рисунками орудій каменнаго и бронзоваго вѣка и другихъ предметовъ, планами, видами древнихъ замковъ, городищъ, церквей, монастырей, церковной утвари и пр.

Въ такомъ видѣ наше сочиненіе можетъ, кажется, не только удовлетворить любознательности читателя, но и послужить указателемъ для будущаго изслѣдователю бѣлорусской старины.

А. Сементовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I.

ЗЕМЛЯНЫЕ ПАМЯТНИКИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Когда и по какому случаю собраны свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ старины Витебской губерніи.—*Городокскій уѣздъ*.—Болецкія могилы.—Могила Голубецъ, ручей Краснецъ. Могила Буда.—Обольскія могилы.—Дубининскія могилы.—Руднянскія могилы.—Стайковскіе и Горковскіе курганы.—Озеро Жежулица.—Озерянское или Езерищское городище.—Лѣтописное о немъ сказаніе.—Легенды.—*Себежскій уѣздъ*—Городища: Утюжицкое, Иваниха и Новедрянское.—Жанвильскія сопки.—Яковцево городище.—Лукинъ курганъ.—Легенда о постройкѣ, на озерѣ Свибло, чортова моста.—*Полоцкій уѣздъ*—курганы: Спасъ-юровичскіе, Дворжецкіе, Ситнянскіе, Махировскіе, Песчанскіе, Бопольскіе, Рудпявскіе одиночные.—Куряновскіе.—Колтуновскіе старосвѣтскіе концы.—Могила на Чортовомъ болотѣ.—Рогнѣдинъ курганъ.—Городище Околица.— Ольгердова дорога.—Столпща.—Князевъ мостъ.—*Лепельскій уѣздъ*.—Мѣста наибольшаго скопленія древнихъ кургановъ. — Результаты разрытія ихъ. — Змѣиная могила. — Бездѣдовичьскіе и Устянскіе курганы. — Легенды о нихъ и Гаворскомъ. — Находки. Указаніе г. Романова на сходство этихъ кургановъ съ курганами Могилевской и Минской губерній—Находки въ курганахъ имѣнія Черцы.—Курганы въ урочищѣ Княгинкѣ и находки въ нихъ.—Народное преданіе. Свидѣтельство Люп Фигье: о погребеніи въ бронзовую эпоху. Древнее оружіе, найденное въ курганахъ урочища Бояринки.—Замѣчательныя находки древнихъ женскихъ украшеній.—Находимые въ древнихъ курганахъ сосуды.—Остатки древняго укрѣпленія въ м. Гомелѣ.—Витольдовы и Батуровы дороги.—Вновь открытые въ Лепельскомъ уѣздѣ курганы: Заскорскіе. Воронечская старина. Мининкій курганъ.—Антаборскіе или Сорочинскіе курганы.—*Рѣжицкій уѣздъ*—Вайводскіе курганы.—Городища: Замокъ. Дубовка и Сваренцовское.—Гора Пили-колна.—Малоборскіе курганы.—Колчанная пряжка. Рыкопольскіе курганы.—*Витебскій уѣздъ*—курганы и городища.—Исчезновеніе Витебскихъ старинныхъ находокъ.—*Невельскій уѣздъ*—городища близъ деревень Прудка и Карулина.—*Велижскій уѣздъ*:—Сергейскіе курганы, Усвятскіе насыпи.—Ильинскія горы. Крестовскіе курганы.—*Дрисинскій уѣздъ*—Лещиловскіе курганы.—*Люцинскій уѣздъ*—Яновольскіе курганы.—Бляснискій курганъ.—Корсовскіе курганы.—Древніе топоры и свитки лентообразной проволоки.—Пыльдинское укрѣпленіе.—Ругайское городище.

> *Бѣлоруссія-край могилъ, кургановъ, городищъ, городковъ, урочищъ, замковъ, замковищъ—край, гдѣ чуть не на каждомъ шагу вы встрѣчаете слѣды минувшаго, въ памятникахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ.*
>
> Киркоръ. Живописна Россія. Томъ III.

> *Въ Бѣлоруссіи нѣтъ сколько нибудь извѣстнаго мѣста, которое не ознаменовалось бы какимъ нибудь историческимъ происшествіемъ, если, до сихъ поръ, необъясненнымъ исторіею, то собственно по одному только недостатку истребленныхъ или утерянныхъ фактовъ; самыя же событія остались въ преданіяхъ жителей, объясняющихъ происхожденіе находящихся на поляхъ кургановъ, изъ которыхъ только малая часть раскопана; остальные уцѣлѣли въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ время выростило лѣсъ, покрывающій и самые курганы вѣковыми соснами.*
>
> Безъ-Корниловичъ. Историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи.

Въ концѣ 1863 года, витебскій губернскій Статистическій комитетъ, въ видахъ содѣйствія Императорской археологической коммиссіи, согласно прочтенной мною въ общемъ собраніи членовъ комитета, 7-го ноября того же года, запискѣ, опредѣлилъ: собрать, указаннымъ мною способомъ, возможно точныя свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ старины Витеб-

ской губерніи, какъ единственныхъ слѣдахъ давно исчезнувшихъ народовъ и вѣковъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, къ іюлю 1864 года, поступили въ комитетъ свѣдѣнія болѣе чѣмъ о четырехстахъ тридцати древнихъ могилахъ или курганахъ, называемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой губерніи сопками, а въ другихъ волотовками, двѣнадцати городищахъ, двухъ укрѣпленіяхъ, двухъ окопахъ, одномъ замковищѣ, одномъ валѣ и одномъ колодцѣ, которыя и были мною разсмотрѣны и помѣщены въ особой запискѣ. Въ послѣдствіи времени, я лично собралъ свѣдѣнія слишкомъ о ста-двадцати курганахъ Городокскаго и Витебскаго уѣздовъ, болѣе чѣмъ о тридцати Полоцкаго и о двухстахъ-пятидесяти Лепельскаго уѣзда. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ группахъ кургановъ послѣдняго уѣзда, а равно о находимыхъ въ нихъ вещахъ сообщены М. Ф. Кусцинскимъ. Такимъ образомъ, изъ числа множества кургановъ, находящихся на пространствѣ Витебской губерніи, почти о восьмистахъ древнѣйшихъ изъ нихъ собраны болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія. Это было писано 17 лѣтъ назадъ; съ тѣхъ поръ, а въ особенности съ 1882 г., т. е. по выходѣ моемъ въ отставку, когда я поселился въ имѣніи своемъ Лепельскаго уѣзда Рожанщинѣ, я значительно пополнилъ собраныя прежде свѣдѣнія о памятникахъ Витебской старины; многое изъ прежде написаннаго измѣнилъ, другое дополнилъ; что придастъ новый интересъ и свѣжесть настоящему изданію.

Предлагаемые мною нынѣ читателямъ свѣдѣнія касаются слишкомъ тысячи двухсотъ земляныхъ насыпей, не говоря о другихъ памятникахъ. При всемъ томъ я далекъ отъ мысли, что добытые мною путемъ личнаго разслѣдованія и изученіемъ печатныхъ и письменныхъ источниковъ, говорящихъ о Витебскихъ курганахъ, факты даютъ мнѣ право сказать по этому вопросу послѣднее слово. Вся моя заслуга въ этомъ дѣлѣ заключается лишь въ собраніи и группировкѣ ниже слѣдующихъ свѣдѣній, кои, для лучшаго сохраненія ихъ въ памяти, располагаются по уѣздамъ.

Городокскій уѣздъ.

Курганы этого уѣзда состоятъ изъ шести большихъ отдѣльныхъ группъ, расположенныхъ по направленію древнихъ путей сообщенія г. Невеля съ Витебскомъ и рѣкой Западной Двиной, и именно: вдоль с.-петербургскаго шоссе, начиная почти отъ самаго г. Городка и кончая сѣверной границей уѣзда, и по теченію рѣки Оболя, впадающей въ рѣку Двину и соединявшей когда то, по разсказамъ народа, воды Невельскаго озера съ водами двинскими. Наибольшее число кургановъ встрѣчается на казенныхъ земляхъ Болецкаго сельскаго общества. Народъ этой мѣстности называетъ ихъ могилами, или волотовками. Курганы эти, судя по расположенію ихъ, могутъ быть раздѣлены на три рода, именно:

1) Полевыя, распаханныя, едва возвышающіеся надъ почвой могилы. Такихъ насчитано по обѣ стороны ручья Красница—восемь.

2) Могилы кучныя, насыпанныя одна возлѣ другой болѣе или менѣе правильными рядами, высотой отъ

1/2 аршина до 2 аршинъ, а окружностію отъ 5 до 8 саженъ. Такихъ могилъ въ двухъ группахъ, расположенныхъ по обѣ стороны того же ручья Красница, 48; изъ нихъ 13 по лѣвую, а 35 по правую сторону.

3) Могилы одиночныя, возвышающіяся надъ окружающей ихъ мѣстностью, отъ 3 до 10 аршинъ, при окружности отъ 30 до 90 аршинъ расположены, повидимому, безъ всякаго порядка въ разстояніи другъ отъ друга отъ 30 до 450 аршинъ. Такихъ могилъ находится на лѣвой сторонѣ ручья 7, а на правой 3. Изъ числа ихъ особо замѣчательны двѣ, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіями: Голубца и Буды.

Могила Голубецъ находится на берегу озера того же имени, у самой деревни Голубцовой. Нынѣшняя высота ея равняется 10, а окружность 90 аршинамъ; вершина могилы изрыта, отчего она сдѣлалась двурогой, съ значительнымъ возвышеніемъ южной стороны предъ другими. По разсказамъ, какъ живущихъ вблизи могилы, такъ и окольныхъ крестьянъ, собраннымъ частію мною, частію сообщеннымъ болецкимъ сельскимъ управленіемъ, могила эта, съ незапамятныхъ временъ, обращала на себя вниманіе кладоискателей и неоднократно подвергалась раскопкѣ; но какъ поиски эти дѣлались тайно, ночною порою, а могила имѣетъ весьма значительные размѣры и, въ прежнее время, безъ сомнѣнія, была еще больше, то изслѣдованіямъ искателей счастія подверглась лишь средняя часть ея, и притомъ даже не до подошвы. Обстоятельство это, а равно множество болѣе или менѣе правдоподобныхъ разсказовъ о сокровищахъ въ этой могилѣ погребенныхъ, а также показанія мѣстныхъ крестьянъ о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ выбранъ на полѣ, у самой могилы, слитокъ какого-то металла, какъ говорятъ, серебра, величиной въ головку капусты, даютъ право разсчитывать на возможность успѣха правильнаго археологическаго изслѣдованія этого замѣчательнаго колоссальностью памятника мѣстной старины. Въ верхней-же части могилы былъ вырытъ большой камень, но гдѣ онъ дѣвался неизвѣстно.

Кѣмъ и когда насыпана эта могила, въ памяти народа преданій не сохранилось. Мѣстные старожилы говорятъ только, что еще дѣды ихъ разсказывали, что въ Голубцѣ зарыты многочисленныя сокровища, погребенныя вмѣстѣ съ прахомъ какого-то великаго начальника воиновъ, здѣсь сражавшихся, и купившаго побѣду своею смертію; говорятъ также, что ручей, раздѣлявшій станы сражавшихся, былъ до того заваленъ ранеными и убитыми людьми и лошадьми, что струи его окрасились въ кровавый цвѣтъ, почему самый ручей получилъ впослѣдствіи названіе Красница. Что касается разсказовъ народа о явленіяхъ, въ ночную пору, на вершинѣ Голубца, двухъ коней, или сѣдовласаго старца, сидящаго на бѣлой какъ снѣгъ, блестящей лошади, исчезающихъ при малѣйшемъ къ нимъ приближеніи, то легенды эти, доказывая, что народъ сильно убѣжденъ въ существованіи въ этой могилѣ кладовъ, присутствіи коихъ, по суевѣрнымъ понятіямъ его, всегда сопровождается подобными признаками, — должны удержать на этомъ памятникѣ мѣст-

ной старины вниманіе археологовъ.

Шагахъ въ 400 отъ Голубца и въ нѣсколькихъ отъ ручья Красница, у самой дороги, идущей отъ г. Городка въ с. Болецкъ, возвышается, между тощими лиственными зарослями, аршинъ на 5 отъ почвы, одинокая могила, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Буды.

Вершина ея подобно предыдущей, также подверглась изысканіямъ, которыя, какъ видно, производились конусобразно, отчего она получила видъ майдана*), въ срединѣ котораго возвышается другая, меньшая могила. Окружность Буды около 50 аршинъ. Земля насыпи сверху песчано-глинистая.

О происхожденіи названія могилы Буды народъ говоритъ двояко: одни утверждаютъ, что оно произошло потому, что здѣсь зарыта буда т. е. крытая повозка убитаго военачальника; другіе—что въ ней похороненъ самъ военачальникъ называемый Буда; наконецъ говорятъ еще и то, что названіе Буды дано могилѣ потому, что на ней, много лѣтъ тому назадъ, появилась бѣлая буда, запряженная тройкой бѣлыхъ лошадей, что также, въ понятіяхъ народа, считается несомнѣннымъ признакомъ существованія въ этой могилѣ клада.

Могилы Обольскаго общества въ числѣ 13, при высотѣ отъ 3 до 9 аршинъ и при 20 аршинахъ окружности, имѣютъ форму круглую, насыпаны изъ песчаной глины. Три изъ нихъ находящіяся въ полуверстѣ отъ деревни Бритики, покрыты мелкимъ лиственнымъ кустарникомъ, а остальныя десять, въ урочищѣ Боровомъ, сосновымъ лѣсомъ. Въ памяти народа никакихъ положительныхъ преданій о происхожденіи сихъ могилъ не сохранилось.

На земляхъ Дубининскаго сельскаго общества найдено близъ деревни Борокъ, девять круглыхъ кургановъ, имѣющихъ до трехъ аршинъ высоты и до 12 аршинъ въ поперечникѣ, и недалеко отъ озера Оборотнаго, въ урочищѣ Головно, древнее городище, формы круглой со входомъ отъ запада. Преданій и повѣрій объ этихъ памятникахъ дубининскимъ сельскимъ управленіемъ не сообщено, хотя трудно допустить, чтобы таковыхъ не было, въ особенности относительно городища.

Но самое большее число кургановъ и при томъ громадной величины, скопленныхъ болѣе или менѣе значительными группами, находится въ сѣверо-восточномъ углу Городокскаго уѣзда, именно въ той части его, которая расположена надъ рѣкою Ловатью, между Суражскимъ и Невельскимъ уѣздами, на земляхъ казеннаго имѣнія Стаекъ, а частію Горковскаго сельскаго общества. Стайковскіе курганы, разсѣянные на пространствѣ стайковской казенной дачи, имѣютъ различную форму: одни изъ нихъ, совершенно круглые, стоятъ какъ бы особняками, иногда по нѣскольку вмѣстѣ въ рядъ, при чемъ самый высшій изъ нихъ по срединѣ группы; иногда безъ всякаго повидимому порядка; другіе, хотя также круглой формы, но какъ бы окружены рвомъ; иные, наконецъ продолговатые, овальные или четыреугольные; эти послѣдніе бываютъ весьма велики. Многіе изъ этихъ

*) Майданъ—смологонная печь.

кургановъ, безъ различія формы ихъ покрыты старымъ сосновымъ лѣсомъ.

Что касается горковскихъ кургановъ, то къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о нихъ положительныхъ свѣдѣній; можемъ однакожь замѣтить, что одинъ изъ сихъ кургановъ, именно лежащій въ казенной горковской дачѣ, въ урочищѣ Кобылицѣ, по лѣвую сторону дороги, идущей изъ имѣнія Дубокрая въ фольварокъ — Замокъ, носитъ названіе городища и пользуется большой извѣстностью у мѣстныхъ жителей. Курганъ этотъ, при окружности семидесяти семи саженъ, имѣетъ въ поперечникѣ двадцать саженъ; онъ весь покрытъ густой зарослью сосноваго, частію дровянаго, а частію строеваго лѣса. Курганъ окруженъ рвомъ полуторасаженной глубины; за рвомъ идетъ валъ, высотой немного больше сажени, а за валомъ другой ровъ въ сажень глубины. Съ западной стороны уцѣлѣлъ еще въѣздъ на курганъ, который, какъ говоритъ преданіе, былъ вымощенъ камнемъ. Слѣва отъ въѣзда, въ первомъ рву, былъ колодезь, заброcанный впослѣдствіи камнями. Мѣсто это указываютъ и понынѣ. Мѣстные жители думаютъ, что въ колодцѣ этомъ зарытъ большой кладъ. Изрытая болѣе или менѣе глубокими ямами поверхность кургана доказываетъ также, что усердные кладоискатели вездѣ пытали свое счастіе. Нѣтъ сомнѣнія что мѣстность эта была когда то укрѣплена и на ней разыгрывались кровавыя историческія драмы.

Въ тридцати-четырехъ саженяхъ отъ кургана, за дубокрайской дорогой, также въ лѣсу, находится озеро Жежулица (можетъ быть Жужелица), пространствомъ около десятины, со всѣхъ сторонъ окруженное топкимъ моховымъ болотомъ. Преданіе говоритъ, что въ озеро это, въ незапамятныя времена, неизвѣстно какимъ образомъ сошла бывшая на курганѣ деревянная церковь, что событіе это случилось во время богослуженія, когда церковь была полна народомъ и что долго еще послѣ этого случая, въ волнахъ озера, по большимъ праздникамъ, слышался колокольный звонъ; но вотъ уже лѣтъ около ста, какъ онъ смолкъ. Разсказываютъ также, что лѣтъ болѣе ста тому назадъ одинъ крестьянинъ, удя въ этомъ озерѣ рыбу, задѣлъ удочкой за крестъ, но, испугавшись, бросилъ удочку и побѣжалъ объявить сосѣдямъ о своей находкѣ, которые, хотя и пришли на озеро, но ни креста, ни удочки не нашли. Мѣстные старики разсказываютъ также, что подъ горковскимъ курганомъ находится большой склепъ, наполненный золотомъ, серебромъ и разнымъ дорогимъ оружіемъ. Насъ увѣряли многіе, что еще лѣтъ тридцать тому назадъ они видѣли слѣды входа въ этотъ таинственный склепъ, но, что теперь никакъ не могутъ найти ихъ.

Кромѣ этихъ преданій о горковскомъ курганѣ, разсказываютъ почти тѣ-же легенды, какія передадимъ мы читателямъ при описаніи Озерищенскаго замка.

Чтобы заключить очеркъ памятниковъ старины Городокскаго уѣзда, остается сказать о курганахъ и городищѣ, находящихся на земляхъ Руднянскаго сельскаго общества почти у самой границы Невельскаго уѣзда.

Въ разстояніи менѣе версты отъ

деревни Свиридовки, близь дороги, идущей отъ руднянскаго сельскаго управленія къ с.-петербургскому шоссе, на мѣстности нѣсколько возвышенной и довольно открытой, хотя поросшей мелкимъ лиственнымъ кустарникомъ и чахлыми деревцами сосны, находится группа круглыхъ кургановъ, называемыхъ мѣстными жителями сопками; всѣ они насыпаны изъ супеска, составляющаго мѣстную почву, такихъ же размѣровъ, какъ болецкіе. Изъ числа девятнадцати кургановъ, еще 7 совершенно цѣлы, а 12 на половину раскопаны. Изъ разсказовъ мѣстныхъ стариковъ оказывается, что лѣтъ 40 тому назадъ въ курганахъ этихъ находили серебряные тарелки и ложки; намъ называли даже имена счастливцевъ, сдѣлавшихъ находки. Судя по усердной раскопкѣ семи уцѣлѣвшихъ, только на половину, кургановъ и по едва примѣтнымъ слѣдамъ гораздо большаго числа, можно думать, что разсказы эти не лишены основанія, а потому и настоящая замѣтка должна имѣть свое значеніе для любознательнаго археолога.

Что касается находящагося на земляхъ этого же сельскаго общества городища, то сообщенныя о немъ свѣдѣнія довольно подробны и любопытны.

Городище это находится на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ разбросанныхъ на прелестнѣйшемъ изъ озеръ Витебской губерніи—Озерищѣ, насупротивъ казеннаго селенія Мѣстечка, съ которымъ островъ соединяется узкимъ, имѣющимъ не болѣе 30 аршинъ, перешейкомъ, покрываемымъ весенними, а иногда и осенними водами.

Укрѣпленіе, носящее названіе городища, занимаетъ сѣверную оконечность острова; оно состоитъ изъ вала, согнутаго почти подъ прямымъ угломъ и упирающагося своими концами съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ въ берегъ озера. Выдающійся уголъ имѣетъ наиболѣе возвышенную насыпь; онъ обращенъ къ с. Мѣстечку. Съ наружной стороны вала, общее протяженіе коего около 280 шаговъ, былъ когда-то глубокій ровъ, наполнявшійся водой изъ озера. Слѣды его совершенно ясно замѣтны и нынѣ. Безъ-Корниловичъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о Бѣлоруссіи, описываетъ этотъ замѣчательный памятникъ старины въ такихъ краткихъ и не совсѣмъ точныхъ словахъ: „Въ западной сторонѣ озера Озерица, на полуостровѣ, перекопанномъ рвомъ, былъ нѣкогда укрѣпленный замокъ Озерище; нынѣ видны только остатки земляныхъ окоповъ, а по ихъ угламъ гдѣ были башни—курганы“.

На планѣ походовъ короля Стефана Баторія, составленномъ въ 1579 году секретаремъ коронной канцеляріи Пахаловичемъ, среди озера Озерища изображенъ большой городъ, а при нихъ, т. е. озерѣ и городѣ общая подпись ozieryscza. Въ русскихъ лѣтописяхъ Озерище упоминается такъ:

Въ лѣто 7072 (1563 г.) мѣсяца іюля въ 22 день, царевъ и вел. кн. воевода князь Юрій Ивановичъ Токмановъ ходилъ съ Невля къ литовскому городку, къ Озерищу, съ конными людьми, съ пѣшими да и съ судовыми людьми; а людей съ собой ималъ въ посадѣхъ и нарядъ съ собой ималъ легкой. И стоялъ у города четыре дни, и подъ городомъ

промышлялъ, и всѣ дороги подасѣкъ которыя были къ Озерищамъ. И пришли къ Озерищу изъ Витебска на помощь Литовскіе люди, въ головахъ ротмистры, а съ ними конныхъ и пѣшихъ людей 12 тысячъ и засѣка учали прочищати.

И князь Юрьи Токмановъ нарядъ въ судѣхъ да и пѣшихъ людей отпустилъ къ Невлю на передъ, а самъ съ конными людьми и съ стрѣльцы пришелъ къ Литовкимъ людемъ встрѣчю, дѣло съ ними дѣлалъ и передовой полкъ побилъ на голову и съ пятдесятъ языковъ было конныхъ у нихъ взято.

И какъ пришли всѣми людьми на него и князь Юрьи языковъ побилъ и со всѣми льдьми пришелъ на Невль здорово *).

Того же года, ноября въ 6 день Царь Симіонъ Касаевичъ Казанской да бояре—князь Иванъ Ивановичъ Пронской, да князь Василій Семеновичъ Серебреной съ товарищи, съ стрѣлецкою головою съ Романомъ Пивовымъ, по государеву приказу, къ Литовскому городу къ Озерищамъ ходили промышляти. И Божіимъ милосердіемъ, городъ Озерища взяли приметомъ, и державу Озерицкаго пана Мартина Островицкаго со многими королевкими дворяны, и ляховъ и дрябей и земскихъ людей многихъ поймали; а ротмистровъ пана Держинскаго, да пана Прогалинскаго и многихъ дворянъ, и ляховъ, и дрябей и всякихъ земскихъ людей побили на голову.

А которіе запирались въ стрѣльняхъ и въ башняхъ и въ хоромахъ и тѣ погорѣли, а городъ до основанія выгорѣлъ, а дворы господскіе и посадскіе и острожные всѣ выжгли, и никаковъ человѣкъ изъ города не ушелъ *).

*) Александровская лѣтопись. Рус. Ист. Библ. т. III.

*) Тамъ-же, Александровская лѣтопись.

По взятіи Озерищъ, царь назначилъ туда воеводой князя Юрія Ивановича Токманова; головами же повелѣлъ быть Чоглакову, да Карамышеву, а для охраны города оставилъ воеводъ: князя Петра Семеновича Серебрянаго и Ѳедора Васильевича Шереметьева**). Всѣ эти распоряженія показываютъ, что замокъ Озерище имѣлъ важное стратегическое значеніе.

Мѣстные старожилы утверждаютъ, что на описываемой мѣстности, также и тамъ, гдѣ нынѣ находится с. Мѣстечко, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ существовалъ пограничный между Литвой и Русью городъ, носившій названіе Городище. Впрочемъ, легко можетъ быть, что народъ слово городище, употребляемое въ смыслѣ развалинъ города, принялъ за собственное, обозначающее названіе города. Такая ошибка тѣмъ простительнѣе, что и нынѣ существующее на берегу Озерища селеніе носитъ названіе Мѣстечка, безъ сомнѣнія потому, что на пространствѣ, имъ занимаемомъ, существовала когда-то място, т. е. городъ. Не безъ основанія можно допустить также, что въ описываемой мѣстности былъ когда-то на берегу, гдѣ нынѣ с. Мѣстечко, городъ называвшійся Городищемъ, а на островѣ—замокъ, усвоившій себѣ названіе Озера или Озерища.

**) Разряд. книги 7072—7093 годовъ.

По преданію, городъ былъ сильно укрѣпленъ, и, кромѣ того, съ одной стороны, для удобнѣйшаго снабженія его во время осады разными продуктами, а съ другой—для облегченія отступленія изъ крѣпости, на случай невозможности удержать ее, замокъ былъ соединенъ двумя огромными мостами, изъ коихъ одинъ имѣлъ направленіе къ той мѣстности, гдѣ нынѣ шоссейная станція Рудня, съ другой къ противоположной сторонѣ, именно туда, гдѣ нынѣ находится Дубининское сельское управленіе. Протяженіе обоихъ мостовъ было не менѣе 2 или 3 верстъ; многочисленные остатки свай еще и понынѣ виднѣются въ водѣ и служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости народнаго преданія. Есть также основаніе предположить, что городище было соединено третьимъ мостомъ съ не подалеку лежащимъ, насупротивъ его, небольшимъ, но для помѣщенія на немъ особаго укрѣпленія достаточной величины островкомъ. Говорятъ, что на островѣ этомъ есть курганъ; но мы не имѣли возможности убѣдиться въ этомъ лично; но если это такъ, то предположеніе наше о существованіи на этомъ островкѣ особаго укрѣпленія; становиться еще вѣроятнѣе.

Въ памяти народа сохранилось также преданіе, что городъ этотъ однажды семь лѣтъ защищался отъ непріятеля и не былъ имъ взятъ, хотя въ этотъ періодъ времени были голодъ и язва, что собственно, можетъ быть, и спасло его. Въ своихъ смутныхъ воспоминаніяхъ, народъ часто упоминаетъ о королѣ Батурѣ, безъ сомнѣнія Стефанѣ Баторіѣ, предавшемъ, какъ извѣстно, Озерищенскій замокъ огню въ 1579 г., но всѣ показанія его объ этомъ вѣнчанномъ героѣ такъ сбивчивы и такъ противорѣчатъ одно другому и словамъ лѣтописей, что невозможно вывести изъ нихъ никакого сколько-либо положительнаго заключенія. Но что городище дѣйствительно было театромъ многихъ военныхъ подвиговъ Руси и Литвы, въ томъ удостовѣряютъ частыя находки, какъ въ валахъ бывшаго укрѣпленія, такъ и на пространствѣ острова: обломковъ мечей, пищалей и другихъ желѣзныхъ орудій, а также разной величины кованныхъ желѣзныхъ пуль и ядеръ, кои крестьяне вчастую передѣлываютъ на сошники, лемеши и другія принадлежности земледѣльческихъ орудій. Въ 1864 году осматривая городище, я пріобрѣлъ отъ одного изъ крестьянъ с. Мѣстечка, лично имъ найденные 7 штукъ разнородныхъ желѣзныхъ снарядовъ, изъ коихъ четыре пули вѣсомъ по 7 золотниковъ каждая, одна въ 13¾ золотника, и два ядра: одно двухфунтовое, а другое вѣсомъ 21 лотъ и 2 золотника. Нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ были доставлены мною на Московскую этнографическую выставку, откуда какъ рѣдкость поступили въ Московскую оружейную палату. Желѣзо этихъ снарядовъ замѣчательно своею мягкостью и ковкостью. Странно, однакожъ, что народъ сохранивъ въ памяти своей имя Баторія, почти не помнитъ имени Грознаго, хотя дружины его не разъ приводили въ трепетъ жителей города и замка, а въ 1565 году, іюля 22 дня, отряды князя Такманова и Шереметьева изрубили весь гарни-

зонъ Озерійскаго замка; не слѣдуетъ ли это объяснить тѣмъ, что Баторій часто лично предводительствовалъ войсками, а Грозный чрезъ своихъ воеводъ.

Кромѣ историческихъ преданій о судьбѣ городища, народная фантазія создала множество легендъ о кладахъ, сокрытыхъ подъ валами укрѣпленія. Хотя разсказы эти нисколько не могутъ пояснить исторической судьбы городища, но тѣмъ не менѣе они представляютъ любопытные образцы народныхъ вѣрованій, почему и помѣщаемъ ихъ на страницы нашей книги.

Вотъ, что разсказываетъ народъ о кладахъ въ Озерійскомъ городищѣ зарытыхъ:

а) Во время послѣдняго нападенія на городище русскихъ людей, старый городокскій пастухъ бѣжалъ изъ укрѣпленія, переѣхавъ чрезъ озеро на дверяхъ; впослѣдствіи, по разрушеніи непріятелемъ города, онъ возвращался и открылъ въ валахъ городища какой-то склепъ, гдѣ были сокрыты разныя сокровища, но что нашлось въ склепу—неизвѣстно.

б) Разсказываютъ также, что много лѣтъ тому назадъ, въ ночную пору, пришли въ с. Мѣстечко къ занимавшемуся рыболовствомъ крестьянину Вѣхоткѣ трое неизвѣстныхъ людей и просили его перевезти ихъ въ городище. Старый рыбакъ исполнилъ желаніе пришельцевъ и вмѣстѣ съ ними переѣхалъ на островъ. Тутъ подошли они къ рябиновому дереву и, выворотивъ его, нашли подъ корнями желѣзныя двери. Одинъ изъ пришельцевъ, отомкнулъ ихъ бывшимъ у него ключемъ, и затѣмъ всѣ четверо вошли въ комнату, въ которой при зажженной свѣчѣ сидѣла дѣвица, а возлѣ нея лежала собачка. Въ комнатѣ были другія, также желѣзныя двери. Отперли и тѣ и вошли въ другой покой, который оказался наполненнымъ деньгами. Тутъ пришельцы сказали Вѣхоткѣ, чтобы онъ бралъ себѣ денегъ сколько хочетъ и отвозилъ ихъ домой, пока они будутъ завтракать. Пока шелъ завтракъ, рыбакъ успѣлъ свезти домой три мѣшка денегъ. Когда онъ послѣдній разъ вернулся на островъ, то незнакомцы отдали ему ключъ отъ дверей тайника и сказали, что оставляютъ въ его распоряженіе всѣ свои сокровища, съ тѣмъ однакожъ, что онъ можетъ пользоваться ими только самъ, не объявляя о томъ никому. Съ этой поры рыбакъ Вѣхотка сталъ богатъ, но не зная, куда дѣвать такъ легко нажитыя деньги, началъ пить. Это замѣтили сосѣди и односельцы и стали доискиваться источниковъ богатства Вѣхотки. Однажды старикъ, будучи на веселѣ, разсказалъ своему сыну, какимъ путемъ получаетъ деньги, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на островъ, чтобы показать мѣсто, гдѣ спрятанъ доставлявшій ему средство къ жизни, кладъ; но подъ корнями рябины не оказалось ни склепа, ни даже дверей. Легенда эта заимствована изъ донесенія руднянскаго сельскаго управленія; она записана также и нами изъ словъ одного старика, но нѣсколько иначе Вотъ варіантъ этого разсказа: „лѣтъ около 60 тому назадъ. т. е. до несчастнаго года (такъ называетъ народъ 1812 годъ), разсказывалъ мнѣ восьмидесятилѣтній старикъ, пріѣхалъ въ с. Мѣстечко, поздно вече-

ромъ, какой-то пожилой человѣкъ, просилъ рыбака (имени мнѣ не называли) перевезти его на островъ и указать городище. Рыбакъ имѣя въ виду почную пору, долго не соглашался, но когда пришлецъ далъ ему рубль серебромъ, перевезъ его на островъ. Лишь только они пришли къ самой срединѣ городища, какъ предъ ними, съ шумомъ и визгомъ раскрылись, однѣ за другими, трое желѣзныхъ дверей, и обнаружился склепъ. Войдя въ него, они увидѣли сидящую на стулѣ прекрасную боярыню, у ногъ ея двухъ хортовъ, а рядомъ, съ правой и лѣвой сторонъ, по закрому серебряныхъ и золотыхъ денегъ. Пришлецъ спокойно набравъ въ свой мѣшокъ серебра, удалился. Вышелъ за нимъ и рыбакъ, думая: приду-ка я завтра днемъ да наберу побольше золота. Съ разсвѣтомъ онъ дѣйствительно пришелъ на городище, но ни золота, ни серебра, ни прекрасной боярыни и ея вѣрныхъ псовъ, ни даже дверей желѣзныхъ и мура каменнаго и слѣдовъ не стало; а вмѣсто всего этого предъ нимъ, какъ и прежде возвышалась круглая земляная насыпь, изрытая мѣстами, то рукой искателя счастія, то временемъ и ногами пасущагося скота.

Себежскій уѣздъ.

Земляныя памятники здѣшней старины наиболѣе сгруппировались въ юго-восточной части уѣзда, недалеко отъ границъ Полоцкаго и Невельскаго. Въ особенности много ихъ на земляхъ Жанвильскаго сельскаго общества, возлѣ мостика рѣки Великой. Въ сообщенныхъ намъ свѣдѣніяхъ упоминается о четырехъ городищахъ и 270 могилахъ, называемыхъ мѣстными жителями сопками.

Первое изъ городищъ, не имѣющее особаго названія, находится въ районѣ земель казеннаго имѣнія Утюжицы, въ урочищѣ Заборищѣ, при рѣкѣ Бороухѣ, въ полуверстѣ, на сѣверъ отъ корчмы того же имени; второе извѣстное подъ именемъ Иванпха, находится въ томъ же имѣніи и мѣстности и въ такомъ же разстояніи отъ корчмы Бороухи, но на западѣ, саженяхъ въ полутораста отъ дороги, идущей изъ Утюжицы въ мѣстечко Юхновичи. Оба эти городища круглой формы, со входами съ юго-запада. Окопы ихъ представляютъ два концентрическіе круга, при ширинѣ рвовъ отъ 4½ до 6 аршинъ; окружность каждаго около ста саженъ.

Въ народномъ преданіи нѣтъ никакихъ историческихъ указаній ни на эпоху, ни на народъ, а тѣмъ болѣе на лицъ, оставившихъ по себѣ эти слѣды; но судя по легендарнымъ разсказамъ мѣстныхъ старожилъ, приписывающихъ постройку городищъ какимъ-то богатырямъ, называемымъ асилками, должно полагать что сооруженія эти принадлежатъ весьма отдаленной эпохѣ. Къ такому заключенію можно отчасти придти и по живущему между народомъ вѣрованію, что строившіе городища богатыри, при недостаткѣ топоровъ, созидали укрѣпленія небольшимъ количествомъ этихъ орудій, не соотвѣтствовавшимъ числу работниковъ, и потому, въ случаѣ нужды въ топорѣ на одномъ городищѣ, орудіе это не переносили, а перебрасывали туда съ другого городища. Кажется не будетъ ошибочно, если сооруженія эти от-

несемъ къ такъ называемому каменному вѣку.

Третье городище находится въ казенномъ имѣніи Неведрѣ, на полѣ, въ полуверстѣ на сѣверо-западъ отъ деревни Павловой; оно устроено на высокой горѣ и представляетъ видъ двойной насыпи. Окружность городища сто саженъ; входъ въ него съ юга.

Жанвильскія сопки составляютъ три отдѣльныя группы: первая, почти въ сто могилъ, при рѣкѣ Устьѣ и озерѣ Братиловѣ, въ одной верстѣ, на югъ; отъ деревни Горы; вторая, въ семьдесятъ могилъ, между погостомъ Малахи и дер. Закры, и, наконецъ, третья, въ Забоченомъ бору, близъ дороги, идущей изъ имѣнія Укленна въ фольварокъ Пыжево, въ одной верстѣ, на сѣверъ, отъ дер. Забѣговъ. Въ этой группѣ около ста могилъ; всѣ онѣ, какъ и предыдущія, имѣютъ въ окружности отъ 5 до 7 саженъ, при высотѣ отъ 2 до 3 аршинъ. Многія изъ могилъ уже сильно распаханы; другія покрыты зарослями орѣшника, ольхи, можжевельника и сосны; иныя наконецъ, а именно находящіяся въ бору, поросли сосновымъ строевымъ лѣсомъ.

О происхожденіи могилъ народъ говоритъ одно, что онѣ насыпаны надъ тѣлами убитыхъ въ давнія времена воиновъ, что подтверждается находками въ нихъ болѣе или менѣе перегнившихъ человѣческихъ и лошадиныхъ костей.

Въ чертѣ казенныхъ земель Езерійскаго сельскаго общества въ растояніи четверти версты отъ дер. Яковцева и въ полуверстѣ отъ рѣки Великой, на мысѣ озера Езерища находится городище, носящее названіе Яковцева. Оно имѣетъ видъ подковы, со входомъ съ южной стороны; длинна его четверть, а окружность около трехъ четвертей версты. Преданій объ этомъ городищѣ нѣтъ, не было также и попытокъ къ раскопкѣ его.

На земляхъ этого же общества, въ полуверстѣ отъ рѣки Луки, на берегу озера Березна, находится значительной высоты, именно до 7 саженъ, остроконечный курганъ, называемый Лукинымъ. Есть повѣрье, что въ немъ сокрыты большія сокровища, почему много было попытокъ къ раскопкѣ этой могилы, но какъ говорятъ, онѣ не имѣли успѣха.

Кромѣ этихъ памятниковъ себежской старины, на озерѣ Свибло, отстоящемъ отъ г. Себежа на 33½ версты, между деревнями Пищевой и Ковальки, находится каменная гряда, раздѣляющая свиблскія воды почти на двѣ ровныя части и носящая въ народѣ названіе Чортова моста.

Урочище это замѣчательно не какъ памятникъ старинныхъ сооруженій и даже не какъ мѣсто, на коемъ бранное оружіе разрѣшало политическіе вопросы нѣкогда сосѣдственно обитавшихъ въ этомъ краѣ народовъ, а легендой о Чортовомъ мостѣ которая, кромѣ поэтическаго достоинства, замѣчательна и потому, что сохранила память о двухъ сосѣднихъ племенахъ: свевахъ и ливахъ. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе этой легенды:

Въ глубокой древности, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ деревня Пищева, жило племя свевовъ. Старшина его имѣлъ единственную дочь, плѣнявшую всѣхъ своею красотою и тихимъ нравомъ.

Она имѣла множество жениховъ не только между соплеменниками, но и между обитателями далекихъ чужихъ странъ. Изъ числа многихъ обожателей прелестной свевки ей въ особенности приглянулся могущественный ливъ, но, на бѣду подвернулся какой-то нѣмчикъ, котораго отецъ крайне не жаловалъ.

Старикъ, желая отдѣлаться отъ навязчиваго нѣмца, предложилъ ему, буде хочетъ жениться на его дочери, построить въ теченіе одной ночи, мостъ чрезъ озеро Свибло. Какъ ни трудна была задача, но хитрый нѣмецъ согласился исполнить ее. Настала ночь, а съ нею адская работа; на озерѣ раздался крикъ множества голосовъ, шумъ и плескъ волнъ, стукъ камней и гулъ тысячи орудій. Проснувшійся старшина свевовъ бѣжитъ въ испугѣ къ озеру, думая: ужъ не пошли ли на него войной сосѣдніе ливы, но, при яркомъ свѣтѣ луны, видитъ лишь бросаемые невидимой рукой въ волны озера камни да черную линію на половину готоваго моста. Догадался старикъ, въ чемъ дѣло, и еще пуще задрожалъ отъ страха; но вдругъ раздался крикъ пѣтуха, за нимъ страшный трескъ упавшаго на землю двухсаженнаго камня, и все какъ бы замерло. Наступило и утро. Смотритъ старикъ на Свибло и глазамъ своимъ не вѣритъ: на озерѣ мостъ, длинной болѣе версты, и только немного не конченъ, а на самомъ берегу огромной величины камень, котораго прежде вовсе не было; нѣмецъ исчезъ и болѣе не являлся. Догадался старикъ въ чемъ дѣло, и перекрестился, благодаря Бога, что избавилъ его отъ нѣмца.

Однакожъ, таинственная постройка моста не осталась безъ послѣдствій. Ливы, увидя, что свевамъ представляется возможность перейти чрезъ мостъ въ ихъ область, покинули свои жилища и ушли къ Балтійскому морю, гдѣ, разродясь, назвали свое новое селеніе Ливоніей.

Прошло еще нѣсколько времени, влюбленный ливъ, женясь на дочери старшины свевовъ, подарилъ своему тестю, т. е. свевамъ, ту землю, которою прежде самъ владѣлъ, почему свевскій старшина и назвалъ раздѣлявшее эти области озеро Свевломъ, т. е. Свей-ливскимъ.

Полоцкій уѣздъ.

Полоцкъ и уѣздъ его, составляя, такъ сказать, первую и едва-ли не самую интересную страницу въ исторіи Бѣлоруссіи, естественно должны бы представлять наибольшее число земляныхъ памятниковъ старины; оно въ дѣйствительности вѣроятно такъ и есть; но свѣдѣнія наши объ этихъ остаткахъ прошлыхъ вѣковъ нынѣ касаются двухъ сотъ пятидесяти кургановъ или могилъ и одного городища, не включая въ этотъ счетъ тѣхъ земляныхъ насыпей, кои, несомнѣнно относятся къ началу текущаго столѣтія, именно къ 1812 году, и носятъ въ народѣ названіе французскихъ могилъ, какъ напримѣръ въ урочищѣ Химкины кладки, близъ Полоцка.

Положеніе кургановъ, за исключеніемъ или совершенно отдѣльно лежащихъ, и массы сокрытыхъ еще въ дебряхъ лѣсовъ, вдали отъ селъ и деревень, составляютъ слѣдующія группы. Первая, въ тридцать шесть могилъ, въ предѣлахъ казеннаго Спасъ-юровичскаго имѣнія, въ 20-ти

съ небольшимъ верстахъ отъ г. Полоцка, подлѣ караванной дороги, идущей изъ Полоцка въ Невель. Вторая, въ двадцать три могилы, на томъ же пути, въ 50 верстахъ отъ Полоцка на берегу рѣки Дриссы, въ предѣлахъ казеннаго имѣнія Дворжецъ. Третья, въ двадцать могилъ, въ 54 верст. разстояніи отъ г. Полоцка, на проселочной дорогѣ изъ этого города въ Невель, на земляхъ казеннаго имѣнія Ситно. Четвертая, въ тридцать три могилы, въ 15 верстахъ отъ Полоцка, близь с.-петербургской почтовой дороги, и въ разстояніи четверти версты отъ деревни Владычина казеннаго Махировскаго имѣнія. Пятая, въ семь могилъ, верстахъ въ трехъ, отъ большой полоцкой почтовой дороги и верстахъ въ 6 отъ динабурго-витебской желѣзной дороги, въ урочищѣ Шитахъ казенной Оболь-Туницкой дачи, на берегу рѣки Западной Двины, близь дер. Филипповки. Шестая, очень большая необщитанная группа, въ лѣсу по дорогѣ изъ г. Полоцка въ г. Дисну за ур. Песчанкой, верстахъ 7—8 отъ Полоцка; здѣсь сохранились слѣды значительнаго землянаго укрѣпленія. Народъ приписываетъ насыпь этихъ кургановъ французамъ, но это совершенно невѣроятно. Слѣдуя по этой дорогѣ далѣе къ р. Ушачу, мы находимъ еще одну т. е. седьмую группу старинныхъ кургановъ, близь корчмы им. Бононь, саженяхъ во сто отъ парома. Курганы эти большею частію разрыты, такъ какъ на нихъ расположено кладбище, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ, отененные столѣтними соснами, сохранили и понынѣ свою форму. Главная масса кургановъ расположена по лѣвой сторонѣ дороги; на моей памяти, лѣтъ 25 тому назадъ, было нѣсколько кургановъ и по правую сторону дороги. При расширеніи дороги и возведеніи построекъ изъ могилъ вырывались человѣческія кости. Подобное скопленіе кургановъ, замѣчается и близь им. Рудня, верстахъ въ 3 отъ им. Бононь, вверхъ по р. Ушачу, на той же сторонѣ ея. Эта группа кургановъ, по счету восьмая, обнаружилась только лѣтъ десять по вырубкѣ росшаго на ней сосняка.

Шестаго іюля 1889 года я въ подробности осмотрѣлъ эту группу кургановъ и добылъ слѣдующіе результаты.

Руднянскіе курганы расположены надъ луговымъ покосомъ имѣнія Милиной-Рудни, въ полу верстѣ отъ фольварка, по правую, по теченіи, сторону рѣки Ушача, въ урочищѣ называемомъ „Волотовки", Всѣхъ кургановъ по счету оказалось восемдесятъ четыре; хотя несомненно что было болѣе ста; они расположены отдѣленіями на возвышенностяхъ, пересѣкаемыхъ низменностями отъ части влажными, отъ части болотистыми. Всѣхъ отдѣленій Руднянской курганной группы пять: первое въ 3, второе въ 2, третіе въ 16, четвертое въ 35, а пятое въ 28 еще сохранившихся кургановъ.

Размѣръ этихъ насыпей различный; иные имѣютъ въ высоту до 6 аршинъ, при окружности до 30 шаговъ, другіе значительно менѣе, иные едва возвышаются надъ поверхностью земли.

Изъ большихъ кургановъ на многихъ видны безобразные слѣды попытокъ къ разграбленію ихъ, въ особенности въ 3 и 5 отдѣленіяхъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ

въ курганахъ этихъ, въ послѣдніе годы, находили кромѣ остатковъ угля и пережженыхъ костей, разные мелкіе вещи. Такъ, въ 1887 г., въ одномъ изъ кургановъ 4-го отдѣленія найдено много пластинокъ красной листовой мѣди, повидимому имѣвшихъ значеніе амулетовъ.

Форма и величина пластинокъ была двоякая, но всѣ онѣ напоминали треугольникъ, однѣ усѣченный, другіе съ закругленными углами и отличались толщиной.

Въ верхнемъ отверстіи тонкихъ пластинокъ находился обрывокъ спиралью свороченной проволоки, одного съ пластинкой металла.

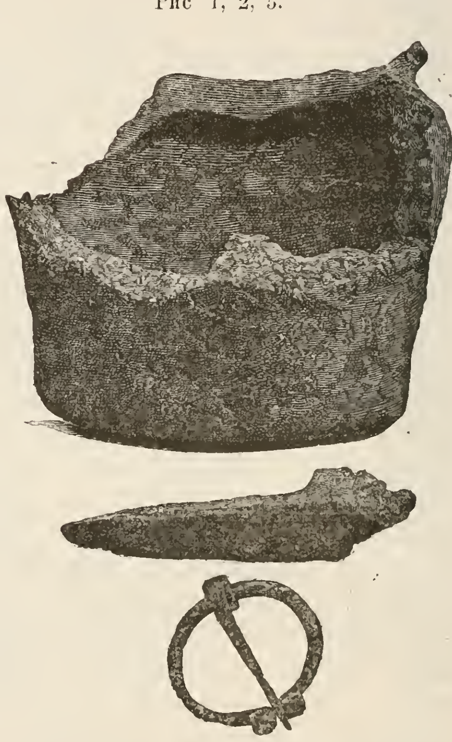
Имѣвшіеся на пластинкѣ кружки не были пробиты на сквозь, а лишь вогнуты, такъ что оборотная сторона ея представляла какъ-бы бугорчатыя возвышенія. Толщина этихъ пластинокъ не превышала толщины двухъ трехъ сложенныхъ вмѣстѣ листовъ бумаги а длина полутора вершка. Пластинки сдѣланные изъ мѣднаго листа, толщиной въ 1/3 вер. была нѣсколько менѣе.

Въ каждомъ изъ трехъ угловыхъ отверстій пластинки были обрывки такой-же точно спиралью свернутой проволоки, какъ и при тонкихъ пластинкахъ.

Всѣ эти пластинки были найдены въ одной кучѣ.

Въ другомъ курганѣ этого же отдѣленія случайно вырытъ перержавѣвшій ножъ, величиною, вершка въ три, подобный изображенному на рисункѣ, представляющему этого же рода находку въ курганѣ 4-го отдѣленія. Этотъ послѣдній курганъ принадлежитъ къ числу наибольшихъ по размѣрамъ. Подъ верхнимъ травянистымъ покровомъ его, лежитъ слой песка, толщиной въ аршинъ, далѣе слѣдуетъ черная, песчая, смѣшанная съ остатками угля и перегорѣвшихъ костей земля въ которой, на восточной сторонѣ кургана, на глубинѣ отъ поверхности до 2 арш., были между прочимъ найдены слѣдующія изображенные по фотографіи въ 0,6 величины предметы:

Рис 1, 2, 3.

а) Горшечекъ грубой ручной работы изъ необожженой глины, смѣшанной съ крупными зернами жвиру (кварца), высотой въ $1^5/_8$ вершка, шириной въ отверстіи $1^6/_8$, а въ днѣ $1^5/_8$ верш., толщина стѣнъ $^3/_{16}$ верш.

Наружная сторона сосуда сильно задымлена; замѣтна также копоть и внутри; ясно что горшечекъ находился въ огнѣ, что подтверждается также нахожденіемъ близь него ма-

лыхъ кусочковъ сплава мѣди и другихъ металловъ и минераловъ.

Къ крайнему сожалѣнію горшекъ при раскопкѣ кургана, по неосторожности рабочихъ разбитъ (рис. 1).

б) Недалеко отъ горшка найдены обломки другаго, повидимому плоскаго сосуда, изъ необожженой глины но безъ примѣси жвиру, имѣвшаго толщину стѣнъ въ ²/₈ вершка.

с) Небольшой (⁶/₈ вер. въ длину и ³/₈ въ ширину) обломокъ, какого-то сосудца изъ красной мѣди.

д) Лезвіе ножа, длиною до бородки т. е. части вправляемой въ черенокъ 1¹/₈ вер. Форма ножа такая какъ и нынѣ часто употребляется; но тупая сторона его значительно толще (рис. 2).

е) Пряжка мѣдная, работы очень грубой (рис. 3) представляетъ неспаянное кольцо, концы коего сверчены въ одинъ оборотъ, но не соприкасаются между собою, на кольцѣ надѣта свободно вращающаяся булавка для застежки.—Подобные пряжки употребляются и понынѣ крестьянами латышами, въ Прибалтійскихъ губерн. Рядомъ съ курганомъ въ коемъ найдены описанные вещи и въ которомъ, кромѣ того, вырыто при мнѣ, — нѣсколько кусковъ гнейса съ большой примѣсью слюды видимо находившихся въ сильномъ огнѣ, лежитъ другой очень большой курганъ, сѣверная сторона которою частію разрыта и чрезъ это отверстіе совершенно отчетливо видно нѣсколько консетрическихъ слоевъ угля смѣшаннаго съ пескомъ и перетлѣвшими костями. Должно заключать, что на этомъ мѣстѣ сожиганіе труповъ, повторялось много разъ. Вообще рудиянскіе курганы или „волотовки“, какъ называютъ ихъ мѣстные крестьяне представляютъ, пока они еще не совсѣмъ расхищены, богатое поле для археологическихъ изслѣдованій.

По другую сторону имѣнія Рудня т. е. за р. Ушачемъ, на возвышенныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ, по обѣ стороны бездѣдовичской дороги и также въ началѣ лѣса чрезъ который идетъ эта дорога, есть болѣе или менѣе замѣтные слѣды раскопанныхъ кургановъ; изъ нѣкоторыхъ изъ нихъ брали песокъ; другіе, въ лѣсу находящіяся, осѣли отъ времени, сохранивъ еще свою обычную форму.

Въ этотъ же день 6-го іюля при дальнѣйшихъ поискахъ мы нашли по лѣвую сторону р. Ушача, въ предѣлахъ того же Полоцкаго уѣзда, еще нѣсколько одиночныхъ кургановъ и одну уже сильно опустошенную группу, по счету одинадцутую этого рода земляныхъ насыпей.

Изъ одиночныхъ кургановъ два находятся, не въ далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи, въ сосновомъ бору, при перекресткѣ дороги, идущей изъ дер. Рудни въ имѣніе Новый Дворъ (оно же Бездѣдовичи), съ лѣсной тропинкой. На одномъ изъ этихъ кургановъ, лежащемъ въ сѣверномъ углу, еще не давно стояла фигура (крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Распятія); другой, находящійся въ южномъ, на крестъ лежащемъ углѣ, остается пока повидимому цѣлымъ, не смотря на то что непокрытъ даже мелкой зарослю; окружность его около 54 аршинъ, высота сравнительно небольшая.

Слѣдуя далѣе по лѣсной дорожкѣ ведущей въ дер. Салатки и Курьяны, по лѣвую сторону, при двухъ развѣтвленіяхъ ея мы нашли еще два

одиночныхъ кургана изъ коихъ одинъ съ значительнымъ углубленіемъ по срединѣ, а другой съ круглой вершиной. Наконецъ недоѣзжая около версты до деревни Курьяновъ, все по той же лѣвой сторонѣ дорогѣ, въ чащѣ сосноваго жерденаго лѣса, на весьма явственномъ возвышеніи, мы нашли совершенно цѣльный курганъ, окружность коего равнѣется 72 аршинамъ. Должно думать что нахожденіе этого памятника старины въ чащѣ лѣса на глухой тропинкѣ, и его почтенные размѣры послужили ему защитой отъ расхищенія.

Минувъ деревню Курьяны и слѣдуя далѣе по теченію р. Ушача къ Бононскому погосту, встрѣчается среди вырубленнаго и частію обращеннаго въ пашню и покосъ лѣса еще десять кургановъ, болѣе или менѣе раскопанныхъ и распаханныхъ.

Это послѣдняя, т. е. двѣнадцатая изъ извѣстныхъ намъ и болѣе или менѣе обслѣдованныхъ группъ полоцкихъ кургановъ.

Правда, мы слышали о существованіи еще тринадцатой группы кургановъ при дер. Колтунахъ, называемыхъ мѣстными жителями „старосвѣтскими концами" но намъ не привелось обозрѣть ихъ.

Размѣры этихъ могилъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ нами отмѣченныхъ, превышаютъ въ высоту 7 арш. а въ окружности 30 арш. Всѣ онѣ поросли, болѣе или менѣе, крупнымъ сосновымъ и частію березовымъ (именно махировскія) строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, частію уже срубленнымъ, высшій возростъ коего, какъ напримѣръ на ситнянскихъ и обольскихъ могилахъ, можно считать 100 лѣтъ.

Относительно формы полоцкихъ могилъ, мы должны замѣтить, что онѣ почти всегда круглыя съ такими же вершинами; и только изрѣдка продолговатыя; въ числѣ 33 махировскихъ могилъ восемь, имѣютъ углубленія сверху, и три почти совершенно раскопаны. Изъ донесенія Махировскаго сельскаго управленія видно, что осмотръ этихъ могилъ былъ произведенъ священникомъ бѣльской церкви Селютинскимъ, будто бы нашедшимъ въ могилахъ однѣ лишь человѣческія кости; это изслѣдованіе относится къ концу пятидесятыхъ годовъ. Попытокъ къ систематическому осмотру спасъ-юровичскихъ, дворжецкихъ, ситнянскихъ, обольтунпцкихъ, песчанскихъ, бононьскихъ и руднянскихъ кургановъ дѣлаемо не было. Личный нашъ осмотръ обнаружилъ лишь слѣды расхищенія или случайный разрывъ могилъ какъ замѣчено при описаніи бононьскихъ.

Изъ одиноко лежащихъ могилъ, кромѣ вышеописанныхъ нами, одна находится на земляхъ махировскаго казеннаго имѣнія, близь дер. Горовой, въ урочищѣ, называемомъ Чертовымъ болотомъ. Она замѣчательна по своимъ громаднымъ размѣрамъ, именно семисаженной высотой, при 200 саженяхъ въ окружности. Народъ утверждаетъ, что насыпь эта сдѣлана въ незапамятные годы воинствомъ, среди болотнаго неприступнаго мѣста; по этому ее, кажется, скорѣе должно причислить къ разряду городищъ или укрѣпленій, чѣмъ къ разряду могилъ.

Но самый интересный изъ полоцкихъ кургановъ—это курганъ Рогнѣдинъ.

Народъ разсказываетъ, что будто бы этотъ курганъ насыпанъ надъ

тѣлами убитыхъ въ сраженіи Рогвольда и Ягнѣды (т. е. Рогнѣды) и что понынѣ какъ въ озерѣ Дриссѣ, такъ и въ самомъ курганѣ нерѣдко находятъ каменные молоты и палицы.

Рогнѣдинъ курганъ, или гора, при высотѣ въ $5^{1}/_{2}$ саженъ, имѣетъ въ окружности до 300 аршинъ. Этотъ замѣчательный памятникъ старины находится въ Полоцкомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщицы Маріи Бошнякъ, на полуостровѣ, называемомъ Перевозъ, между устьемъ впадающей въ озеро Дриссу рѣчки Ущи и истокомъ выходящей изъ него рѣчки Дриссы, которая, пройдя двѣ версти и соединивъ справа озера Волбно и Гонтино, а слѣва Литвино, Пролобно и Далекое, впадаетъ въ рѣку Западную Двину. Одно изъ мѣстныхъ преданій говоритъ, что на Рогнѣдиной горѣ погибъ въ сраженіи полоцкій князь Рогвольдъ, убитый ударомъ каменнаго молота.

Что касается находящагося въ чертѣ казенныхъ земель Альбрехтовскаго сельскаго общества, близь деревни Малаго-Грачушина, въ урочищѣ Окольницѣ, городища, состоящаго изъ поросшей лѣсомъ круглой земляной насыпи, имѣющей, при 15 саженяхъ въ поперечникѣ, до 3 саженъ высоты, и носящаго также названіе Околицы, то ни о времени, ни о цѣли сооруженія ея въ памяти народа никакихъ преданій не сохранилось.

Кромѣ этихъ памятниковъ старины въ Полоцкомъ уѣздѣ уцѣлѣли еще остатки древнихъ военныхъ путей; такъ въ описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, составленномъ А. Востоковымъ, подъ № XXIII л. 120 упоминается объ остаткахъ Ольгердовой дороги, на основаніи рукописи подъ заглавіемъ: „Извѣстія объ открытіи прохода и пути в. кн. Литовскаго Ольгерда, шедшаго нѣкогда съ воинствомъ къ Москвѣ“; въ такихъ словахъ: Слѣды, проложенной Ольгердомъ чрезъ лѣса и болота военной дороги, найдены на границѣ нынѣшняго Полоцкаго уѣзда съ уѣздами Городокскимъ и Невельскимъ надъ р. Верусою, впадающею въ р. Оболь, въ имѣніи бывшемъ г. Жабы, называемомъ Страплицами. Крестьяне въ ономъ имѣніи показываютъ огромной величины насыпные и лѣсомъ поросшіе бугры, кои называютъ Ольгердовскою дорогою; въ трехъ же верстахъ отъ Страплицъ, въ глухомъ лѣсу, видны огромные окопы, окруженные болотомъ, кои крестьяне зовутъ „столище“, а узкое мѣсто ведущее внутрь слыветъ у нихъ, „Князевымъ мостомъ“. Къ рукописи приложены изображенія древнихъ вещей, найденныхъ въ одномъ бугрѣ, раскопанномъ г. Жабой, именно: желѣзнаго бердыша, двухъ бердышей изъ сѣраго гранита, каменнаго копья и одной изъ четырехъ найденныхъ урнъ. Къ сожалѣнію мы не имѣли случая ни осмотрѣть этотъ путь, ни повѣрить приводимыя о немъ преданія. Тѣмъ не менѣе мы находимъ нужнымъ помѣстить это указаное для облегченія будущаго изслѣдованія витебской старины.

Лепельскій уѣздъ.

По числу кургановъ едва-ли не богаче всѣхъ другихъ уѣздовъ губерніи. Эти памятники старины раз-

сѣяны почти на всемъ пространствѣ его, болѣе или менѣе значительными группами. Лично намъ извѣстно до 400 кургановъ. Главнѣйшія группы этихъ насыпей расположены въ 7, 12 и до 25 верстъ отъ г. Лепеля: въ Гутовской казенной дачѣ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, на поляхъ и въ лѣсахъ Заболотскаго и Бецкаго сельскихъ обществъ и близь м. Кубличъ, по границѣ Витебской губерніи, съ Виленской.

Кромѣ того множество кургановъ насыпано надъ рѣчкой Начей, впадающей въ Западную Двину и протекающей по сѣверо-западной части уѣзда. Курганы эти обложены камнями.

Въ урочищѣ Овсянка, принадлежащемъ къ имѣнію Воронь, между озерами Зено и Озеренское, въ разстояніи около 15 верстъ отъ г. Лепеля, на пространствѣ двухъ десятинъ, сгруппировано около ста кургановъ.

Въ верстѣ отъ почтовой станціи Камень, слѣдовательно въ 20 верстахъ отъ г. Лепеля, надъ безъимяннымъ ручьемъ, 20 кургановъ.

Надъ рѣчкой Уллой, по обѣ стороны, близь имѣнія Паулья, въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города, разсѣяно много кургановъ. Всѣ они обложены камнями.

У самаго города Лепеля, близь предмѣстья, называемаго Песчанка, также есть група кургановъ. Одинъ изъ нихъ, поодаль лежащій, около четырехъ саженъ высоты. Въ 1883 году М. Ф. Кусцинскій разрылъ нѣсколько изъ этихъ кургановъ и въ числѣ ихъ самый большой, лежащій близь города надъ озеромъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ ничего, даже костей. Должно допустить что или эти раскопки не были произведены довольно тщательно, или же курганы эти были расхищены кладоискателями.

Въ лѣсной дачѣ имѣнія помѣщика г-на Кусцинскаго Завидичъ близь почтовой дороги, между станціей Камень и г. Лепелемъ, вблизи небольшой групы кургановъ, есть валъ, имѣющій при 30 аршинахъ длины, 3 аршина высоты. Насыпь эта называется народомъ Змѣиной Могилой.

Въ этой же мѣстности есть много кургановъ, поросшихъ кустарниками, кои были насыпаны въ 1812 году надъ тѣлами баварскихъ войскъ, входившихъ въ составъ французской арміи и павшихъ здѣсь въ авангардной стычкѣ съ нашимъ отрядомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ генерала Штенгеля.

Съ приближеніемъ къ сѣверной границѣ Лепельскаго уѣзда т. е. къ городу Полоцку, въ особенности къ пункту впаденія рѣки Ушача въ рѣку Западную Двину, слѣдовательно въ бассейнѣ Начоушачскомъ, появляется г р у п п а старинныхъ кургановъ, числомъ болѣе 80-ти, частію уже раскопанныхъ или разрытыхъ руками кладолюбцевъ, частію скрывающихся въ густой чащѣ молодаго березняка и ельника. Между этими остатками сѣдой старины, наиболѣе замѣчательны бездѣдовичскія и устянскія насыпи. Въ 1884 году нѣсколько изъ нихъ были раскопаны и вотъ результаты этихъ изслѣдованій.

Верстахъ въ 20-ти отъ г. Полоцка, по лѣвую сторону р. Западной Двины, въ предѣлахъ Жолновской волости,

Лепельскаго уѣзда, между имѣніями Бѣздѣдовичами, оноже Старый дворъ, А. А. Римскаго-Корсакова, Устьемъ В. А. Дздзеля и Рожанциной, принадлежащимъ автору этого сочиненія, по обѣ стороны проселочной дороги соединяющей названные имѣнія, въ вырубленномъ бору имѣнія Бездѣдовичъ, находится группа древнихъ кургановъ, носящихъ общее названіе этого рода памятниковъ старины „волотовокъ". Кромѣ насыпей, сохранившихъ еще вполнѣ ясно круглую форму кургана, или продолговатую вала, встрѣчаются между зарослями, остатки другихъ насыпей съ едва замѣтной округленностію, чуть-чуть возвышающіяся надъ уровнемъ почвы. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что тутъ было очень много древнихъ кургановъ, относящихся не къ одной а къ разнымъ болѣе или менѣе одна отъ другой отдаленнымъ эпохамъ. Вся вообще масса бездѣдовичскихъ кургановъ числомъ около семидѣсяти, сгруппирована на песчаномъ возвышеніи, склоняющемся во всѣ стороны къ ручьямъ, протокамъ и бездѣдовичскому озеру, легко обнимаемому взоромъ. Тутъ была когда-то деревушка носившая названіе Волотовокъ, но отъ нея и слѣдовъ не осталось.

Бездѣдовичскіе курганы сгруппированы весьма густо, и повидимому, безъ всякаго порядка, тѣмъ не менѣе отъ нихъ отдѣлились нѣсколько одиночныхъ, большихъ размѣровъ кургановъ, которые съ нѣкоторой правильностью, направляются съ одной стороны вдоль лѣсной дороги къ им. Устью, т. е. къ пункту впаденія въ р. Западную Двину рѣки Ушача, а съ другой къ бездѣдовичскимъ озерамъ*). На берегу Запад. Двины рѣзко выдѣляется одиночная высота курганная насыпь, вѣнчанная полусгнившимъ крестомъ, осѣняющимъ подобно другимъ крестамъ, окружающихъ эту насыпь, прахъ, погребенныхъ здѣсь, уже на памяти окрестныхъ жителей, православныхъ бѣлоруссовъ.

Здѣсь была когда-то и церковь, о разграбленіи которой польскимъ, или правильнѣе ополяченныхъ Бѣлорусскимъ панкомъ, еще свѣжо преданіе, а въ церковномъ архивѣ можно найти и письменные тому доказательства. Въ настоящее время какъ бы въ насмѣшку надъ всѣмъ православнымъ, какъ бы въ живой укоръ нашей непослѣдовательности и неуваженія къ собственной національности и праху предковъ, часть курганной насыпи срѣзана и подъ нею пріютился жидъ съ явной для всѣхъ и съ невѣдомой начальству продажей водки... Но обратимся къ курганамъ. Бездѣдовичскіе насыпи давно уже обращали на себя вниманіе любителей старины и охотниковъ искать клады почему повременамъ подвергались раскопкамъ. Такъ бывшій владѣлецъ Бездѣдовичь Обремпальскій раскопалъ нѣсколько большихъ кургановъ; затѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ производилъ здѣсь изысканія покойный борецъ за православіе и русскую народность К. А. Гаворской. Къ какимъ результатамъ привели эти изслѣдованія неизвѣстно; между тѣмъ весьма любопытно, что, несмотря на недавность изысканій Гаворскаго, личность его и труды

*) Озера эти носятъ названія: большое Крыжъ, кшижъ т. е. крестъ; а малое—Медвѣдь или Медвѣжье ухо; по сходству перваго съ крестомъ, а послѣдняго съ медвѣжьимъ ухомъ.

сдѣлались уже легендарными. Такъ ученый Гаворскій превратился въ кладоискателя Бугорскаго, въ уста коего народъ вложилъ слѣдующіе, будьтобы прочтенные имъ изъ какой-то старинной книги, помѣщику Обремпальскому слова о бездѣдовичскихъ курганахъ:

„Есть озеро большое—Крыжъ,
И малое--Медвѣжье ухо,
Подъ Ушачь рѣку.
Тамъ тридцать волотовокъ большихъ,
И тридцать волотовокъ меньшихъ
Въ большихъ—жолнеры да конѣ
А въ малыхъ рыцари въ бронѣ“.

Много, конечно, было попытокъ и состороны мѣстныхъ крестьянъ, въ особенности, когда пошла въ ходъ легенда о Говорскомъ,—проникнуть въ нѣдра могилъ; но результаты попытокъ этихъ хранятся въ тайнѣ. Однако жъ одинъ кладоискатель увидя случайно, мое собраніе древностей, подъ секретомъ, сказалъ мнѣ: что онъ и другое лицо, нѣсколько разъ въ ночь противъ Ивана-Купала *), искали въ бездѣдовичскихъ волотовкахъ кладъ и одинъ разъ нашли круглую вершковъ десять въ діаметрѣ,совершенно переряжавѣвшую бляху, въ родѣ сковороды, (не щитъ ли?) а другой разъ, на глубинѣ 1½ аршина ниже подошвы кургана, глиняный горшечекъ**), совершенно подобный по формѣ и матеріалу находящемуся въ моемъ собраніи и найденному въ одномъ изъ кургановъ руднянской группы***). Обѣ находки кладоискатели сдѣлали при помощи щупа; при вырытіи вещей они находили много угля и перегорѣвшихъ костей.

Послѣднѣе изслѣдованіе бездѣдовичскихъ кургановъ было произведено при насъ.

Вотъ какъ въ свое время, оно описано въ Витебскихъ Губ. Вѣдомостяхъ. Седьмаго іюня 1884 года, я и мои сосѣди при участіи нѣкоторыхъ любителей старины, произвели раскопку одного изъ наибольшихъ, въ срединѣ группы лежащихъ кургановъ, находящагося близъ него вала, и наконецъ, докончили раскопку одиночнаго кургана на землѣ В. А. Дзедзеля, по пути въ имѣніе Устье.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ, снявъ слой дерна и песка, толщиной въ аршинъ, мы нашли консетрическіе, тонкіе, мѣстами прерывающіеся, но ясно сохраняющіе въ своемъ направленіи круглую фигуру насыпи, слои бѣлой, слабо блестящей, на ощупь весьма мягкой земли съ примѣсью большею частію совершенно разложившагося угля, остатки коего также сохранили блескъ, а при растираніи между пальцами нѣкоторую твердость; ясно, что этотъ уголь скорѣе животнаго, чѣмъ растительнаго происхожденія.

Замѣчательно, что на первомъ курганѣ, на самой его срединѣ, на глубинѣ полуаршина отъ поверности, мы нашли въ одной кучѣ, гарнца два, мелкихъ полуистлѣвшихъ костей, между коими отличили остатки двухъ человѣческихъ колѣнныхъ чашекъ.

Въ единичномъ курганѣ на землѣ В. А. Дзедзеля, снятомъ въ уровень

*) Ночь предъ 24 Іюнемъ — праздникомъ Рождества Іоанна Предтечи.

**) Обломокъ дна этого сосуда, хранится нынѣ у меня. Ав.

***) См.Описаніе кургановъ Полоцкаго уѣзда и рисунки найденныхъ вещей.

съ землей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для добыванія песку, мы ничего не нашли, хотя углубили середину его въ самый материкъ, но бывшіе при этомъ владѣлецъ и рабочіе объяснили, что и въ этомъ курганѣ, какъ и въ другихъ, которые имъ случалось раскапывать, находились слои золы и угля, но вещей никакихъ не находилось. Судя потому, что на многихъ изъ кургановъ, изслѣдованной нами группы, ростутъ, или росли сосновыя и еловыя деревья, какъ это показываетъ число слоевъ на пняхъ и размѣръ деревъ, возраста выше столѣтняго; что никто изъ мѣстныхъ стариковъ, а между ними есть восьмидесяти и девяностолѣтніе, не слыхали отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ: о времени насыпи этихъ кургановъ; наконецъ судя по тѣмъ легендарнымъ сказаніямъ, кои удалось намъ собрать о нихъ, можно съ достовѣрностію отнести, по крайней мѣрѣ многіе изъ этихъ кургановъ т. е. позднѣйшіе, ко времени Стефана Баторія, не разъ проходившаго здѣсь со своею ратью; слѣдовательно къ концу XVI вѣка. Легендарныя преданія о бездѣдовичскихъ и устьянскихъ насыпяхъ весьма интересны какъ по фантастичности разсказа, такъ еще болѣе потому, что народъ соединилъ въ нихъ память о двухъ великихъ историческихъ дѣятеляхъ, далеко не современникахъ, именно: о королѣ Стефанѣ Баторіѣ, по народному Батурѣ и императрицѣ Екатеринѣ II-й, по народному богатырь-Катеринѣ. Вотъ почти дословный разсказъ народа о происхожденіи бездѣдовичскихъ и устянскихъ насыпей.

„Это было очень давно и дѣды наши того не помнятъ. Землей нашей владѣлъ Батура, а какъ узнала про то богатырь-Катерина, то собрала русское воинство и на этомъ самомъ мѣстѣ (разсказъ происходилъ среди бездѣдовичскихъ кургановъ, во время раскопки) встрѣтила польскую рать Батуры. Въ ту пору былъ здѣсь большущій лѣсъ; увидавъ царицу, Батура схватилъ ель и вырвавъ ее съ корнемъ, говоритъ Катеринѣ: зачѣмъ намъ биться? Вотъ погляди на нашу силу! Поглядѣла царица, усмѣхнулась, да и говоритъ ему: Ну, говоритъ, хорошо! а поставь же ель обратно въ землю! А Батура и не смогъ. Тогда богатырь-Катерина взяла ель, перевернула корнями вверхъ, да дополовины и вдавила въ землю; затѣмъ разбила рать Батуры, а остатки прогнала за Двину“.

„Въ другой разъ богатырь-Катерина настигла Батуру подъ Устьемъ. Выйдя изъ кареты, царица видитъ пасется пара спутанныхъ желѣзными путами коней, а рать Батуры такъ и сунется и сунется изъ за окопа на русское воинство. Не долго думала богатырь Катерина; какъ схватитъ за путы въ одну руку одного, а въ другую другого коня:

И пошла ими валять
Польскую рать;
Силу народа побила,
Много въ Двинѣ потопила,
Остальныхъ за рѣчку прогнала.
И тутъ русская земля стала.

По напечатаніи мною въ 73 нумерѣ Витебскихъ „Губерн. Вѣдом.“ замѣтки о раскопкахъ, произведенныхъ въ им. Бездѣдовичахъ, г. Романовъ, въ 78-мъ нумерѣ той же газе-

ты высказалъ слѣдующее интересное сопоставленіе.

„Курганы, подобные Бездѣдовицскимъ, съ погребальнымъ ритуаломъ—трупосожженіемъ, находятся и въ сѣннинскомъ уѣздѣ могилевской губ., сосѣднемъ съ витебскихъ и лепельскимъ уѣздами. Группа ихъ найдена мною на берегу Богдановскаго озера, по дорогѣ изъ Сѣнна въ Бѣшенковичи. При раскопкѣ въ сильно раскаленномъ кострищѣ, оказалась масса измельченныхъ костей животныхъ, нѣсколько обуглившихся кусковъ крупныхъ костей человѣческихъ и, кромѣ того, сильно пострадавшіе отъ огня желѣзные обломки, повидимому, оружія и круглая серебряная бляха."

„Затѣмъ такіе же курганы извѣстны мнѣ въ бассейнѣ р. Сожа, въ мстиславльскомъ и гомельскомъ уѣздахъ могилевской губерніи".

„Вобще, Могилевская губернія, подобно витебской и минской, замѣчательно богата вещественными памятниками старины доисторической: валами, городищами, городками, замковищами, курганами и т. п. Не говорю уже объ орудіяхъ каменнаго вѣка: ими могилевская губернія такъ же богата, какъ и минская,—по общимъ отзывамъ едва ли не богатѣйшая въ Россіи этого рода памятниками. Наконецъ, мнѣ удалось найти въ предѣлахъ могилевской губ. и рѣдкіе для нашихъ широтъ памятники—каменныя бабы, вопреки существовавшему мнѣнію, будто распространенность ихъ на сѣверѣ ограничивается 50°".

„Послѣдними археологическими изысканіями, произведенными въ 1885 и 1856 гг. Московскимъ Археологическимъ Общ. и Отдѣломъ Андропологіи Общ. Любит. Естествознанія, въ достаточной степени выяснено, что курганы могилевской губ., при всемъ разнообразіи ихъ типовъ, начиная отъ кургановъ съ каменными орудіями и трупосожженіемъ и кончая курганами XI в. съ подвѣсками—христіанскими образками на бусахъ,—имѣютъ несомнѣнное сходство съ курганами витебской и минской губерніи.

„Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть указанія на то, что площадь, ограниченная Зап. Двиною, Сожемъ, Припетью и верховьемъ Нѣмана, служила нѣкогда ареною дѣятельности одного, несомнѣнно славянскаго племени".

Кромѣ сего нѣкоторые изъ древнихъ лепельскихъ кургановъ подверглись въ разные годы, и при томъ въ большей или меньшей степени, изслѣдованіямъ, результаты коихъ изложены въ статьѣ нашего сочлена М. Ф. Кусцинскаго, напечатанной въ 20 № „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за 1865 годъ, подъ заглавіемъ: „Опытъ археологическихъ изслѣдованій въ Лепельскомъ уѣздѣ".

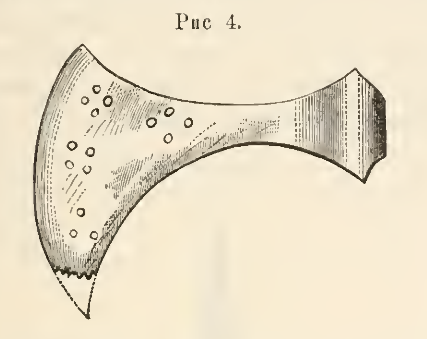
Мы заносимъ результаты нѣкоторыхъ изъ этихъ изысканій на страницы нашей книги, поясняя ихъ точными рисунками находокъ.

Въ 1857 году г. Кусцинскій разрылъ одинъ изъ четырехъ кургановъ, лежащихъ близь имѣнія Черцы, въ 12 верстахъ отъ г. Лепеля. Въ самой срединѣ кургана найдены были сожженныя человѣческія кости, при которыхъ стоялъ глиняной горшокъ, также наполненный сожженными костями; на днѣ горшка найдена маленькая бронзовая сѣкира или бердышекъ, который г-нъ Кусцинскій при-

знаетъ за эмблему или символическій знакъ достоинства погребеннаго (рис. 4).

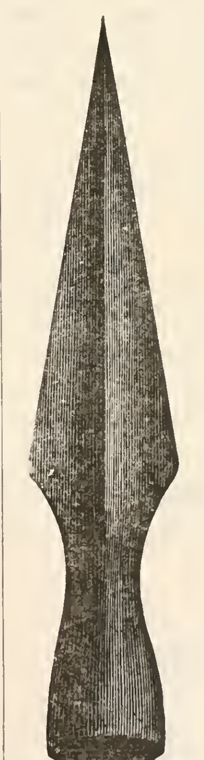
Бердышекъ этотъ безъ сомнѣнія, принадлежитъ бронзовому періоду и составляетъ довольно рѣдкую находку которою впрочемъ нисколько не подтверждается мнѣніе нѣкоторыхъ археологовъ, что обрядъ сожженія тѣла принадлежалъ исключительно лицамъ значительнымъ *).

Рис 4.

Луи Фигье въ своемъ сочиненіи „Первобытный человѣкъ" относительно погребенія въ бронзовую эпоху, между прочимъ говоритъ: „Вообще въ бронзовую эпоху мертвыхъ хоронили въ погребальныхъ покояхъ, а иногда въ видѣ исключенія ихъ сожигали. Благочестивое обыкновеніе класть подлѣ труповъ оружіе или утварь, служившія усопшимъ при ихъ жизни, соблюдалось постоянно. Замѣтимъ только, что съ этой эпохи (рѣчь идетъ о второмъ періодѣ бронзовой эпохи) стали часто класть въ могилы топоры и орудія размѣровъ меньшихъ противу употребляемыхъ въ житейскомъ быту. Топоры маленькіе, топоры ex voto (по обѣту, заповѣдные). По этому мнѣніе г. Кусцинскаго, что найденная близъ г. Лепеля, въ зольницѣ маленькая бронзовая сѣкира или бердышекъ, по просту топорикъ, есть особый знакъ достоинства погребеннаго въ курганѣ лица, едва ли можно считать вѣрнымъ. Нельзя также сказать: чтобы находки малыхъ топориковъ, были особенно рѣдки. Графъ Адамъ Платеръ, въ окрестностяхъ Креславки, динабургскаго уѣзда, на берегахъ рѣки З. Двины находилъ много такихъ вещицъ *). Это обстоятельство еще болѣе колеблетъ приведенное мнѣнія г. Кусцинскаго. Въ Бѣлоруссіи существовалъ обычай, еще доселѣ не вездѣ покинутый, класть въ могилы любимыя покойниками вещи, или оружія ремеслъ; такъ пьяницамъ клали бутылку водки, охотникамъ — ружье, лѣснику — топоръ, ткачу бедро и т. п.

Рис. 5.

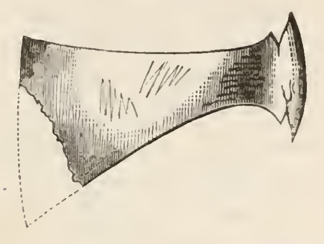
Въ одномъ курганѣ на землѣ государственныхъ крестьянъ Заболотскаго общества, въ урочищѣ Княгинки, г. Кусцинскій нашелъ при покойникѣ желѣзный бердышъ и такое же копье. Самое названіе этой мѣстности наводитъ на ту мысль, что тутъ хоронились какіе нибудь князья или начальники провинціи, при которыхъ, какъ знакъ военной власти, оставляли военное оружіе (рис. 5 и 6).

*) См. „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи", С. Турчиновича. Спб. 1857 г., стр. 5.

*) „Живописная Россія", томъ III, стр. 24.

Народное преданіе говоритъ; что когда-то, очень давно, жилъ вблизи этого мѣста какой-то князь. У него

Рис. 6.

была красивая молодая жена. Однажды князь выѣхалъ на войну, и когда возвратился изъ похода, то нашелъ свою жену за другимъ княземъ. Въ порывѣ ревности и гнѣва, счастливый на войнѣ, но несчастный въ любви, князь убилъ свою невѣрную жену, а потомъ и себя. Ихъ похоронили рядомъ, но въ двухъ отдѣльныхъ кургановъ. И дѣйствительно: другой курганъ, въ разстояніи на двѣ сажени отъ перваго, заключалъ женскій скелетъ, у котораго на правой рукѣ былъ родъ браслета изъ толстой бронзовой проволоки, съ нанизанными бусами изъ какой-то массы, величиною съ ружейную пулю. Нѣкоторые изъ этихъ бусъ украшены разноцвѣтною эмалью,

Рис. 7.

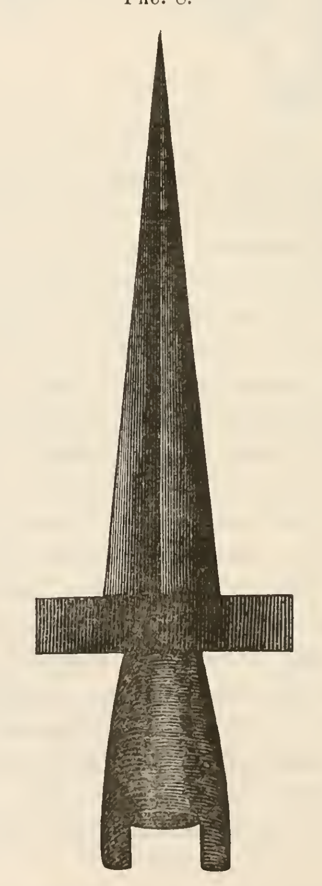

коей цвѣтъ и рисунокъ хорошо сохранились по настоящее время (рис. 7).

Въ урочищѣ Баярникѣ, въ 7 верстахъ отъ мѣстечка Кубличъ, на границѣ Витебской и Виленской губерніи, разсыпана группа кургановъ на значительное пространство.

По мнѣнію г. Кусицкаго, курганы эти принадлежатъ послѣднимъ временамъ язычества. На этой же мѣстности было древнее христіанское кладбище. По увѣренію одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ обрушившихся кургановъ кубличской группы. былъ найденъ древней формы бронзовый крестикъ.

Рис. 8.

Изъ пяти раскопанныхъ кургановъ въ трехъ найдены желѣзныя

копья и бердыши. Быть можетъ, здѣсь жило сословіе, посвятившее себя военной службѣ, на подобіе образовавшихся впослѣдствіи времени панцырныхъ бояръ (рис. 8).

Слѣдя за ходомъ археологическихъ изысканій нашихъ антикваріевъ, можно заключить, что женскія украшенія гораздо чаще и въ большемъ количествѣ попадаются въ курганахъ мѣстностей, близкихъ къ Балтійскому морю, напримѣръ, въ Ковенской губерніи, остзейскихъ провинціяхъ и въ такъ называемыхъ инфляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи; однакожъ, находки эти встрѣчаются и въ Бѣлорускихъ уѣздахъ Витебской и въ Могилевской губерніяхъ. Совершенное сходство этихъ предметовъ съ находимыми въ Даніи и Швеціи ясно доказываетъ, что они достались сюда вслѣдствіе сношеній съ Скандинавіей.

Къ болѣе интереснымъ предметамъ этого рода, кромѣ находокъ въ курганѣ Княгинки, слѣдуетъ отнести и найденное въ курганѣ при имѣніи Гущинѣ, въ 13 верстахъ отъ Лепеля, ожерелье (гривна) (рис. 9) состоящее изъ трехъ кусковъ толстой бронзовой проволоки, окрученныхъ винто-

Рис. 9.

образно; а также находки на землѣ деревни Грошовки, казеннаго вѣдомства, въ четырехъ верстахъ отъ Лепеля, въ восьми разновременно разрытыхъ курганахъ, именно: 1) Ожерелье, состоящее изъ бисера, съ перваго взгляда весьма похожаго на жемчугъ. Бисеръ этотъ сдѣланъ изъ какой-то массы, состоящей изъ тонкихъ пластинокъ въ родѣ слюды. Эта любопытная находка передана г. Кусцинскимъ въ даръ виленскому музеуму древностей. *) Бывшій предсѣдатель виленской археологической коммиссіи, графъ Евстафій Тышкевичъ, нашелъ его весьма сходнымъ съ бисеромъ, часто находимымъ въ Помпеѣ, и, по его же мнѣнію, это у насъ первая находка въ этомъ родѣ. 2) Около 50 стеклянныхъ золоченыхъ бусъ. Позолота на нихъ сдѣлана сусальнымъ золотомъ и потомъ облита стеклянной массой. 3 серги изъ скрученной бронзовой

Рис. 10

проволоки (рис. 10). 4) Нѣсколько кусковъ бронзовой проволоки, согнутыхъ кругообразно. Они лежали по обѣимъ сторонамъ головы и вѣроятно

Рис. 11

служили для поддержанія сплетовъ волосъ. 5) Серебряныя серьги весьма оригинальной формы напомина-

*) См. „Виленскій Вѣстникъ“ 1860 г., за № 12.

ющіе стрѣлу, обращенную остріемъ къ низу, работа простая (рис. 11). 6) Четыре бронзовыя кольца простой работы, такъ что ни одно изъ нихъ не спаяно (рис. 12 и 13). 7) 1 большой перстень

Рис. 12.

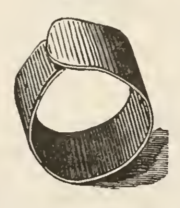
изъ бронзы. Внутренняя сторона его наполнена массой, на коей вырѣзаны

Рис. 13.

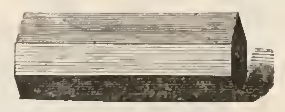
какіе-то знаки (рис. 14) *). 8) Два кольца желѣзныя. Они, какъ вообще желѣзные

Рис. 14.

предметы въ курганѣ, обратились въ перекись желѣза бураго цвѣта и легко ломались въ куски. Лежали онѣ съ лѣваго бока скилета. Какъ полагаетъ графъ Тышкевичъ, такія кольца употреблялись для поддерживанія платья, въ родѣ римскихъ tibula alcidia. 9) 126 стек-

Рис. 15.

лянныхъ бусъ зеленаго цвѣта величиною въ конопляное зерно. Одна буса изъ сердолика, продолговатой формы, (рис. 15) и двѣ круглыя изъ аметиста.

Въ одномъ изъ кургановъ урочища Овсянки, имѣнія Воронь помѣщика Селявы, найдены двѣ серебряныя серги замѣчательной работы.

Серги эти, хотя при первомъ взглядѣ и похожи одна на другую, но въ дѣйствительности, какъ это читатель можетъ усмотрѣть изъ рисунковъ, (16 и 17) разнятся и величиной и

Рис. 16.

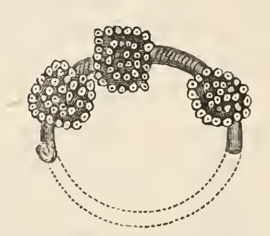
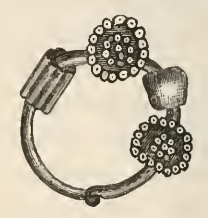

Рис. 17.

формой и отдѣлкой. Шестнадцать стеклянныхъ золотыхъ бусъ, желѣзное кольцо, на которомъ образовался отпечатокъ полотна. Въ другомъ курганѣ при мужскомъ скелетѣ, вырыты: оселокъ изъ песчаника, (точильный камень) желѣзный ножикъ и кремень.

При разрытіи нѣкоторыхъ кургановъ попадались глиняные сосуды. Форма ихъ похожа на обыкновенные и нынѣ употребляемые горшки, въ которыхъ варятъ пищу, только болѣе грубой обдѣлки, съ толстыми стѣнками. Положительно можно утверждать, что они назначались для оставленія пищи при покойникѣ; но настоящее даже время сохранились въ простомъ народѣ нѣкоторые поминальные обряды, извѣстные подъ названіемъ дѣды, во время которыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, есть обыкновеніе носить пищу на могилы

*) Перстень этотъ представленъ въ виленскій музей.

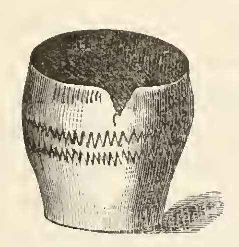
усопшихъ родныхъ и выставлять въ домахъ на столѣ и окнахъ. Ни на одномъ горшкѣ нѣтъ слѣда употребленія токарнаго станка: они просто вылеплены руками. Вотъ форма этихъ сосудовъ (рис. 18 и 19).

Рис. 18,

Къ довольно рѣдкимъ сосудамъ можно отнести найденную. г. Кусцинскимъ, надъ рѣкою Уллою, въ

Рис. 19.

имѣніи Поульѣ, такъ называемую слезницу (по литовски ассаруве). Это плоскій сосудъ съ крышкою на срединѣ коей сдѣлано маленькое отверстіе, быть можетъ для собиранія слезъ присутствующихъ на похоронахъ *).

Изслѣдованные въ Лепельскомъ уѣздѣ курганы, какъ велики ни были, не заключали въ себѣ однако болѣе одного покойника, который обыкновенно лежалъ на поверхности земли; а надъ нимъ насыпанъ курганъ. Земля для этого употреблялась изъ ближайшаго къ могилѣ пространства. Отъ этого вокругъ могилы образовалась канава, и только въ одномъ мѣстѣ оставлено узкое пространство, вѣроятно для всхода на вершину кургана. Въ нѣкоторыхъ могилахъ трупъ положенъ поверхъ слоя угольевъ, золы и березовой коры, сохранившейся почти въ цѣлости. Направленіе тѣла всегда отъ востока къ западу, т. е. головой на западъ.

Глубоко вкоренившееся вѣрованіе что человѣкъ послѣ смерти переходитъ къ другой жизни, подобной земной, съ ея нуждами, занятіями, удовольствіями, внушало языческимъ предкамъ нашимъ необходимость снабжать могилы покойниковъ, всѣмъ чѣмь только по ихъ мнѣнію, могли они нуждаться въ будущей жизни. Эти то оставленные покойникамъ предметы составляютъ важнѣйшія археологическія находки наши. Однакожь едвали всегда этимъ предположеніемъ можно объяснить нахожденіе при остовахъ покойниковъ монетъ, въ особенности принявъ во вниманіе мѣсто ихъ нахожденія при остовахъ. Вотъ напримѣръ что находимъ мы по этому обстоятельству въ письмѣ къ намъ М. Ф. Кусцинскаго, отъ 16 марта 1885 года. Въ Пышнянской волости, верстъ 15 отъ Лепеля, именно около деревни и озера Кривецъ, я обнаружилъ одну странность, которую не могу себѣ уяснить; дѣло въ слѣдующемъ: курганы въ числѣ двѣнадцати лежатъ на плоской возвышенности, рядомъ

---

*) Здѣсь считаемъ нужнымъ привести странное мнѣніе нѣкоторымъ, лѣтописцевъ (Кромеръ, Длугошъ, Матезіусъ) на счетъ сосудовъ, находимыхъ въ курганахъ; такъ напримѣръ Матезіусъ, жившій въ XVI столѣтіи, утверждаетъ, что эти сосуды не что иное, какъ „произведеніе природы“ и Мысль болѣе смѣлая, чѣмъ основательная.

съ ними находится старое опущенное кладбище христіанское, на которомъ въ настоящее время не хоронятъ и даже нѣтъ ни одного креста на немъ, а лишь видны небольшія могильныя насыпи обложенныя камнями, какъ это дѣлается и теперь. Раскопавъ одинъ изъ ближайшихъ къ старому кладбищу кургановъ, я нашелъ женскій остовъ на лбу котораго лежала серебряная монета, такъ называемый тройной грошъ литовскій Сигизмунда Августа 1569 года, на покойницѣ былъ кожаный поясъ украшенный булавками (?) совершенно такими, какъ теперешнія. Въ другомъ курганѣ найденъ желѣзный трехгранный наплокъ и обломки кремня. Однимъ словомъ всѣ вещи доказывали, что курганы относится къ XVI вѣку; стало быть за 300 лѣтъ соблюдался еще мѣстами языческій погребальный обрядъ, т. е. что покойника клали на землѣ и надъ нимъ сыпали курганъ; но съ какой стати положена монета на лобъ? „Быть можетъ, говоритъ г. Кусцинскій, она замѣняла вѣнчикъ, требуемый обрядомъ восточной церкви, которыхъ въ то время трудно было имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ!“ Выводъ слишкомъ смѣлый и едва ли основательный въ виду единичности случая; не допуская даже ошибочности въ опредѣленіи мѣста нахожденія монеты и того, всегда возможнаго случая, что монета эта просто на просто, кѣмъ либо изъ закапывавшихъ трупъ утеряна. Впрочемъ находка монеты и того, всегда кахъ вовсе не столь явленіе рѣдкое; такъ въ 1872 году при проведеніи рва для фундамента вновь возводимой церкви въ сел. Веляшковичахъ, Витебскаго уѣзда, на глубинѣ отъ 3 до 4 аршинъ, вырыто 49 человѣческихъ головъ, много костей, а въ полуразрушившихся гробахъ найдены стеклянные сосуды, похожіе на бокалы и разныя мѣдныя и серебряныя монеты.

Кромѣ кургановъ, Лепельскій уѣздъ богатъ остатками или по крайней мѣрѣ воспоминаніями о бывшихъ когда-то въ предѣлахъ его замкахъ; но объ этомъ подробнѣе мы скажемъ въ особой главѣ, здѣсь же упомянемъ только, что въ м. Гомелѣ, въ 23 верстахъ отъ Полоцка и въ 54 отъ Лепеля, на лѣвомъ берегу рѣки Туровки, на крутомъ пригоркѣ, было когда-то большое земляное укрѣпленіе, построенное по повелѣнію короля Сигизмунда-Августа. Отъ укрлѣнія этого осталась и по нынѣ кой-какіе слѣды рва и вала.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ сохранилось также преданіе о витольдовыхъ путяхъ, или дорогахъ. Дорогъ, носящихъ это названіе указываютъ двѣ: первая, близъ имѣнія Воронечъ, проходитъ по болоту, а вторая, на земляхъ имѣнія помѣщика Корсака-Заскорокъ, въ 15 верстахъ отъ города Полоцка, также идетъ чрезъ болота. При описаніи Полоцкихъ древностей, мы упомянули объ Ольгердовой дорогѣ, но этимъ еще не исчерпываются предавія о путяхъ древнихъ воителей и ихъ полчищъ. Есть указанія, основанныя на историческихъ фактахъ, о дорогахъ Стефана Баторія, въ особенности по пути шествія отряда, находившагося подъ начальствомъ виленскаго воеводы Радзивила въ 1579 г. на Полоцкъ, чрезъ мм. Глубокое, Поставы и г. Диспу. Прорубка чрезъ непроходимые въ то

время лѣса—просѣкъ, устройство мостовъ и гатей, во время этого похода, пали на долю венгерской пѣхоты, входившей въ составъ арміи Баторія.

Этими строками о древнихъ военныхъ путяхъ, мы думали закончить описаніе лепельскихъ памятниковъ старины, какъ новая случайная поѣздка въ прилегающую къ рѣкѣ Ушачу часть этого уѣзда доставила намъ еще нѣсколько свѣдѣній о курганахъ въ ней находящихся. Какъ ни кратки эти свѣдѣнія но мы считаемъ полезнымъ занести ихъ на страницы нашего изданія, какъ указаніе для будущихъ изслѣдований.

У самой границы Полоцкаго уѣзда съ Лепельскимъ, въ предѣлахъ послѣдняго, у дороги ведущей въ сел. Заскорки, недалеко отъ берега р. Ушача, мы нашли перерѣзанный траншеей курганъ, имѣющій въ окружности по рву 80, а въ высоту 10 аршинъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого кургана, на восточной его сторонѣ, находится другой еще уцѣлѣвшій но меньшихъ размѣровъ. А въ небольшомъ разстояніи отъ нихъ, по правую сторону дороги, лежитъ цѣлая группа (до 20) подобныхъ насыпей, уже настолько распаханныхъ что многіе изъ нихъ едва замѣтны. Группу эту мы назвали заскорской.

Слѣдуя далѣе чрезъ м. Воронечъ, въ которомъ указывали намъ на высокую плоскую гору, какъ мѣсто бывшаго когда то города и на смѣжную съ ней, большихъ размѣровъ, съ почти отвѣсными боками, будто бы искусственную насыпь, командующую протекающей у подошвы ея рѣкой Ушачемъ, мы недоѣзжая до им. Мишицы въ лѣсу, въ глубокомъ оврагѣ, при перекресткѣ дорогъ, нашли одиночный, также перерѣзанный рвомъ курганъ, имѣющій въ окружности 77 а въ высоту 11 аршинъ.

Проѣхавъ отъ селѣ верстъ пятнадцать, подымаясь вверхъ по теченію р. Ушача, мы нашли на границѣ имѣнія Антоборъ оно же Сорочино, верстахъ въ двухъ отъ озера Черствять, подъ лѣсомъ, на песчаномъ грунтѣ, цѣлую группу довольно далеко другъ отъ друга разсѣянныхъ кургановъ; между коими два обратили наше вниманіе: одинъ, находящійся въ полѣ, съ попытками къ раскопкѣ—своей величиной, а другой въ лѣсу, также довольно значительныхъ размѣровъ, тѣмъ что на немъ положено много камней. Эту группу кургановъ мы назвали сорочинской.

Рѣжицкій уѣздъ.

По Рѣжицкому уѣзду свѣдѣнія наши о древнихъ земляныхъ насыпяхъ касаются наиболѣе Вайводовской и Ковнатской волостей.

Свѣдѣнія эти, при всей ихъ неполнотѣ, обнаруживаютъ: что въ этой мѣстности въ былыя времена совершались кровавыя драмы. Вайводовское волостное управленіе относитъ эти событія къ временамъ „крестовыхъ походовъ“ разумѣя конечно,—набѣги ливонскихъ рыцарей.

Наибольшее число старинныхъ кургановъ Вайводовской волости находится возлѣ рѣчки Ульяны, при дер. Обитель. Въ могилахъ этихъ по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, нерѣдко находили платиное серебро, крестики и бердыши. Что разумѣетъ народъ подъ словомъ

платинное серебро, передававшій донесеніе мировой посредникъ, къ сожалѣнію не объяснилъ; что же касается названія деревни Обителью, то оно произошло потому, что на мѣстѣ томъ была когда то, въ незапамятныя времена женская обитель. Это чисто руское названіе монастыря служитъ прекраснымъ доказательствомъ, что и въ предѣлахъ Рѣжицкаго уѣзда искони существовало православіе и господствовала русская народность.

Кромѣ кургановъ, въ районѣ этой волости находятся три отдѣльныхъ укрѣпленія, или какъ называютъ ихъ крестьяне, окопа. Изъ нихъ первый, извѣстный подъ именемъ Замка, на Старомысленскомъ полѣ, при впаденіи рѣчки Рудни въ озеро того же имени; второй—на Удренскомъ полѣ, Букмуйжскаго сельскаго общества, покрытъ кустарникомъ извѣстенъ подъ именемъ Дубовки; наконецъ, третій—на Сваренцовскомъ полѣ дер. Раймиковъ.

Какіе размѣры имѣютъ эти окопы,—мы не имѣемъ свѣдѣній, но извѣстно, что народъ вѣритъ въ существованіе внутри двухъ первыхъ изъ нихъ богатыхъ кладовъ золота и серебра.

То же повѣрье существуетъ и о какомъ то заброшенномъ колодцѣ фольварка Адамова и о старинномъ кладбищѣ деревни Тыртова.

Вообще сообщенныя намъ о памятникахъ старины по Вайводской волости свѣдѣнія хотя и не лишены интереса, но слишкомъ кратки.

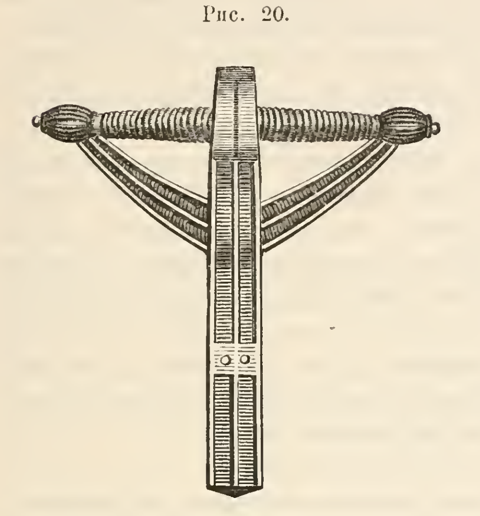
Изъ сообщенія Ковнатскаго волостнаго правленія видно, что на земляхъ, ему подвѣдомственныхъ, народъ, по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ, указываетъ слѣдующія, замѣчательныя по находкамъ въ нихъ разнаго древняго оружія мѣста: а) Гора Пили-Колна, находящаяся при дорогѣ, идущей изъ имѣнія Ковнаты въ города Люцинъ и Себежъ, возлѣ деревни Старой Слободы. Форма горы круглая, двуярусная, съ плоской вершиной. Окружность верхняго уступа ея равняется 120 саженямъ. Въ старые годы нагорная площадка распахивалась, но уже много лѣтъ, какъ брошена подъ перелогъ, и потому поросла разнороднымъ лиственнымъ кустарникомъ. Старожилы утверждаютъ, что на огородахъ, окружающихъ эту гору и у самой подошвы ея, вчастую, выкапываютъ человѣческія кости и бердыши. Самая гора значительной раскопкѣ не подвергалась; говорятъ, что на вершинѣ ея былъ когда-то костелъ.

б) Въ томъ же имѣніи, въ верстѣ за фольваркомъ Вашни, а въ трехъ верстахъ отъ волостнаго правленія, въ урочищѣ подъ названіемъ Малый Боръ, на пространствѣ около пяти десятинъ, находится весьма большая группа древнихъ кургановъ въ которыхъ часто мѣстные крестьяне, устраивая ямы для храненія картофеля, находили свертки мѣдной гибкой, но весьма прочной проволоки съ шариками: въ родѣ брезгунковъ, или звонковъ на пеньковыхъ шнуркахъ, а также лошадиныя кости и при нихъ пики; однажды же былъ вырытъ человѣческій черепъ, прикрытый мѣднымъ шлемомъ, вѣсившій до 3-хъ фунтовъ.

Въ одномъ изъ кургановъ этой группы, на глубинѣ около 2½ арш. 30-го августа 1864 года найдены бронзовая пряжка и колечко. Верх-

няя сторона пряжки имѣла такой видъ (рис. 20) и почти такую же величину.

Рис. 20.

По мнѣнію осматривавшаго эту находку, члена московскаго археологическаго общества г. Струкова; она есть ни что иное, какъ часть пряжки отъ древняго колчана, какіе нерѣдко встрѣчаются во многихъ старинныхъ курганахъ. Хотя вещь эта и не можетъ считаться большою рѣдкостью, тѣмъ не менѣе она имѣетъ значеніе для мѣстной археологіи.

Въ Рыкопольскомъ сельскомъ обществѣ, въ имѣніи помѣщика Бениславскаго, между деревнями Бечеры и Петровской, близъ рѣчки Скарбовки, въ лѣсу, есть вторая группа кургановъ, въ которой часто находили человѣческія кости, весьма длинныя пики, мѣдныя кольца и отломки мечей.

Витебскій уѣздъ.

Свѣдѣнія о старинныхъ земляныхъ сооруженіяхъ Витебскаго уѣзда отличаются тѣми же качествами, какъ свѣдѣнія по Рѣжицкому уѣзду, и притомъ касаются одной лишь Старосельской волости, на земляхъ которой найдено три кургана и одно городище. Изъ числа кургановъ, первый, извѣстный подъ именемъ Лавочника, находится на земляхъ Іозефовскаго общества, помѣщицы Ярентовичевой; второй на землѣ помѣщика Любощинскаго, а послѣдній—въ имѣніи бывшемъ г. Лабунскаго. Изъ городищъ одно лежитъ на крестьянской землѣ Летчанскаго общества, при деревнѣ Миклашахъ, возлѣ озера Летцы, а другое — въ имѣніи помѣщика Добашинскаго, у самой рѣки Западной Двины.

Намъ часто доводилось слышать о находкахъ въ витебскихъ курганахъ древнихъ монетъ и другихъ остатковъ старины, но мы не имѣли счастія что-либо пріобрѣсть изъ этихъ вещей. Это частію объясняется тѣмъ, что находчики сбывали ихъ витебскимъ жидамъ — этимъ алчнымъ истребителямъ дорогой для науки старины, ради грошеваго барыша.

Невельскій уѣздъ.

Не взирая на то, что Невельскій уѣздъ лежитъ на самомъ торномъ пути воинскихъ набѣговъ россійскихъ людей на земли полоцкія и витебскія, и что слѣдовательно быть не можетъ, чтобы въ уѣздѣ этомъ не было ясныхъ слѣдовъ кровавыхъ событій, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ немъ совершавшихся, свѣдѣнія наши о памятникахъ этихъ событій до того ничтожны, что мы не можемъ указать ни на одну замѣчательную группу кургановъ въ предѣлахъ Невельскаго уѣзда. Мы можемъ лишь упомянуть о трехъ городищахъ, нахо-

дящихся на казенныхъ земляхъ Карулинскаго сельскаго общества, близъ деревень Прудка и Карулина.

Велижскій уѣздъ.

Издавая въ 1867 г. первое наше описаніе „памятниковъ старины Витебской губерніи“, мы могли указать лишь на одну древнію могилу Велижскаго уѣзда, находящуюся среди крестьянскихъ полей Вязменскаго сельскаго общества, въ верстѣ отъ дер. Асиповецъ. Могила эта при саженной высотѣ имѣетъ до 16 сажень въ окружности. Ни преданіи о времени насыпи ея, ни свѣдѣніи о какихъ либо въ ней находкахъ не сохранилось.

Нынѣ мы можемъ сообщить читателямъ свѣдѣнія о 48 древнихъ земляныхъ насыпяхъ, разсѣянныхъ въ шести волостяхъ Велижскаго уѣзда и извѣстныхъ въ народѣ подъ различными названіями. Мы опишемъ эти памятники по каждой волости отдѣльно.

Изъ семи наличныхъ кургановъ Сертейской волости, три находятся вблизи имѣнія Рудни и въ 5-ти верстахъ отъ селенія Сертеи, по правую сторону рѣчки Сертейки. Высота ихъ около сажени, расположены они вмѣстѣ.

На супротивъ этихъ кургановъ, по другую сторону названной рѣчки, также имѣется три кургана: изъ нихъ одинъ высотой около сажени лежитъ на полѣ деревни Слободы, а два наименьшаго размѣра, въ лѣсу имѣнія Селезней.

Насыпку всѣхъ этихи шести кургановъ народъ относитъ ко времени, принадлежности этого края Литовскому княжеству.

Расказываютъ также, что при имѣніи Руднѣ былъ четвертый курганъ, нынѣ совершенно распаханный. Въ курганахъ этихъ, или вблизи ихъ, ни какихъ находокъ небыло; почему, кажется, съ достовѣрностію можно считать ихъ межевыми знаками.

Той же волости при деревнѣ Березовкѣ, верстахъ въ 20 отъ селенія Сертеи, на правомъ берегу рѣчки Межи, саженяхъ въ 20-ти отъ гребня водъ, находится одиночный курганъ полуторасаженной высоты. Близъ этого кургана, лѣтъ 20 назадъ, при распашкѣ поля найдено серебряное кольцо и стальная сабля.

Усвятская волость—едва ли не самая богатая земляными памятниками старины въ Велижскомъ уѣздѣ; народъ насчитываетъ въ ея предѣлахъ: двѣ насыпныхъ горы, два вала, одну очень большую группу кургановъ и четырнадцать сопокъ.

Обѣ усвятскіе насыпныя горы находятся на восточномъ берегу Усвятскаго озера, при соединеніи его узкимъ протокомъ съ оз. Узменемъ, въ 250 саженяхъ одна отъ другой. Высота горъ отъ 6 до 8 сажень, а площадь около четверти десятины между этими насыпными горами есть еще третія натуральная, площадь вершины которой равняется полуторы десятинѣ; на ней построенъ господскій домъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при раскопкѣ земли найдены были, какъ доноситъ Усвятское волостное правленіе“, каменныя стрѣлы, хорошо вытесаные каменнымъ орудіемъ, которые и отосланы въ Дерптскій университетъ и на нихъ тогда были видны слѣды осколковъ, отъ тески каменнымъ орудіемъ“.

Судя по расположенію этихъ горъ

и ихъ мѣстонахожденію должно думать что она составляла укрѣпленіе, временъ Стефана Баторія.

Изъ двухъ усвятскихъ валовъ первый, длиною около 300, а шириною по окружности до 10 сажень, въ 6 верстахъ отъ м. Усвятъ пересѣкаетъ бывшій почтовый трактъ изъ м. Усвятъ въ г. Суражъ. Валъ этотъ носитъ названіе Городецъ, онъ идетъ по сухому пространству между двухъ топкихъ болотъ. На правой сторонѣ его идя изъ м. Усвятъ въ г. Суражъ находятъ, при раскопкахъ, много человѣческихъ костей. Очевидно что здѣсь, въ былые времена, разыгрывались кровавыя историческія драмы.

Второй изъ усвятскихъ валовъ находится въ 7 верстахъ отъ м. Усвятъ, близь деревни Терасы, на западномъ берегу озера Узменя; длина его около 100, а высота около 3 сажень.

Въ раіонѣ этой же мѣстности, на западномъ берегу Усвятскаго озера, гдѣ оно, узкимъ протокомъ, соединяется съ Узменскимъ озеромъ, насупротивъ мѣстечка, есть цѣлая группа кургановъ, въ коихъ, при добываніи песка, находили обломки дерева и угля.

При деревнѣ Лукашенкахъ, на берегу рѣчки Усвячи, въ 9 верстахъ отъ м. Усвятъ, есть одна круглая сопка, вышиной въ сажень.

При деревнѣ Прудницѣ у въ паденіи рѣчки Ужанки въ озеро Узмень, въ 6 верстахъ отъ м. Усвятъ, находится другая трехсаженной вышины сопка.

Недалеко отъ почтовой станціи Юровой-Нивы, на почтовомъ трактѣ изъ г. Велижа въ м. Усвятъ, имѣется на пространствѣ 1/4 десятины до десяти круглыхъ сопокъ, высотой отъ двухъ аршинъ до полуторы сажени.

На сѣверо-западномъ берегу озера Узменя, въ 3 верстахъ отъ м. Усвятъ, въ селеніи Астахова-Нива, имѣются три саженной высоты сопки. При раскопкѣ одной изъ нихъ для устройства погреба, въ недавнее время, были найдены, какъ доноситъ Усвятское волостное правленіе, „старинные мечи, палаши, шишаки и наручники въ родѣ браслетъ“.

Въ Казаковской волости находятся двѣ насыпи, два городища и восемь кургановъ называемыхъ волотовками. Обѣ насыпи находятся при р. Западной Двинѣ; одна по правую ея сторону, въ верстѣ отъ деревни Тербахунь, а другая по лѣвую близь деревни Дубровки. Величина обоихъ насыпей не превышаетъ 1/4 десятины; но первая по видимому была гораздо больше, пока двинскія волны не унесли часть ея.

Оба городища расположены также на возвышенномъ берегу Западной Двины, одно въ полѣ, другое въ лѣсу. Форма ихъ подковообразна; они окружены, въ три ряда рвами, длиной до 70 сажень, а шириной въ 1 сажень,

Изъ числа кургановъ одинъ находится внутри перваго городища, второй и третій близь деревни „Синяго-Камня“ при рѣчкѣ Усвячѣ, на землѣ крестьянъ деревни Пуховичь; четвертый близь деревни Слободы; пятый близь деревни Жераснеръ; послѣдніе три близь селенія Козакова, на самомъ берегу рѣчки Усвячи, на кладбищѣ.

Въ Усмынской волости имѣется только два кургана изъ коихъ послѣдній, вѣроятно вслѣдствіе своихъ

значительныхъ размѣровъ, носитъ название горы. Первый изъ сихъ кургановъ, при десяти саженной высотѣ, находится на берегу оз. Рымова при деревнѣ Холмъ, въ разстояніи 7 верстъ отъ волостнаго правленія. При попыткахъ къ раскопкѣ этого кургана находили человѣческія кости и уголь.

Курганъ-гора лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Кривонико, между деревнями: Пуришкиной, Львова и Ростань, въ верстѣ отъ мѣстности называемой Городецъ. Курганъ этотъ при окружности до 60 сажень, вышиной отъ 2 до 5 сажень; возлѣ этой горы-кургана имѣется окопъ въ ширину 3, въ глубину 2, а въ окружности до 100 сажень. Преданіе говоритъ, что на этой горѣ когда то, очень давно, жилъ богатырь.

Всѣ три земляныхъ насыпи Ильинской волости, судя на ихъ формѣ и размѣрамъ, должно отнести къ укрѣпленнымъ позиціямъ—такъ называемымъ городищамъ.

Первое изъ нихъ, мѣрой въ длину около 50, а въ ширину около 15 сажень находится въ лѣсу возлѣ дороги, идущей изъ им. Граблино въ деревню Зуево.

Второе, при 50 саженяхъ въ поперечникѣ и 4-хъ саженной высотѣ, находится въ 2 верстахъ отъ Западной Двины, при впаденіи въ нее безымяннаго ручья, въ раіонѣ Барбаровскаго сельскаго общества.

Наконецъ послѣднее въ предѣлахъ Калакудчинскаго сельскаго общества, близь им. Агризкова и рѣчки Бѣсовой, его называютъ „насыпной горой; высота этой насыпи отъ 4 до 5 сажень, она окружена съ двухъ сторонъ моховымъ болотомъ, а съ двухъ лѣсомъ. Всходъ на нее по ступнямъ; въѣзда нѣтъ.

Въ Крестовской волости сохранилось только шесть кургановъ, на берегу Западной Двины. Четыре изъ нихъ въ имѣніи Боровыхъ, а два въ им. Хухово, въ разстояніи отъ крестовскаго волостнаго правленія отъ 2 до 3½ верстъ.

Дриссенскій уѣздъ.

По этому уѣзду мы также бѣдны свѣдѣніями о земляныхъ памятникахъ старины: намъ сообщено только о 5 курганахъ, находящихся на казенныхъ земляхъ Лециловскаго сельскаго общества, въ имѣніи Замшанахъ, при деревнѣ Болдышахъ. Могилы эти имѣютъ форму круглую, съ такими же верхами; высота ихъ 1½, а окружность до 15 сажень. Онѣ расположены въ одной группѣ, разстояніемъ одна отъ другой до двухъ саженъ. Три изъ этихъ могилъ распаханы, а двѣ покрыты еще сосновымъ лѣсомъ. Народъ утверждаетъ, что онѣ въ незапамятныя времена насыпаны надъ тѣлами убитыхъ воиновъ; но кто были эти воины и съ кѣмъ они сражались — преданій не сохранилось.

Люцинскій уѣздъ.

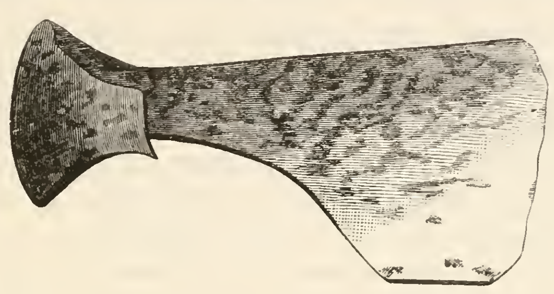
По этому уѣзду намъ доставили свѣдѣнія о древнихъ курганахъ Яновольское и Бласинское сельскія управленія государственныхъ имуществъ и бывшій мировой посредникъ 2-го участка г. Энгельгардтъ. Первое изъ сельскихъ управленій, т. е. Яновольское, описываетъ два кургана, изъ коихъ одинъ на 25-й а другой на 26-й

верстѣ по себежсколюцинскому почтовому тракту.

Ближайшій къ г. Люцину курганъ находится въ разстояніи четверти версты отъ казенной деревни Бригъ, а дальнѣйшій близь самой рѣчки Истрянки.

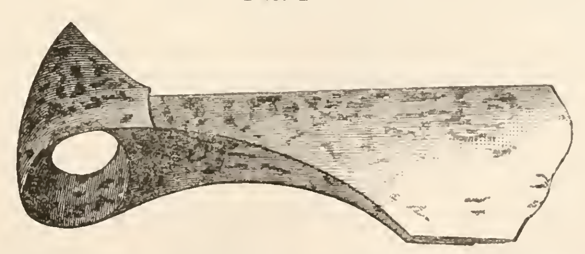
Оба кургана круглые, съ такими же вершинами; послѣдній покрытъ сосновымъ строевымъ лѣсомъ и извѣстенъ народу подъ именемъ Заболотской Могилы. Кѣмъ и когда они насыпаны—народъ не знаетъ. Третій изъ люцинскихъ кургановъ, отчасти уже срытый, находится на казенныхъ земляхъ Блясинскаго сельскаго общества, среди древняго вала, проходящаго между деревнями Богово-Рогово и Бозовской. Собственно курганъ лежитъ близь рѣчки Утрои на 375 верстѣ отъ С.-Петербурга, по линіи, желѣзной дороги. Изъ разсказовъ работавшихъ въ этой мѣстности желѣзной дороги крестьянъ видно, что по разрытіи части кургана и вала, были находимы топоры, въ родѣ бердышей, вѣнокъ съ маленькими бубенчиками и какое-то орудіе въ родѣ пики, съ обѣихъ сторонъ острое; но куда дѣвались эти находки, свѣдѣнія не сообщено. Кромѣ того, близъ станціи желѣзной дороги Корсовки, также находится нѣсколько древнихъ кургановъ. Въ одномъ изъ нихъ найденъ топоръ, мало отличающійся отъ нынѣ употребляемыхъ въ этой губерніи (рис. 21). Орудіе это, въ свое время, доставлано московскому археологическому обществу.

Рис. 21.

При дальнѣйшихъ изысканіяхъ нашихъ въ 1866 году мы успѣли пріобрѣсть еще одинъ топоръ, изъ числа найденныхъ въ корсовскихъ курганахъ, но совершенно отличный отъ перваго. Орудіе это, изображеніе коего, въ половину натуральной величины, съ боку или въ полуоборотѣ, здѣсь прилагается, носило на себѣ несомнѣнные слѣды древности (рис. 22).

Рис. 22.

Топоръ этотъ вмѣстѣ съ частію мѣдной лентообразной проволоки,

найденной въ курганѣ этой же группы, были отправлены витебскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ на этнографическую выставку въ Москвѣ.

Что касается проволоки, длина которой въ свиткахъ, нами видѣнныхъ, простиралась до четырехъ аршинъ, то вотъ точное ея изображеніе, въ натуральную величину (рис. 23). Встрѣчается впрочемъ проволока нѣсколько уже, но, по разсказамъ мѣстныхъ крестьянъ свертками длиной аршинъ въ пять и больше. Судя по нахожденію этой проволоки близъ череповъ, можно думать, что ею оборачивали головы покойниковъ.

Рис. 23.

Мы видѣли также и круглую мѣдную проволоку, находимую также при черепахъ покойниковъ, — но всегда въ кускахъ. Не употреблялась-ли плоская лентообразная проволока для украшенія женскихъ головъ, а круглая—мужскихъ?

Въ заключеніе намъ остается сказать, что нынѣ существуютъ еще въ Пылденской волости, въ имѣніи Ушкацовѣ: древнее укрѣпленіе и Ругайское городище; но въ памяти народа не сохранилось никакихъ воспоминаній ни о времени сооруженія ихъ, ни о самыхъ строителяхъ. Тѣмъ не менѣе мѣстные старожилы относятъ сооруженіе этихъ памятниковъ къ глубокой древности, что̀ повидимому не лишено основанія.

Глава II.

ЗАМКИ И ЗАМКОВИЩА.

Витебскіе замки: верхній и нижній. — Велижскій замокъ. — Городокскій.—Динабургскій.—Дриссенскій.—Лепельскій.—Люцинскій.—Невельскій.—Полоцкіе замки и Заполотье.—Рѣжицкій.—Себежскій.— Суражскій. — Маріенгаузенскій. — Волькенбергскій. — Крейцбургскій. — Улльскій.—Чашницкій.—Замокъ Суша или Копье.—Каменный крестъ какъ памятникъ битвъ.—Замокъ Красный. — Туровлянскій. — Воронечьскій. — Стрижево. — Городенецъ.—Городецъ.—Замочекъ и замокъ Заболотскій.—Соколинскій и взятіе его.—Сытнянскій.—Нещерды.—Княжа могила.—Усвятскій и Езеринскій, или Озерищенскій.—Крѣпость Козьянъ.

Бѣлоруссія—страна гдѣ мечемъ рѣшались споры враждовавшихъ народовъ между собою; въ ней каждая верста была оспариваема мужествомъ, куплена кровью, ознаменована славою. Бѣлоруссію можно назвать обширнымъ кладбищемъ безчисленнаго числа побитыхъ, сражавшихся за вѣру, права своихъ властителей, ихъ честь и достояніе...

Въ Бѣлоруссіи нѣтъ сколько либо извѣстнаго мѣста, которое не ознаменовалось бы какимъ нибудь историческимъ происшествіемъ, если до сихъ поръ необъясненнымъ исторіею: то собственно по одному недостатку истребленныхъ или утерянныхъ фактовъ...

Безъ-Корниловичъ.

Къ числу памятниковъ древнихъ воинскихъ сооруженій слѣдуетъ отнести такъ называемые замки и замковища. Названія эти въ устахъ народа весьма часто замѣняются одно другимъ, а потому и мы не будемъ проводить между ними никакой границы, хотя замѣтимъ, что названіе замка чаще усвоивается такимъ мѣстностямъ, на коихъ въ большой или меньшей степени уцѣлѣли еще стѣны древнихъ крѣпостныхъ зданій, или замковъ.

Народное преданіе до нашихъ дней хранитъ еще память о тридцати съ лишкомъ замкахъ, бывшихъ нѣкогда въ предѣлахъ Витебской губерніи. Оно говоритъ, что кромѣ двухъ замковъ въ самомъ Витебскѣ и стольких же въ г. Полоцкѣ, подобныя сооруженія находились въ городахъ: Велижѣ, Городкѣ, Динабургѣ, Дриссѣ, Лепелѣ, Люцинѣ, Невелѣ, Рѣжицѣ, Себежѣ и Суражѣ, мѣстечкахъ: Маріенгаузенѣ, Крейцбургѣ, Уллѣ, Чашникахъ и Усвятахъ, селеніяхъ: Сушѣ, Красномъ, Туровлѣ, Воронечьѣ, Стрижевѣ, Городцѣ, Заболотьѣ Соколищѣ, Ситнѣ, Нещердѣ и Озерищахъ. Уцѣлели еще слѣды развалинъ древнихъ замковъ въ Биржѣ и Ляудержѣ Люцинскаго уѣзда и въ Воль-

кенбергѣ Рѣжицкаго но исторія ихъ мало извѣстна.

Витебскіе замки, изъ коихъ одинъ назывался верхнимъ, а другой нижнимъ, построены Ольгердомъ; первый изъ нихъ былъ обнесенъ каменной, а послѣдній деревянной стѣнами, оба имѣли по нѣскольку каменныхъ башень или вѣжъ. Въ стѣнахъ нижняго замка находилась древнѣйшая изъ витебскихъ православныхъ храмовъ церковь св. Благовѣщенія, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Витебскіе замки занимали обширное пространство въ центрѣ нынѣшняго города, именно: тѣ кварталы II-й части, кои находятся между рѣкой Западной Двиной, рѣчькой и ручьемъ Витьбами и гдѣ теперь помѣщаются: Замковая и Театральная улицы, домъ дворянскаго собранія, церковь св. Благовѣщенія, бывшій костелъ, что нынѣ губернскій и центральный архивы, бывшій маріявитскій монастырь а нынѣ дѣтскій пріютъ, окружный судъ, казармы пожарной команды, св. Николаевскій соборъ, архіерейскій домъ, мужская гимназія, и другія зданія, находящіяся вдоль названныхъ нами улицъ, а также гимназическій скверъ.

Остатковъ отъ этихъ громадныхъ, по тогдашнему времени, очень крѣпкихъ сооруженій почти нѣтъ, и только на вершинѣ такъ называемой Вокзальгоры можно еще между густой травой найдти слѣды фундамента каменныхъ и кирпичныхъ стѣнъ, да замѣтить кой какія черты искусственнаго профиля горы обращенной къ рѣчкѣ Витьбѣ; впрочемъ и эти слѣды вслѣдствіе возведенія вокругъ горы новыхъ построекъ почти уже исчезли. Намъ разсказывали, что въ старые годы, при возведеніи построекъ и при починкахъ мостовъ, попадались еще на замковьѣ древнія монеты, обломки перержавѣвшаго оружія и койкакіе огнестрѣльные снаряды; но уже давно не слышно о подобныхъ находкахъ.

Въ одной изъ польскихъ лѣтописей 1612 года, о витебскихъ замкахъ упоминается: „что оба они окружены башнями и стѣнами деревянными, также турами, наполненными землею и каменьями“. Стѣны верхняго замка шли по верху лѣваго берега р. Витьбы до ея устья и угловой башни, называвшейся Устьянскою; отсюда, берегомъ р. Двины, мимо нынѣшняго дома дворянскаго собранія, до другой угловой же башни, носившей названіе Пречистенской и находившейся насупротивъ Благовѣщенской церкви; здѣсь сходились стѣны обоихъ замковъ; затѣмъ одна стѣна поворачивала влѣво на Замковую гору, а другая пройдя по берегу ручья до Криваго моста (противъ еврейской школы), потомъ надъ рвомъ, соединявшимъ ручей съ Витьбой, и дойдя до угла, поворачивала влѣво, гдѣ, продолжая идти берегомъ Витьбы, примыкала къ башнѣ верхняго замка.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д., обязательно сообщеннымъ намъ А. Н. Сапуновымъ, видно что витебскіе замки, въ 1665 году занимали въ окружности пространство: верхній въ 392 безъ четверти а, нижній 542½ сажени.

Верхній замокъ, или городъ, занимая возвышенную часть въ углу при впаденіи рѣчки Витьбы въ рѣку Западную Двину, защищался семью

башнями, значащимися по документамъ, подъ названіями: 1-я. Темная съ большими воротами, соединявшими оба замка; 2-я, Шереметьевъ кругликъ; 3-я Роскатъ, стараго дѣла, на каменной старой башнѣ; 4-ая. Малая башня, на старомъ каменномъ бычку, на ней висѣлъ вѣстовой колоколъ; башня эта занимала самую возвышенную мѣстность Вокзалъ-горы, на обрывѣ рѣчки Витьбы; 5-я. Танкова, 6-я Боборыкинъ кругликъ, иначе угловая или роговая, 7-я Храповицкая или средняя; подъ ней ворота. Кромѣ того упоминается о двухъ рухомыхъ (разрушенныхъ) каменныхъ палатахъ, изъ коихъ одна была на Вокзалъ-горѣ, а другая близъ нынѣшняго дома дворянскаго собранія, гдѣ еще раньше была Пречистенская башня. На рѣчку Витьбу выходила калитка.

Нижній замокъ былъ значительно длиннѣе верхняго. Одна изъ наружныхъ сторонъ его была обращена къ Двинѣ, другая самая длинная къ ручью Дунаю, а третья къ рѣчкѣ Витьбѣ, онъ защищался двѣнадцатью башнями: 1-я Жидовская, подъ которой были проѣзжіе ворота. Она находилась на берегу Двины, гдѣ нынѣ улица, ведущая къ желѣзному мосту. Лѣтъ 15 или 20 тому назадъ при снятіи бывшаго въ томъ мѣстѣ землянаго вала отрыты два еще хорошо сохранившіеся каменныхъ свода подземныхъ помѣщеній, на стѣнкахъ коихъ виднѣлись обильные слѣды копоти. 2-я Средняя или Двинская. 3-я Заручевская съ большими проѣзжими воротами, 4-я Старосельская или Подлазная, 5-я Швайковская или Взводная, 6-я Доминиканская или Пресельная, 7-я Торопецкая или Сапѣжинская, 8-я Княжа, 9-я Духовской кругликъ или Наугольная, 10-я Мѣщанскій кругликъ или Задуновская, 11-я Напрудная или Гуркова и 12-я Волконскій кругликъ съ большими проѣзжими воротами, носившими названіе Витебскихъ. Противъ нынѣшняго Задуновскаго моста, за Николаевскимъ соборомъ, на Задуновской улицѣ, была калитка къ ручью.

Изъ передаточной же описи Витебска, составленной, въ силу Андрусовскаго договора 1667 года, при передачѣ города полякамъ видно, что Витебскъ состоялъ въ то время изъ трехъ укрѣпленныхъ городовъ: (частей или замковъ) высшаго, нижняго и взгорскаго; во всѣхъ этихъ трехъ городахъ было 28 башенъ, да 2 бычка, да двѣ калитки, (фортки) и около городовъ всякія крѣпости. Въ вышнемъ городѣ, въ стѣнѣ на башенкѣ вѣстовой колоколъ литъ вновь изъ витебской мѣди *), вѣсомъ 9 пудовъ 30 фунтовъ. Всѣ пригороды, по взятіи Витебска (русскими) дѣланы вновь: башни круглыя и четырехугольныя, крыши по шетровому (конусообразно). Стѣна рубленая, крыша палаткою (въ два ската).

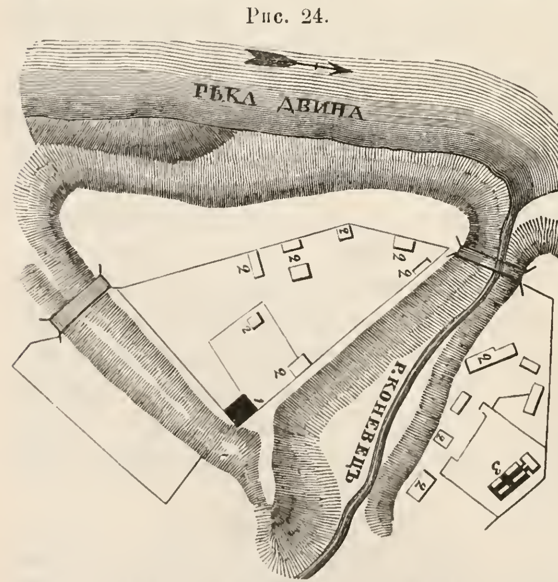
Велижскій замокъ, остатки коего заключающіеся въ осунувшемся валѣ и полузаплывшемъ рву, сохранились и понынѣ, основанъ на старомъ городищѣ воеводой княземъ Иваномъ Барбашинымъ, согласно указу царя, отъ 19-го апрѣля 1536

*) Здѣсь кстати замѣтимъ, что литейное дѣло въ Бѣлоруссіи, въ старые годы, было развито довольно обширно. Колокола выливались даже въ деревняхъ. Одинъ изъ такихъ колоколовъ (разбитый) и нынѣ хранится при Бононской церкви, Лепельскаго уѣзда.

года. Замокъ этотъ былъ деревянный, имѣлъ девять башень, обнесенныхъ рвами.

Всѣ польскіе лѣтописцы согласно утверждаютъ, что Велижскій замокъ, будучи расположенъ надъ р. Западной Двиной, въ весьма лѣсистой, наполненной болотами и потому трудно доступной мѣстности, былъ одинъ изъ сильно укрѣпленныхъ пунктовъ Московіи и служилъ базисомъ для дѣйствія русскихъ войскъ противу Литвы. По выраженію Стрыжевскаго „Велижъ висѣлъ надъ шеей всей русской королевской Украйны“ и потому требовалось, во что бы то ни стало, взять или уничтожить его; но это было сдѣлать не совсѣмъ легко. Со временъ Витовта, память о походѣ коего сохранилась въ названіи одной озерной платины — Витовтовымъ мостомъ, до Стефана Баторія, въ теченіи полутораста слишкомъ лѣтъ, никто къ самому Велижу не подходилъ и его не осаждалъ. Окружавшіе Велижъ лѣса, превратились въ дремучіе дебри, низменности стали непроходимыми болотами, дороги заросли и заглохли.... Направляясь къ Велижу гетману Замойскому прежде встрѣчи съ его на этотъ разъ, слабымъ гарнизономъ, пришлось бороться съ самой природой. Онъ вынужденъ былъ рубить въ сплошномъ лѣсу, для провода войскъ широкія просѣки, устраивать фашинныя насыпи и мосты черезъ ручьи, болота и озера, а подъ самымъ городомъ расчищать громадныя засѣки, представлявшія родъ крѣпкаго забора.

Рис. 24.

Велижъ занималъ въ это время хотя весьма небольшое пространство, но былъ какъ сказано выше, укрѣпленъ 9-ю башнями, къ сожалѣнію деревянными и при спѣшномъ укрѣпленіи дурно обложенными дерномъ, что и были причиной его паденія, кромѣ того онъ былъ обнесенъ глубокимъ рвомъ; одна сторона его прикрывалась р. Двиной, а другая ручьемъ Коневцемъ и озеромъ. При такой позиціи брать замокъ приступомъ было дѣломъ весьма рискованнымъ и потому Замойскій, обладая достаточнымъ числомъ орудій и 8000 пѣхоты и конницы, окруживъ городъ шанцами, началъ бомбандировать его калеными ядрами. Скоро загорѣлось предмѣстье, потомъ одна, затѣмъ другая дурно защищенныя дерномъ деревянныя башни, наконецъ сгорѣлъ мостъ и гарнизонъ, видя невозможность долѣе держаться, сдалъ обгорѣвшій замокъ непріятелю. Это случилось 6-го августа, въ субботу 1580 года.

На Высочайше утвержденномъ, 11-го іюня 1817 года планѣ города

Велижа мѣстность замка обозначена литерой L. Пространство этой мѣстности равняется полуторѣ десятинѣ. Еще въ 1817 г. на углу замковища стояло старинное, каменное, четырехугольное зданіе, отмѣченное на планѣ темной тушью. Планъ мѣстности Велижскаго замка напечатанъ въ статьѣ нашей, помѣщенной въ „Памятной книжкѣ Витебской губерніи на 1864 годъ" воспроизведенъ выше (рис. 24).

Кѣмъ и когда былъ основанъ Городокскій замокъ, отъ котораго уцѣлѣлъ, на вершинѣ лѣваго берега рѣчки Горожанки, каменный фундаментъ — неизвѣстно. Въ памяти народной также не сохранилось объ этомъ никакихъ преданій.

Находящееся вблизи остатковъ замка, на противоположной сторонѣ рѣчки Горожанки, четырехугольное земляное укрѣпленіе, называемое городкомъ, могло быть сооружено и одновременно и послѣ постройки замка, вѣроятно только то, что названіе города городкомъ взято отъ этого укрѣпленія, которое, какъ и всѣ укрѣпленныя мѣста, въ древности называлось городкомъ.

Динабургскій замокъ основаніемъ своимъ обязанъ крестоносцамъ.

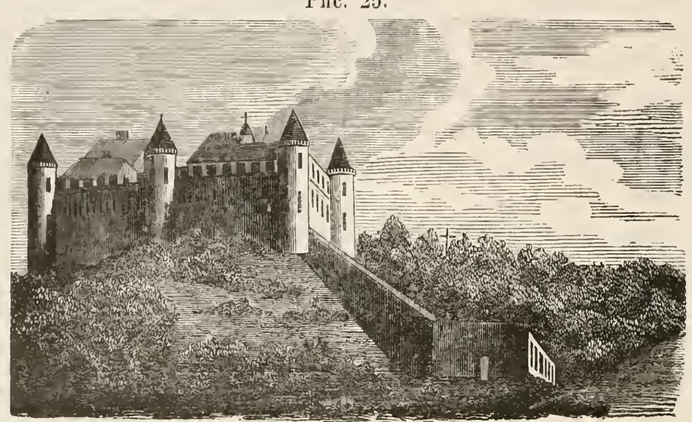
Въ концѣ XII вѣка, нѣмецкіе католики, получивъ разрѣшеніе полоцкаго князя проповѣдывать евангеліе между населявшими сѣверозападную часть нынѣшней Витебской губерніи и вообще Ливонію — латышами, бывшими тогда язычниками, построивъ въ этомъ краѣ нѣсколько крѣпостей и учредивъ знаменитый нѣкогда бранными подвигами орденъ меченосцевъ, до того усилились, что въ 1211 году отняли у полоцкаго князя, весь этотъ край; для того же, чтобы обезпечить спокойное владѣніе имъ и лучше удерживать въ повиновеніи туземцевъ, въ 1278 году построили на правомъ берегу рѣки Двины укрѣпленный замокъ, назвавъ его Динабургомъ. Латыши неприязненно смотрѣли на производимыя крестоносцами крѣпостныя работы и всѣми силами старались воспрепятствовать имъ; но разставленное осторожнымъ магистромъ крестоносцевъ Эрнестомъ Ратенбургскимъ, по берегу р. Двины, войско не позволило имъ осуществить свои планы, и крѣпость была сооружена. Однакожъ, лишь только магистръ отъѣхалъ въ Ригу, литовское войско подъ начальствомъ Тройдена, подступило къ стѣнамъ динабургскимъ. Оно устроило четыре подвижныя башни, посадило въ нихъ стрѣлковъ и начало осаду крѣпости; но усилія литовцевъ остались тщетными, почему разломавъ свои башни, они отступили.

Мѣсто на которомъ было первое динабургское укрѣпленіе и поныпѣ называемое Старымъ Замкомъ, находится въ семи верстахъ ниже теперешняго Динабурга и въ $2^1/_2$ верстахъ отъ динабурго-витебской желѣзной дороги, при рѣкѣ Двинѣ, въ одной верстѣ отъ почтоваго тракта, пролегающаго изъ Динабурга въ Полоцкъ, и въ 6 верстахъ отъ станціи Плакиши. Замокъ стоялъ на узкой горѣ, между двумя заросшими оврагами, имѣлъ 40 шаговъ въ ширину и 120 въ длину (эти размѣры найдены и при осмотрѣ замковища въ 1863 г.); онъ былъ устроенъ въ видѣ продолговатаго четырехугольника, что совершенно согласуется съ рисункомъ, помѣщеннымъ въ III томѣ

Рубона, изданнаго въ 1843 г., въ Варшавѣ, Казимиромъ Буйницкимъ, при статьѣ Адама Плятера Jeszcze słów kilka o dynaburgskim starym zamku, и нами здѣсь предлагаемымъ (рис. 25). часть коего, размытая впослѣдствіи волнами рѣки, обрушилась вмѣстѣ съ берегомъ.

Находясь на рубежѣ Инфляндіи и подвергаясь безпрестаннымъ напа-

Рис. 25.

Изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ и фундаментовъ можно предполагать, что вся внутренняя площадь замка была застроена, что видно и на рисункѣ Плятера, который тѣмъ только разнится отъ рисунка Юргенгельмса, что на послѣднемъ замокъ ошибочно поставленъ бокомъ къ р. Двинѣ, между тѣмъ какъ боками онъ примыкалъ къ оврагамъ, а оконечностію къ рѣкѣ, и что на немъ нѣтъ также изображенія нижнихъ стѣнъ и укрѣпленій, бывшихъ надъ самой Двиной, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ остатки фундаментовъ. Впрочемъ быть можетъ отдѣленіе это было возведено гораздо позже изданія рисунка. Сверхъ укрѣпленій, оно составляло и подворье замка, въѣздъ въ который съ запада отъ оврага. Стѣны этихъ нижнихъ укрѣпленій построены были на крутомъ скатѣ горы, постепенно расширялись къ низу и при самомъ берегѣ Двины, на небольшой площадкѣ, составляли квадратъ, передняя

деніямъ со стороны Литвы и Руси, Динабургъ вѣроятно былъ устроенъ по образцу оборонительныхъ замковъ того времени (château fort), имѣлъ однѣ глухія стѣны со стрѣльницами и башнями и былъ сложенъ изъ кирпича, большая часть коего разобрана мѣстными крестьянами и продана подрядчику, доставлявшему матеріалы на постройку нынѣшней динабургской крѣпости. Самый городъ, навѣрное, лежалъ къ западу за рвомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ позднѣйшія времена находился фольварокъ, принадлежавшій бывшимъ военнымъ поселенцамъ; но время совершенно изгладило его слѣды.

На лѣво отъ замка, за оврагомъ, стояла лютеранская кирха, разобранная динабургскимъ старостою Ляцкимъ и отданная имъ въ 1631 г. іезуитамъ на сооруженіе костела въ новомъ Динабургѣ, а далѣе на пескахъ находилось кладбище. Въ этомъ мѣстѣ земледѣльцы часто вырываютъ человѣческія черепа и кости.

Находилъ ли кто либо древности въ Старомъ Замкѣ — неизвѣстно, однакожъ, лѣтомъ въ 1842 году, отысканы здѣсь два гранитныя ядра *), а туземцы увѣряютъ, что по близости Стараго Замка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найдены свинцовый гробъ и камень съ латинскими надписями. Обѣ эти находки крестьяне разбили на куски и свинецъ продали.

Остатки стѣнъ и фундаментъ замка, въ октябрѣ 1861 года, были проданы витебской палатой государственныхъ имуществъ, съ публичнаго торга, жиду Вульфу Гуревичу за 1,067 р., съ полученіемъ въ видѣ залога, 200 р.; но ни онъ, ни купившій отъ него камень мѣщанинъ Шендеръ Зысманъ къ разборкѣ фундамента замка не приступали, а какъ срокъ назначенный для окончательнаго взноса за этотъ матеріалъ въ казну денегъ истекъ, то назначена новая продажа, которой и покончилось существованіе развалинъ замка.

Что касается количества военныхъ запасовъ Динабурга во время принадлежности его крестоносцамъ, то свѣдѣній объ этомъ въ лѣтописяхъ не сохранилось. Мы предлагаемъ вниманію читателей подробное описаніе арсенала динабургской крѣпости въ 1670, 1683 и 1698 годахъ, заимствованное нами слово въ слово изъ статьи А. Плятера, напечатанной въ 1843 году, во II томѣ Przyjacela Ludlu, № 31, стр. 256. Opisanie cekhauzu Dynaburgskiego, podanego J-Msc Panu Platerowi, staroście Dynaburgskiemu, w r. 1670. przez Pana Ukolskiego, chorażego bracławskiego, jakotež w roku 1681 Marca 26. spisaniego w czasie 10-miesięcznej Kommissji Wileńskiey, a w roku 1696 przez Pana Sokołowskiego, Podkomorzego inflandskiego.

W latach			**1670.**	**1683.**	**1696.**
Dzial śpyżowych	6 funtow		3	—	4
„	„	4 funtow	—	—	1
„	„	2 funtowych	4	—	5
„	„	2 funtow	5	5	—
„	„	1¼ funt	3	3	—
„	„	1 funtow	4	4	—
Dzial żelaznych	12 funtowych		6	6	6
„	„	6 funtow	—	—	3
„	„	2 funtow	3	3	—
Moździerz sporzadzony w klodzie			1	—	—
Dyszlów do dzial polowych			5	5	—
Oś akowana do harmaty z holoblami			1	1	—
Srub żelaznych do harmat			—	—	250
Hakownic			19	16	—
Organków osadzonych			25	25	90

*) *Прим.* Къ стати о каменныхъ ядрахъ. Въ Витебской губерніи, въ частую, въ фундаментахъ, и вообще въ развалинахъ старинныхъ костеловъ и кляшторовъ нахоятъ, иногда вершковъ десяти въ діаметрѣ и болѣе, каменные шары, изъ мѣстнаго гранита. Нѣтъ сомнѣнія, что шары эти служили украшеніемъ оградныхъ столбовъ, а иногда замѣняли вѣсъ. Приписывать имъ значеніе огнестрѣльныхъ снарядовъ, едва-ли есть основаніе. Мы видѣли нѣсколько такихъ шаровъ.

Авт.

W latach	1670.	1683.	1696.
Muszketow buntowych	101	—	30
Bandelotów krzosowych	94	94	—
Karabinów	—	—	3
Muszkietowych starych zamkow	—	—	300
Szufli miedzianych wielkich	—	—	5
Dito dito malych	—	—	3
Lyżka dolania kul	1	1	—
Fórm muszkietowych	5	5	3
Granatów różnych	214	214	205
Kul armatnych 24 funtowych	9	9	—
„ „ 12 funtowych	186	186	—
„ „ 6 funt.	118	118	600
„ „ 3 funt.	920	507	580
„ „ 2 funt.	ꞁ17	—	—
„ „ 1 1/4 funt	302	202	—
„ „ 1 funt.	35	35	—
Kul kamiennych	—	—	3
„ kartaczowych wielkich	—	—	4
„ pól kartaczowych	—	—	111
„ muszkietowych	3.610	8.100	1.000
Skrzynia do chowania kul okuta	1	1	1
Olowiu sztuk albo bryt	18	15	5
Saletry z siarka cetnarów	20	—	—
Prochu cetnarów	116	70	50
Pul wetsaków skórzanych	3	3	2
Kagańcow w rudlach żelaznych	6	6	6
Latow sażni	—	—	10.500
Clotow	—	—	115
Przednich blach zbrojnych	72	72	69
Szyszaków	2	2	—
Pik różnych	89	—	—

Także przyjęta do cekhanzu w roku 1696 chorągiew w kampucie, na 60 poroji z muszkietami i berdyszami.

Отъ древняго Дриссенскаго замка, находившагося въ углу при сліяніи рѣкъ Западной Двины и Дриссы, не осталось и слѣда; мѣсто, на которомъ онъ существовалъ, застроено еврейскими домами и только въ памяти народа сохранилось еще преданіе о бывшемъ нѣкогда въ этой мѣстности замкѣ.

Когда и кѣмъ впервые былъ заложенъ Дриссенскій замокъ—ни исторія, ни древнѣйшіе изъ мѣстныхъ актовъ отвѣта не даютъ; достовѣрно лишь то, что въ 1386 году замокъ этотъ былъ взятъ и сожженъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ.

Въ царствованіе короля Сигизмунда Августа Дриссенскій замокъ вновь отстроенъ и снабженъ орудіями и снарядами, но кѣмъ и когда снова разоренъ также неизвѣстно.

Лепельскій замокъ испыталъ почти такую же судьбу, какъ и Дриссенскій: онъ не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и только разсѣянныя вокругъ Лепеля на значительномъ разстояніи, могилы, да названіе одного изъ бли-ближайшихъ селеній Старымъ Лепелемъ, и кой-какія смутныя воспо-

минанія мѣстнаго населенія напоминають путешественнику о тѣхъ кровавыхъ драмахъ, кои въ прошлые вѣки разыгрывались на берегахъ живописнаго Лепельскаго озера.

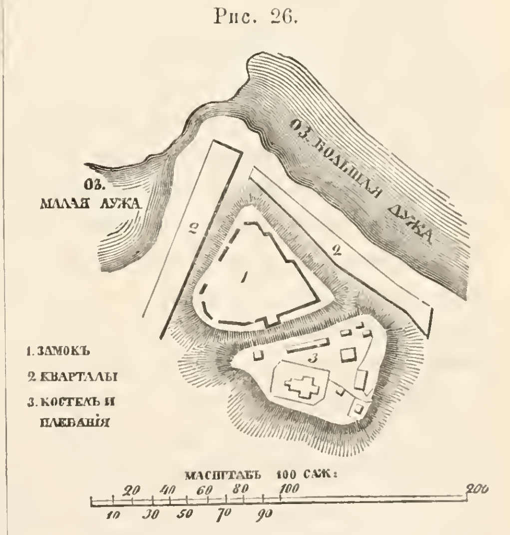
Основаніе втораго Лепельскаго замка положено русскими въ 1563 году, на мѣстѣ сожженнаго ими Стараго Лепеля. Замокъ этотъ впрочемъ существовалъ очень не долго: въ томъ же году онъ былъ взятъ гетманомъ Радзивиломъ, и въ 1568 году, по повѣленію короля Сигизмунда-Августа, онъ вновь отстроенъ и сильно укрѣпленъ. Когда разрушено это укрѣпленіе—неизвѣстно.

На лепельскомъ замковищѣ мѣстные жители дѣлаютъ иногда находки мелкихъ старинныхъ монетъ и вещей: такъ въ 1838 году однимъ крестьяниномъ найдено было: шесть серебряныхъ ложекъ старинной формы съ рѣзьбой. Двѣ—изъ нихъ и нынѣ хранятся у М. Ф. Кусцинскаго.

Люцинскій замокъ, часть развалинъ коего сохранилось еще и донынѣ, заложенъ рыцаремъ тевтонскаго ордена Конрадомъ фонъ Торберхомъ въ 1285 году, на весьма крутомъ возвышеніи юго-западнаго берега озера Большой Лужи. Возвышеніе это отдѣлялось отъ материка глубокимъ рвомъ, чрезъ который былъ переброшенъ подъемный мостъ. Безъ-Корниловичъ полагалъ что въ Люцинскомъ замкѣ было 6 башенъ съ бойницами. Судя по уцѣлѣвшимъ развалинамъ и мѣстности, весьма вѣроятно, что сѣверо-восточный фасъ замка имѣлъ около 65 саженъ длины, сѣверный 57, западный 27, а южный 60 саженъ. Замокъ имѣлъ трое воротъ; одни съ подъемнымъ мостомъ, о которомъ мы сказали выше, другія къ озеру, собственно для возки воды, а третьи на сѣверной сторонѣ. Слѣды существованія этихъ воротъ можно найти и нынѣ. Судя по сохранившемуся доселѣ рисунку развалинъ этого замка, снятому съ натуры въ 1794 году Бротце, „повторенному въ III т. живописной Россіи“, можно заключить что состоялъ онъ изъ 5 изъ 6 каменныхъ казармъ, съ двумя высокими башнями.

Планъ мѣстности Люцинскаго замка, сдѣланный на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1778 году общаго плана города Люцина, помѣщенъ нами въ „Памятной книжкѣ Витебской губерніи на 1864 г.“ Мы повторяемъ его и здѣсь (рис. 26).

Рис. 26.

Изъ плана этого видно, что замокъ находился на возвышеніи, въ углу между озеръ Малой и Большой Лужъ. Позднѣйшія постройки сильно измѣнили видъ мѣстности, на которой стоялъ замокъ; но при всемъ томъ она сохранила свою прелесть и величавость.

Въ 1582 году, какъ видно изъ метрикъ литовскихъ, въ Люцинскомъ

замкѣ было на лицо: пушекъ 5, фальконетовъ 2, тюфяковъ желѣзныхъ 2, гаковницъ 44. Люцинскій замокъ разрушенъ русскими въ началѣ XVIII вѣка.

Невельскій замокъ, знаменитый кровопролитными битвами въ стѣнахъ его русскихъ, польскихъ, литовскихъ и венгерскихъ дружинъ, находился на возвышенности, вдающейся въ прелестнѣйшее Невельское озеро, при устьѣ рѣчки Еменки. Слѣды земляныхъ укрѣпленій, окружавшихъ замокъ, видны и по нынѣ; самое мѣсто, гдѣ существовала эта твердыня, бывшая мишенью воинственныхъ сосѣдей, доселѣ сохранило названіе замка.

Въ 1562 году, послѣ кровопролитнаго сраженія, продолжавшагося съ ранняго утра до поздняго вечера, русскія войска, не смотря на мужественное сопротивленіе польскихъ воеводъ Лѣсневольскаго и Довойны, овладѣли Невельскимъ замкомъ.

Въ 1580 году польскія войска, подъ командой полоцкаго воеводы Дорогостайскаго, при помощи 500 человѣкъ чернаго полка венгерцевъ, въ свою очередь завладѣли замкомъ.

Въ 1584 году, по мирному договору, Невельскій замокъ снова достался русскимъ. Въ эту эпоху въ немъ находилось: пушекъ мѣдныхъ, каждая длиною по полторы сажени, съ гербами Сигизмунда-Августа, двѣ, ядра ихъ въ гусиное яйцо; пушекъ длиною болѣе сажени также двѣ, ядра ихъ менѣе гусинаго яйца; пушекъ русскихъ четыре, изъ нихъ длиною по 1½ сажени двѣ, да по меньше столько же; пушекъ малыхъ 4, ручницъ 120. Далѣе Невельскій замокъ раздѣлилъ судьбу другихъ замковъ этой губерніи.

Немного уже уцѣлѣло слѣдовъ и отъ грозныхъ полоцкихъ замковъ, кои подобно витебскимъ носили названія верхняго и нижняго или стрѣлецкаго. Полоцкіе замки, а по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ верхній, едва ли былъ не первымъ крѣпостнымъ сооруженіемъ на территоріи Витебской губерніи. Исторія полоцкихъ замковъ такъ тѣсно связана съ исторіей какъ Полоцкаго княжества, такъ русской, даже новѣйшихъ временъ, что разсказъ ея заставилъ бы насъ слишкомъ удалиться отъ цѣли—указать лишь памятники мѣстной старины и перенестись въ область исторіи; а потому ограничимся лишь указаніемъ мѣстонахожденія этихъ укрѣпленій.

Верхній полоцкій замокъ находился на главной возвышенности, *) въ углу при впаденіи рѣчки Полоты въ рѣку Западную Двину; онъ былъ обнесенъ стѣной съ семью башнями, изъ коихъ восточная была наиболѣе укрѣплена.

Изъ описи полоцкихъ замковъ, составленной по указу царя Алексѣя Михайловича, отъ 2 апр. 7172 года, (1664 г.) по случаю перехода крѣпости изъ вѣдѣнія воеводы Вельяминова къ воеводѣ Нащекину видно, что въ верхнемъ городѣ (замкѣ) были слѣдующія двухъ ярусныя башни: 1-я каменная на воротахъ, 2-я глухая, 3-я противъ алтаря Соборной церкви, 4-я угольная надъ устьемъ Полоты, 5-я Новая противъ

*) Высота этой мѣстности, съ 3-го этажа бывшей іезуитской колегіи, а нынѣ кадетскаго корпуса, по вычисленію оо. іезуитовъ=127,725 пар. фут. надъ уровнемъ моря.

зеленыхъ амбаровъ, 6-я Мошня на земляномъ выводѣ къ рѣкѣ Полотѣ, наконецъ 7-я Красная. Между 4-ю и 5-ю башнями была устроена въ земляномъ выводѣ и калитка къ р. Двинѣ. Въ Стрѣлецкомъ острогѣ (т. е. нижнемъ замкѣ) было четыре башни: 1) Угольная, противу мѣщанскаго острога, 2) Десенская (Дисенская), гдѣ были дисенскія ворота 3) Угольная къ рѣкѣ Полотѣ и 4) Ногая. Кромѣ Дисенскихъ воротъ были еще ворота на погорѣломъ прудѣ.

При воротахъ, на башняхъ, по стѣнамъ и выводамъ, для защиты замковъ имѣлось, въ верхнемъ замкѣ: пушекъ полуторныхъ 12, къ нимъ ядеръ 223, пороху 114 зарядовъ; пушекъ полковыхъ мѣдныхъ 18 и 2 желѣзныхъ дробовыхъ (картечныя), къ нимъ ядеръ 140, зарядовъ дроби (картечныхъ) 22, зарядовъ пороху 139, пищалей затинныхъ желѣзныхъ 41, къ нимъ пулекъ 835 штукъ. Въ нижнемъ: пушекъ полуторныхъ 4, къ нимъ ядеръ 37, зарядовъ пороху 34; пушекъ полковыхъ мѣдныхъ 16, къ нимъ ядеръ 117, зарядовъ дроби 80, пороху—123; пищалей затинныхъ 18, и къ нимъ 200 пулекъ. Въ оружейныхъ амбарахъ и у цѣловальниковъ хранилось очень много разнаго стараго и новаго оружія и другихъ боевыхъ принадлежностей. Между прочимъ: Фитиля 2,228 пудовъ, 660 стрѣлъ огненныхъ, кольчуга, 235 паръ латъ порчаныхъ и 41 пара горѣлыхъ, 38 передковъ латныхъ, 119 шишаковъ порчаныхъ, 30 шишаковъ горѣлыхъ, 30 паръ латныхъ крилецъ, 10 нашейницъ тѣхъ же латъ. Пудъ дроби желѣзной, 40 паръ полуничныхъ копіецъ и 9 козъ желѣзныхъ, сдѣланныхъ для приступнаго времени (на случай штурма), отданы на башни нижняго замка. Здѣсь мы должны оговорится, что башни полоцкихъ замковъ и крѣпостныя ворота не всегда носили тѣ названія, какія выше привели мы на основаніи описи ихъ 1664 года. Такъ въ смѣтной книгѣ г. Полоцка за 1654 годъ, при описи большаго города, упоминаются: ворота Покровскіе, Плотницкіе, Невельскіе, Варварскіе и Пятницкіе. Въ книгѣ же 1655 года названы башни: красная „что на передъ сего прозывали Королевской“; старая — Проѣзжая, Гуська, на мѣсто которой поставленъ быкъ; Рожественская—новая, башня Фортка, Воеводская и Боярская, мѣста которыхъ замѣнили быки; башня Варвары, Мироновская, Ильинская, Скорбная Невельская и Кобыльчинская. Замки соединялись подъемнымъ мостомъ, переброшеннымъ чрезъ находившійся между ними ровъ. Въѣздъ въ нихъ имѣлся съ двухъ сторонъ: Заполотья, по деревянному мосту на сваяхъ, чрезъ рѣчку Полоту, *) и съ восточной стороны нижняго замка, по дорогѣ отъ Витебска, называвшейся въ древности кривичанской.

Мѣсто, гдѣ были эти укрѣпленія, и понынѣ сохранили названія верхняго и нижняго замковъ. Кромѣ замковъ, было еще въ древности земляное укрѣпленіе въ Задвинской части города; слѣды его почти совершенно изгладились, хотя на планахъ города 1780 годовъ оно было еще показано. Изъ плана 1579 года осады

*) Гдѣ нынѣ весной и осенью устраивается паромъ, а лѣтомъ мостъ изъ бревенъ въ видѣ плота.

города Полоцка Стефаномъ Баторіемъ, составленнаго бывшимъ при королѣ, во все время воинственныхъ походовъ, секретаремъ Пахоловичемъ видно, что кромѣ обѣихъ полоцкихъ замковъ, верхняго и нижняго, самый городъ т. е.

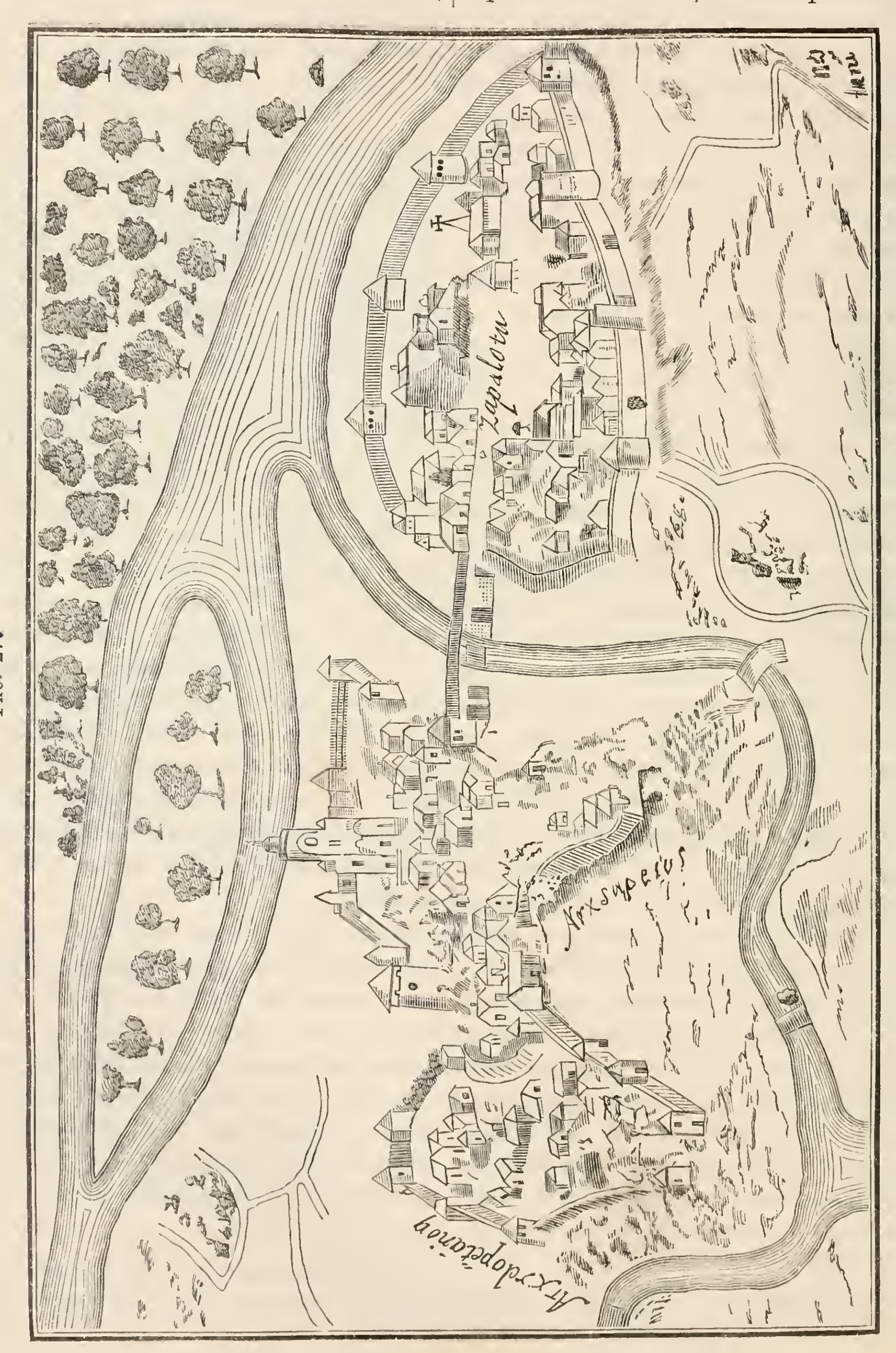

Рис. 27.

нынѣшнее предмѣстье Заполотье, также было окружено деревяннымъ частоколомъ и защищалось 8 или 9 башнями; но слѣдовъ этихъ укрѣпленій теперь уже не видно, и только лишь на берегу Двины, мѣстами попадаются кой-какіе остатки каменной кладки, ежегодно разбираемой мѣстными жителями. Для возстановленія въ памяти читателя, того вида г. Полоцка, какой имѣлъ онъ во времена Стефана Баторія и чтобы дать будущему археологу его возможность оріентироваться при своихъ изысканіяхъ — прилагаемъ очеркъ Полоцка заимствованный изъ боевой карты 1579 года Пахоловича (рис. 27).

По прихоти судьбы, Рѣжицкій замокъ сохранился гораздо лучше другихъ подобныхъ сооруженій; еще досelѣ уцѣлѣли нѣкоторая часть стѣнъ его и фундаментъ. Правда, что и мѣстность, на которой онъ возведенъ, такъ мало удобна для селитьбы, что нѣтъ, ничего удивительнаго, что она осталась не застроенной, невзирая на довольно быстрое расширеніе города, потянувшагося къ линіи С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. Рѣжицкій замокъ первоначально построенъ въ 1285 году рѣжицкимъ войтомъ Вильгельмомъ фонъ - Харбурхомъ. Изъ актовъ 1599 года видно, что рѣжицкое укрѣпленіе имѣло форму неправильнаго продолговатаго восьмиугольника, было обведено каменной стѣной съ бойницами. Среди двора находился каменный трехэтажный замокъ съ обширными погребами. Замокъ сообщался съ мѣстечкомъ посредствомъ высокой гати, насыпанной чрезъ рѣчку Рѣжицу. Гать эта удерживала воду на такой высотѣ, что она свободно проходила въ ровъ, отдѣлявшій гору, на которой находилось укрѣпленіе, отъ материка, отчего замокъ представлялся какъ бы стоящимъ на островѣ.

Изъ прилагаемаго плана той части города Рѣжицы, на коей существовалъ въ старые годы замокъ, а нынѣ виднѣются лишь развалины его, читатель можетъ вполнѣ ясно представить себѣ общій видъ рѣжицкой твердыни и оцѣнить значеніе ея для тогдашняго времени (рис. 28).

Рис. 28.

Въ 1567, въ 1577 годахъ Рѣжицкій замокъ былъ взятъ русскими войсками.

Въ 1582 году, при возвращеніи по мирному договору, Рѣжицы полякамъ, въ замкѣ этомъ находилось 4 пушки и 16 гаковницъ.

Во время войны шведовъ съ поляками, при Іоаннѣ Казимірѣ, первые, овладѣвъ Рѣжицкимъ замкомъ, разорили его, послѣ чего онъ не поправлялся болѣе.

Въ какомъ видѣ представляется нынѣ этотъ замокъ, можно судить по прилагаемому рисунку, сдѣланному съ фотографіи снимка съ подлиннаго

писаннаго съ натуры ландшафта (рис. 29).

Рис. 29.

Отъ существовавшаго въ городѣ Себежѣ замка не осталось и слѣдовъ, и только въ памяти народа живетъ еще преданіе, что въ городѣ этомъ былъ когда-то сильный замокъ, но кто, когда и по какому случаю построилъ его, равно когда Себежскій замокъ разрушился, народъ не знаетъ, хотя въ смутныхъ воспоминаніяхъ своихъ и указываетъ на поляковъ, какъ виновниковъ разрушенія его.

Въ дѣйствительности Себежскій замокъ построенъ въ 1535 году русскими. Строителемъ его былъ воевода Бутурлинъ, соорудившій, одновременно съ замкомъ, и три православныя церкви: во имя св. Іоанна Предтечи, св-хъ Константина и Елены и св. Николая.

Себежскій замокъ занималъ самую возвышенную часть полуострова, на которомъ расположенъ нынѣ городъ; позиція его, при тогдашнихъ осадочныхъ средствахъ, была весьма крѣпкая и вполнѣ очаровательная. Только съ одной стороны, именно отъ узкаго перешейка, соединяющаго полуостровъ съ материкомъ, и возможенъ былъ, въ лѣтнюю пору, приступъ къ замку. Зданіе замка было деревянное, окруженное со всѣхъ сторонъ высокимъ земляннымъ валомъ, имѣвшимъ протяженіе по окружности 170 сяженъ.

Себежскій замокъ долгое время былъ яблокомъ раздора между царями русскими и королями польскими. Онъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, не разъ подвергался разоренію и исправленію, пока наконецъ окончательно не былъ разоренъ; но когда именно это послѣдовало—съ достовѣрностію опредѣлить невозможно.

Прилагаемый ниже современный планъ города Себежа, даетъ ясное понятіе о военномъ значеніи бывшаго въ немъ замка (рис. 30).

Суражскій замокъ, подобно другимъ, бывшимъ по границѣ Бѣлоруссіи съ Россіей, устроенъ поляками вскорѣ по завоеваніи, въ 1563 году, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Полоцка.

Древній Суражскій замокъ находился въ принадлежащемъ Сапѣгѣ помѣстьѣ Дрожевелкѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двинѣ, при впаденіи въ нее рѣчекъ Суражки и Каспли.

Замокъ этотъ разрушенъ въ одну изъ войнъ русскихъ съ литовцами.

Въ настоящее время памятникомъ существованія замка служатъ лишь остатки вала, да почти заплывшій и закрытый постройками ровъ.

Въ 1582 году въ замкѣ этомъ находилось: пушекъ 7, гаковницъ 8, одна пищаль самострѣльная, а другая испорченная. Въ мирномъ договорѣ этого же года, заключенномъ между россіянами и поляками, Маріенгаузенъ названъ Влехомъ.

На берегу этого же оз. Разно, на горѣ, имѣются остатки Волькенбергскаго замка, существовавшаго уже въ 1271 году.

Кренцбургскій, или, по древнимъ

Рис. 30.

Оз. Себежъ

Оз. Себежъ

1. Остатки укрѣпленій 1812 г.
2. Соборная православ. церковь и при ней лавки
3. Костелъ.
4.4.4.4 Кварталы.

Маріенгаузенскій замокъ, построенный въ 1293 году рыцарями тевтонскаго ордена на небольшомъ островку среди озера, сохранилъ еще часть своихъ развалинъ. Продолговатый островокъ на которомъ находился Маріенгаузенскій замокъ, былъ перерѣзанъ, у стѣнъ крѣпости глубокимъ рвомъ, наполнявшимся водой; слѣды рва сохранились понынѣ. Маріенгаузенскій замокъ по лѣтописямъ: Марингусъ, Флейнъ, стоитъ надъ оз. Разно; онъ былъ основанъ въ 1293 г. рижскимъ архіепископомъ Іоанномъ Фехте; въ 1509 г. возобновленъ архіеп. Касперомъ Линде, а въ 1577 году, взятъ и разрушенъ русскими и хотя впослѣдствіи снова возобновленъ, но съ этой поры болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ.

русскимъ лѣтописямъ Крыжборгскій замокъ, основанный тевтонцами въ 1237 году, недалеко отъ впаденія рѣчки Эвикшты въ Западную Двину, не разъ испытывалъ силу русскаго оружія; такъ 1577 году онъ былъ взятъ Грознымъ, а въ 1654 г. Алексѣемъ Михайловичемъ; за всѣмъ тѣмъ онъ оставилъ весьма замѣчательные слѣды своего существованія и понынѣ. Верстахъ въ двухъ отъ Штокманзона и въ одной верстѣ отъ мѣстечка Крейцбурга, почти насупротивъ курляндскаго города Якобштадта, на правомъ берегу рѣки Западной Двины, между известковыми скалами, лежитъ груда развалинъ. Это древній Крейцбургскій замокъ. Въ памяти мѣстнаго латышскаго населенія сохранилось о немъ

нѣсколько преданій; но къ сожалѣнію, мы не можемъ передать ихъ читателю.

Замокъ, бывшій въ м. Уллѣ, на берегу рѣки того же имени, въ 55 верстахъ отъ г. Лепеля и въ 67 отъ Витебска, на мѣстѣ, гдѣ теперь церковь и ближайшіе къ ней дома, основанъ въ 1563 году, по указу царя Іоанна Васильевича. Сначала онъ былъ деревянный, съ такою же стѣною и башнями, потомъ въ разные годы, то русскими, то поляками, были прибавлены къ нему земляныя укрѣпленія, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ. Во время войны царя Алексѣя Михайловича съ польскимъ королемъ Іоанномъ - Казиміромъ, Улльскій замокъ былъ сожженъ русскими. Съ тѣхъ поръ, кажется, онъ не возобновлялся.

Въ томъ же Лепельскомъ уѣздѣ и на берегу той же рѣчки Уллы, поближе къ городу Лепелю, именно въ 31 верстѣ отъ него, а отъ Витебска въ 80, былъ другой укрѣпленный замокъ—Чашницкій. Онъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ устроено впослѣдствіи католическое кладбище съ часовней. Замокъ этотъ памятенъ несчастной битвой подъ стѣнами его въ 1564 году отряда князя Петра Ивановича Шуйскаго, внезапно, по оплошности военачальниковъ, атакованнаго въ превосходныхъ силахъ польскими дружинами: Николая Родзевича, Григорія Ходкевича, Богдана Соломерецкаго, Романа Сангушки, Богуша Корецкаго, Ивана Ходкевича и Николая Сапѣги. Дорого поплатились русскіе воины за свою неосторожность; около 9,000 ихъ легло на поляхъ чашницкихъ, множество оружія и болѣе 3,000 подводъ съ разной амуниціей и запасами достались побѣдителямъ. Въ эту несчастную битву погибло также много русскихъ военачальниковъ и дѣтей боярскихъ, погибъ и несчастный Шуйскій; будучи раненъ и идя съ поля битвы, онъ палъ подъ топоромъ не узнавшаго его крестьянина. Только на другой день тѣло Шуйскаго найдено въ рѣкѣ Уллѣ.

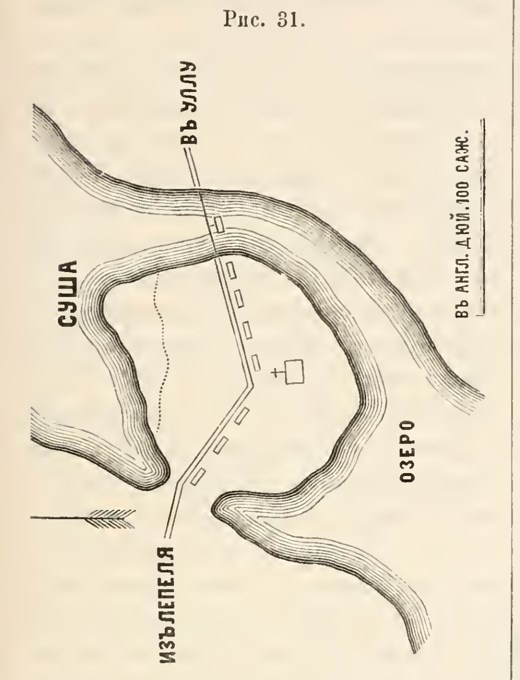
Въ 1567 году гетманъ Сангушко разбилъ подъ Чашниками отряды князя Палецкаго и помогавшихъ ему подъ начальствомъ Амурата, татаръ. Вообще окрестности м. Чешниковъ не разъ были театромъ битвъ кровавыхъ; почему онѣ усѣяны такимъ множествомъ кургановъ и почему въ этой части Лепельскаго уѣзда вчастую попадаются перержавѣвшіе обломки древняго оружія.

Кромѣ мѣстечка Уллы и Чашниковъ, остатки древнихъ укрѣпленныхъ замковъ, или преданія о нихъ, можно найти въ селеніяхъ этого же уѣзда: Сушѣ, Красномъ, Туровлѣ и Воронечьѣ. Мы посвятимъ каждому изъ этихъ памятниковъ старины нѣсколько словъ.

Замокъ Суша былъ построенъ въ 1563 году, по указу царя Іоанна Васильевича, на полуостровѣ того же имени, въ имѣніи, принадлежавшемъ князьямъ Острогскимъ, верстахъ въ 27 отъ г. Лепеля, а отъ почтовой станціи Камень въ 10 верстахъ. Позиція его, какъ видно изъ прилагаемаго ниже плана мѣстности была, для тогдашнихъ военныхъ средствъ довольно сильная (рис. 31). Строителями сущинскаго замка были: кн. Петръ Серебряный, Василій Полецкій и Токмановъ. Замокъ имѣлъ форму четырехъугольную, съ 7 ба-

шнями и 2 воротами, онъ былъ названъ: Копье. Называютъ его также и Конецъ *). На планѣ 1579 г.

Рис. 31.

Замокъ этотъ представленъ окруженнымъ водами озера, съ нѣсколькими башнями.

Въ одной изъ русскихъ лѣтописей подъ 7075 годомъ (1567 г.) сказано: „Того же лѣта поставиша два города въ Полотчинѣ, Соколъ и Улу, а третій почаша дѣлать на озерѣ имянемъ Копье, и которые люди Московскіе присланы на блюденіе дѣловцовъ, кн. Петръ Серебряныхъ да кн. Василій Дмитріевичъ Палецкаго и Литовскіе люди пригнавъ изгономъ, на зори, да многихъ прибыли и кн. Василія Полецкихъ убили, а кн. Петръ Серебряныхъ убѣгъ въ Полоцко" *).

„Тѣмъ не менѣе государьскимъ промысломъ осмотрѣлъ того мѣста и городъ ставилъ воевода князь Юрьи Ивановичъ Токмановъ, пришедъ на то мѣсто безвѣстно и сѣлъ на островѣ со всѣми людьми и народъ и лѣсъ городовой и запасы свои перепроводили на островъ; и городъ поставилъ вскорѣ городовыми людьми, которымъ тутъ годовати и посошными людми, и по государскому приказу городъ укрѣпилъ" **).

Далѣе изъ разрядныхъ книгъ видимъ, что въ Копьѣ воеводствовали: князь Михайла Лыковъ, Василій Андреевъ Квашнинъ, Михайла Борисовъ сынъ Чеглоковъ, князь Иванъ Самсоновъ Туренинъ, Петръ Өедоровъ сынъ Колычевъ, а съ нимъ голова стрѣлецкая Алексѣй Непейцынъ***). Видно, что крѣпости этой препадовалось важное значеніе.

Укрѣпленіе это въ 1579 году пало, впрочемъ безъ боя, предъ оружіемъ Стефана Баторія; трофеями его побѣды были: большихъ орудій 16, гаковницъ 136, ручницъ 60, пороху 100 бочекъ и ядеръ 4,822; кромѣ того много военной сбруи и разныхъ запасовъ. Стефанъ Баторій повелѣлъ разрушить этотъ замокъ, съ чѣмъ вмѣстѣ исчезло и названіе его—Копье, о которомъ народъ не сохранилъ даже воспоминаній; мѣсто гдѣ былъ замокъ застроено крестьянскими домами. У дороги ведущей изъ Суши въ Уллу, до сего времени, сохранился нѣмой свидѣтель

*) Но это ошибочно. Рус. лѣтописи одновременно упоминаютъ обѣ эти мѣстности: копье и конецъ, опредѣляя мѣстонахожденіе послѣдняго въ 15 верстахъ отъ г. Сокола. Скорѣе Конецъ и Дисна одно и тоже.

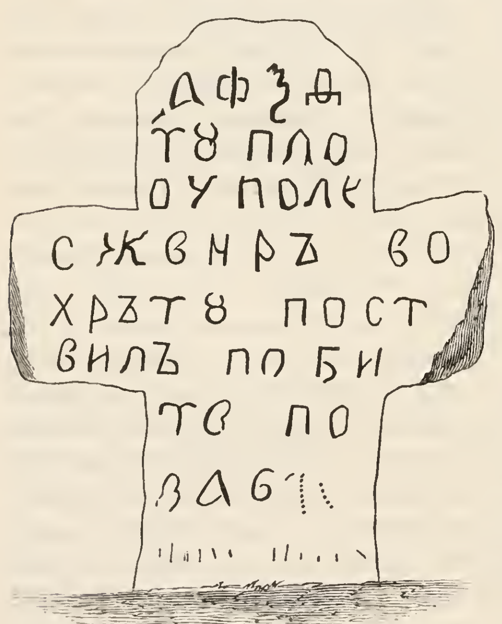
*) П. С. Р. Л. т. IV.

**) Александровская лѣтопись. т. III.

***) Древ. Росс. Вивліоөика ч. XIII и XIV.

бывшихъ на этомъ мѣстѣ кровопролитій—каменный, высѣченный изъ мѣстнаго гранитнаго валуна—крестъ, имѣющій въ вышину семь, а въ ширину пять четвертей аршина. На крестѣ этомъ грубо высѣчена славянскими буквами надпись гласящая: „1569 г. здѣсь положено 200 жовнеръ (воиновъ) во Христу поставилъ послѣ битвы…“ имя поставившаго этотъ христіанскій памятникъ отъ времени сгладилось. Крестъ этотъ имѣетъ такой видъ (рис. 32).

Рис. 32.

Красный замокъ былъ построенъ въ 15.. году поляками, на перешейкѣ раздѣлявшемъ озера Островито и Плюсно, въ 34 верстахъ отъ г. Полоцка и 52 отъ г. Лепеля. Замокъ этотъ 31 іюля 1579 г. взятъ Стефаномъ Баторіемъ; воспоминаніе о немъ сохранилось въ памяти народа. На планѣ 1579 г. замокъ этотъ представленъ въ круглой формѣ, стоящимъ близь озера.

Еще ближе къ Полоцку, именно въ 18 верстахъ отъ него, на берегу рѣчки Туровки, при впаденіи ея въ Западную Двину былъ построенъ, какъ увѣряетъ, Безъ-Корниловичъ, поляками четырехъугольный, о пяти башняхъ замокъ; онъ хотя временно и состоялъ во власти русскихъ, но скоро снова вошелъ въ составъ Польши. Король Стефанъ Баторій разрушилъ замокъ до основанія. Безъ-Корниловичъ, въ своихъ историческихъ замѣткахъ о Бѣлоруссіи, именно говоритъ: „по завоеваніи Полоцка, въ 1579 году, польскій король Стефанъ Баторій отрядилъ виленскаго воеводу Мартына Куржа съ кавалеріею и улльскаго старосту Константина Лукомскаго съ пѣхотою, чтобы взять Туровлю. Узнавъ о ихъ приближеніи часть гарнизона, ночью, оставя своихъ начальниковъ, задними воротами, ушла изъ замка. Литовцы ворвались въ него чрезъ амбразуры, напали на оставшихся россіянъ, сопротивлявшихся изрубили, другихъ взяли въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были и воеводы, сдавшіе Туровлю съ орудіями, спарядами, запасами“.

Какими источниками пользовался г. Безъ-Корниловичъ при оставленіи этого описанія и въ какой мѣрѣ источники эти заслуживаютъ довѣрія, мы не знаемъ; но судя по дошедшимъ до насъ актамъ, записаннымъ въ земскихъ книгахъ Полоцкаго воеводства, есть основаніе думать, что Туровлянскій замокъ былъ построенъ не поляками, а русскими, и что онъ не разоренъ непріятелями, а сгорѣлъ. Въ явкѣ, записанной въ актовой земской книгѣ Полоцкаго

воеводства 1690—1692 годахъ, подъ 10-мъ января 1692 года, регистра имѣній, селъ, церквей и монастырей наданныхъ отъ Стефана Баторія полоцкимъ іезуитамъ, составленнаго въ іюлѣ 1580 года, перечисляя имѣнія Спасскаго монастыря, между прочимъ, сказано: K temuż Monasterzu w sielcu Turowi pięc szlowiekow bylo, to sielo w puscie, Zemeczek byl Moskiewski Turowlenski zgorzal. На планѣ 1579 года замокъ этотъ показанъ еще существующимъ, что казалось бы еще болѣе подтверждаетъ ошибочность сообщенныхъ о чемъ Безъ-Корниловичемъ свѣдѣній; между тѣмъ изъ надписи на томъ планѣ видно, что кр. Туравля взята Стефаномъ Баторіемъ 4 сентября 1579 г.

На западномъ берегу озера Воронечь, гдѣ нынѣ селеніе того же имени, верстахъ въ 20 отъ г. Полоцка и въ 55 отъ г. Лепеля, также былъ укрѣпленный замокъ; но и онъ раздѣлилъ общую судьбу всѣхъ мѣстныхъ крѣпостей, и слѣды существованія его остались лишь въ памяти народа да на страницахъ древнихъ лѣтописей. На планѣ 1579 г. Воронечь изображенъ городомъ а не крѣпосью.

Ту же участь испыталъ упоминаемый въ лѣтописяхъ замокъ Стрижевъ или Стрѣжовъ, нынѣ имѣніе помѣщика Цѣхановецкаго, близъ почтовой дороги, между Бѣшенковичской и Бочейковской почтовыми станціями. Замокъ былъ построенъ на полуостровѣ озера Стрижева; на этой мѣстности былъ насыпанъ большой курганъ. О Стрижевскомъ замкѣ имѣются слѣдующія историческія свѣдѣнія: Рогвольдъ, князь кіевскій, призванный для княженія въ Полоцкѣ 1159 года отнялъ у князя полоцкаго дома Всеволода Глѣбовича удѣлъ его Изяславль (нынѣ Заславль, мѣстечко Минскаго уѣзда), отдавъ ему взамѣнъ того, замокъ, или пригородъ Стрижевъ.

Кромѣ указанныхъ уже нами мѣстностей, на коихъ были въ древности замки, въ предѣлахъ Лепельскаго уѣзда есть еще четыре урочища, въ коихъ, по указанію народа, были когда то замки или укрѣпленныя мѣста, что доказывается также существующими по нынѣ остатками земляныхъ насыпей, слоями угля и проч. Вотъ эти мѣста:

Городенецъ (имѣніе помѣщика Спасовскаго, и при немъ урочище, называемое Замчище, (т. е. большой замокъ) лежитъ въ 15 верстахъ отъ Лепеля надъ рѣчкой Толпянской, близъ дороги изъ города Лепеля въ мѣстечко Чашники. Замчище это находится на холмѣ; еще и по нынѣ сохранились на немъ всѣ признаки укрѣпленій, какъ то: окопы, канавы, узкій въѣздъ. Не будетъ ли это тотъ самый Городецъ, при которомъ полочане, по словамъ лѣтописи, встрѣтили въ 1190 году литовскаго князя Мингалу, выступившаго изъ Новогрудка для завоеванія Полоцкаго княжества, и гдѣ послѣ кровопролитнаго боя, легли почти всѣ до единаго храбрые полочане? Городецъ былъ сожженъ, а Полоцкъ отворилъ ворота свои побѣдителю. Въ настоящее время поверхность замковъ обращена подъ пашню. Лѣтъ девяносто тому назадъ, именно въ 1798 г. на этомъ мѣстѣ было найдено много старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ то: цѣпи, запястья и проч. Вещи эти тогдашнимъ владѣльцемъ

Замчища передѣланы на столовое серебро.

Близъ казенной деревни Городецъ, находящейся въ 15 верстахъ отъ г. Лепеля, у самой границы Борисовскаго уѣзда, на значительной возвышенности, также есть замковище, сохранившее многіе признаки бывшихъ на немъ укрѣпленіи. Недалеко отъ этого замковища находятся: озеро, называемое Княже, и гора—Церковище. Народъ утверждаетъ, что стоявшая на горѣ церковь провалилась въ землю. Подобныя сказанія или точнѣе легенды въ Витебской губерніи нерѣдкость, объ одной изъ нихъ мы упоминали въ 1 главѣ. Въ имѣніи Лутицѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Лепеля, есть также слѣды бывшихъ старинныхъ укрѣпленій. Мѣстность эта называется Замочекъ. Наконецъ, въ имѣніи помѣщика Спасовскаго Заболотьи, верстахъ въ 12 отъ г. Лепеля, находится довольно высокая гора, правильнѣе холмъ, также носящій названіе Замка. Почва на вершинѣ этой горы или холма совершенно черная, съ замѣтной примѣсью золы и угля. М. Ф. Кусцинскій, принимая въ соображеніе малое пространство этого замковища и обильные остатки золы и угля, предполаетъ, что здѣсь скорѣе было мѣсто языческихъ жертвоприношеній, чѣмъ укрѣпленіе.

Можетъ быть предположеніе это и не совсѣмъ ошибочно, такъ какъ народъ, по преданію праотцевъ, доселѣ питаетъ къ этому мѣсту особое уваженіе, да и легендарные разсказы о томъ, что будто бы, еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, у подошвы Замковой горы былъ ключъ сладкаго вина, также имѣетъ свое значеніе.

На пространствѣ Полоцкаго уѣзда также сохранились слѣды нѣсколькихъ древнихъ замковъ, именно: Соколинскаго, Ситнянскаго и Нещердскаго.

Соколинскій замокъ, по древнему Соколъ, былъ сооруженъ русскими въ 1566 году. Онъ находился на возвышенности, въ углу, между рѣкой Дриссой и впадающей въ нее рѣчкой Нищей, въ 30 верстахъ отъ Полоцка, 70 верстахъ отъ Себежа и въ 25 верстахъ отъ г. Дриссы. Замокъ этотъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ: онъ имѣлъ одиннадцать башень и былъ окруженъ деревянной стѣной, валомъ и рвомъ. Слѣды послѣднихъ существовали еще не такъ давно, а быть можетъ существуютъ и нынѣ. Соколинскій замокъ существовалъ всего только 13 лѣтъ, именно по 11-е сентября 1579 г. Въ этотъ день, послѣ упорнаго сопротивленія русскаго гарнизона онъ былъ взятъ литовскими войсками и сожженъ.

Въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей (томъ IV) относительно паденія крѣпости Сокола говорится: „въ лѣто 7087 (1579 года) Литовскій король Полоцко взялъ, того же года и Соколъ взяли и людей побили 40.000 ратныхъ и городъ сожгли". Исчисленіе убитыхъ очевидно ошибочно и не сообразно съ размѣрами самой крѣпости, гдѣ и четвертой части т. е. 10.000 горнизона помѣстить было негдѣ. Это отчасти подтверждается даже очевидно пристрастнымъ письмомъ Людовика Баромьскаго къ папскому нунцію въ Польшѣ изъ Полоцка отъ 14 Сент. 1579 г.

„Часть Московскаго войска для

оказанія помощи Полоцку прибыла не задолго предъ симъ, въ замокъ Соколъ и охраняла его; нѣсколько дней тому назадъ этотъ замокъ былъ осажденъ воеводою подольскимъ и польско-нѣмецкими войсками. 11-го числа этого мѣсяца замокъ былъ взятъ и окончательно сожженъ. Во время пожара убито до 4-хъ тысячъ и это были не рядовые или простые воины, но цвѣтъ московскаго войска; они храбро защищали замокъ, что вызвало состороны нашихъ и удивленіе? и нѣкоторый урокъ? Почти половина убитыхъ придворные Московскаго Царя (!); три воеводы были убиты, три взяты въ плѣнъ, изъ коихъ болѣе извѣстенъ Шереметевъ, мужъ славнаго въ своемъ отечествѣ имени и знатной фамиліи; число остальныхъ плѣнныхъ тоже не мало *). Знакомымъ съ польскими документами о войнахъ съ Россіей подобное хвастовство не новость. Но наиболѣе подробное описаніе паденія этого несчастнаго замка, оставилъ намъ Мартинъ Бѣльскій въ своей Kroniki Polskiy. Водъ точный переводъ его разсказа.

„Скоро подступили и подъ Соколъ. Польская пѣхота съ одной стороны, а нѣмецкая съ другой стали дѣлать шанцъ у замка. Москвитяне видя, что нашихъ не много, и зная, притомъ что у нихъ большой недостатокъ въ лошадяхъ, а тѣ которыхъ имѣли, были очень изнурены, порѣшили сдѣлать вылазку изъ замка до разсвѣта и ударить на нихъ. Вдругъ изъ нашихъ шанцевъ пущены были въ замокъ три раскаленныя пули, двѣ изъ нихъ москвитяте сразу потушили, а третей, ударившей низко въ заборъ не замѣтили. Пуля эта сразу легко зажгла весь замокъ, такъ какъ онъ былъ построенъ изъ смолистаго дерева (изъ сосны). Увидѣвъ это, гетманъ тотъ часъ приказалъ всѣмь быть готовымъ какъ бы къ битвѣ. Москвитяне въ торопяхъ, будучи встревожены этимъ огнемъ и и полагая, что наши ударили на нихъ, бросились бѣжать изъ замка. Шереметевъ въ однѣ ворота, а Борисъ Шеинъ въ другія. Шереметевъ попалъ на Брацлавскаго воеводу, который и взялъ его въ плѣнъ со всѣми бывшими при немъ. Бориса Шеина, а также всѣхъ тѣхъ, которые были съ нимъ, убили нѣмцы, (онъ накинулся на нихъ). Москвитяне сложили руки и просили не убивать ихъ, но не смотря на это ихъ кололи копьями и пиками. Видя это прочіе москвитяне задвинули ворота рѣшеткой и заперевъ тамъ нѣсколько нашихъ, убили ихъ. Выломавъ рѣшетку, другіе изъ нашихъ бросились туда и спасли своихъ. Вслѣдствіе этого, одни изъ москвитянъ были убиты, а другіе сгорѣли. Повсюду лежало очень много труповъ, слуги грабили ихъ и нашли при нихъ много денегъ и также серебряныхъ колецъ, которые отсѣкали даже съ пальцами. Нѣмки (Niemkinie) же распарывали имъ животы и выбирали изъ нихъ сало, такъ какъ это былъ все народъ очень жирный. Послѣ этого дѣла, Мелецкій на четвертый день благополучно возвратился къ королю и передалъ ему не мало плѣнныхъ... Не рады были этому Венгры, такъ какъ они все говорили, что безъ венгеровъ поляки ничего не докажутъ... И самъ

*) См. Витебская старина т. IV стр. 136.

король выразилъ гетману не такое удовольствіе, какъ бы слѣдовало...

Ситнянскій замокъ, находящійся въ 43 верстахъ отъ Полоцка, на возвышенности юго-западнаго берега озера Ситно, въ загибѣ р. Полоты, также обязанъ своимъ заложеніемъ русскимъ; но и онъ подобно предъидущему, палъ предъ оружіемъ Стефана Баторія, приказавшаго разорить его, что и было совершено 4-го августа 1579 г. На мѣстности, принадлежавшей древнему замку, находится нынѣ большая казенная деревня Ситно. Изъ плана 1579 г. можно заключить, что замокъ имѣлъ четыое башни.

Третій изъ древнихъ замковъ Полоцкаго уѣзда, Нещерда также былъ построенъ русскими; онъ находился на мысѣ, далеко выдававшемся, съ восточной стороны въ огромное озеро Нещерду. Въ 1579 году, въ столь памятную для Бѣлоруссіи эпоху бранныхъ подвиговъ Стефана Баторія, онъ былъ взятъ и разоренъ полоцкимъ воеводою Дорогостайскимъ, истребившимъ все населеніе Нещерды. Мѣсто, гдѣ былъ этотъ замокъ, въ настоящее время носитъ названіе городка. Народъ, въ смутныхъ своихъ воспоминаніяхъ, перепутавъ имена древнихъ дѣятелей и событія, разсказываетъ, что будто бы на этомъ мѣстѣ былъ замокъ Рогнѣды жены Рагвольда *), указывая, въ подтвержденіе своихъ словъ, на груду находящихся развалинъ и на часто попадающіеся въ этой мѣстности: малыя серебряныя монеты, стеклянные бусы, перержавѣвшіе обломки оружія и другія вещи...

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о Бѣлоруссіи Безъ-Корниловича, мы находимъ объ этомъ замкѣ слѣдующее преданіе: „Когда то сильный князь, побуждаемый надеждами получить богатую добычу, подступилъ къ замку съ войскомъ, ворвался въ него, истребилъ жителей и, вмѣсто нихъ, расположился въ немъ съ дружиною; но Отецъ Небесный вскорѣ наказалъ изувѣровъ, пролившихъ кровь неповинныхъ. Дружина вымерла отъ чумы. Князь, испуганный знаменіемъ видимаго гнѣва Господня зарывъ свои богатства, въ горѣ, оставилъ городъ, но пораженный чумой, скончался. Надъ его могилою, близъ озера, насыпанъ курканъ, жителями называемый Княжею Могилою.

Такому противорѣчію народныхъ разсказовъ удивляться нельзя. Преданія о давно минувшихъ событіяхъ, переходя изъ рода въ родъ устными разсказами, весьма естественно, постепенно, болѣе и болѣе, теряютъ свой первоначальный смылъ: это происходитъ столько же отъ забывчивости—разсказчиковъ, сколько и отъ фантазіи ихъ.

Вотъ почему записываніе мѣстныхъ преданій необходимо, и вотъ почему также нужно, съ большой осторожностью, пользоваться ими при историческихъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ.

Теперь намъ остается сказать еще о двухъ замкахъ: Усвятскомъ,—Витебскаго и Озерищенскомъ, или Езерійскомъ, Городокскаго уѣздовъ.

Усвятъ, по лѣтописямъ Свячь, есть одно изъ древнѣйшихъ населеній губерніи: имя его встрѣчается въ исто-

*) „Витебскія губернскія вѣдомости“ 1864 года, № 47, Журналъ витебскаго статистическаго комитета.

ріи подъ 1021 годомъ, однакожъ, постройка въ немъ замка, о которомъ говорится въ лѣтописяхъ, относится къ 1566 году. Замокъ этотъ былъ сооруженъ по указу царя Іоанна Васильевича, на старомъ городищѣ, именовавшемся Межево; поэтому можно думать, что замокъ построенный русскими близъ озера Усвятъ, не былъ первымъ крѣпостнымъ сооруженіемъ въ этой мѣстности.

Замѣчательно, что Усвятскій замокъ заложенный русскими, ими же спустя 88 лѣтъ, именно въ 1654 году разоренъ.

Мѣстность замка Озерищенскаго описана нами въ I-й главѣ этого сочиненія, въ числѣ городищъ. Здѣсь скажемъ только, что замокъ этотъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ, что годъ заложенія его не извѣстенъ, что замокъ этотъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то отъ русскихъ къ полякамъ, то обратно. Въ 1579 году Озерищенскій замокъ былъ разоренъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ 1616 году онъ снова укрѣпленъ озерищенскимъ старостою Христофоромъ Соколинскимъ. Когда онъ окончательно брошенъ опредѣлить трудно.

Кромѣ исчисленныхъ нами замковъ или крѣпостей на планѣ Пахоловича 1579 года, показана еще крѣпость Казьянъ; она помѣщена въ кольцеобразномъ загибѣ рѣки Оболя, ниже выхода ея изъ озера того же имени, а въ экспликаціи пояснено такъ: „крѣпость Козьянъ, взята и завоевана у князя Московскаго наияснѣйшимъ королемъ Польши Стефаномъ, іюля 22 дня, 1579 г. по Р. Х.„

Глава III.

НАХОДКИ ВНѢ КУРГАНОВЪ И ВООБЩЕ ЗЕМЛЯНЫХЪ НАСЫПЕЙ.

Бронзовые шейные или головные обручи.—Рыцарская цѣпь.—Различныя мнѣнія о принадлежащемъ къ цѣпи наплечникѣ.—Куфическая монета.—Находки противъ д. Кручери.—При д. Эгли.—Люцинскіе находки при фол. Фряжки и Шкельбатовѣ.—Каменные долота.—Древній обычай класть въ гробъ покойниковъ любимѣйшія ими вещи.—Символическій знакъ власти или достоинства, булава.—Мнѣнія о ней.—Ожерелье.—Перстни, съ изображеніемъ птицъ.—Рожанскія древности.—Находки при сел. Езерникахъ, люцинскаго уѣзда.—Серги, найденные въ городокскомъ уѣздѣ.—Серебряныя гривны, найденныя въ витебскомъ уѣздѣ.—Находка монетъ, кольца и серебрянаго шарика въ лепельскомъ уѣздѣ—Серебряныя украшенія, найденныя въ динабургскомъ уѣздѣ.—Находки въ разныхъ мѣстахъ Витебской губерніи старинныхъ монетъ, съ 1873 по 1886 годъ.—Истуканъ Перуна и двухъ-головаго идола.—Замѣчательная находка въ Могилевской губерніи.

Въ какую бы отдаленную эпоху не существовалъ человѣкъ, онъ долженъ оставить слѣды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, на той землѣ которую онъ попиралъ ногами.

Луи. Филье.

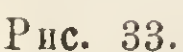
Въ теченіи двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнообразнѣе былъ самый племенной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ, тѣмъ обильнѣе былъ вкладъ въ общую сокровищницу русской древности.

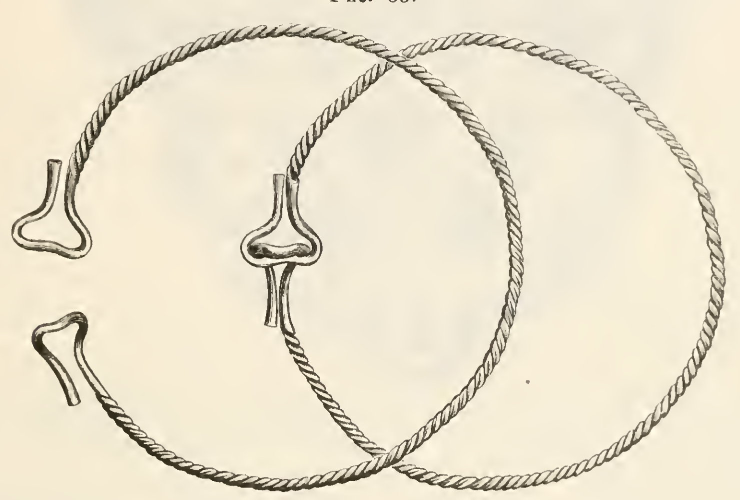
Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ.

Какъ ни рѣдки въ Витебской губерніи находки древнихъ вещей кромѣ монетъ, внѣ кургановъ, валовъ и городищъ, однакожъ и онѣ случаются. Это замѣчаніе не относится къ орудіямъ каменнаго вѣка исключительно находимыхъ при копкѣ канавъ, обработкѣ полей и огородовъ, въ лѣсахъ, болотахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ словомъ вездѣ, гдѣ только человѣкъ могъ заниматься работой, добывать себѣ пищу, строить жилища, бороться со зверемъ... Есть впрочемъ мѣста, гдѣ особенно часто попадаются эти орудія, а есть и такіе гдѣ, покрайней мѣрѣ доселѣ, ихъ вовсе не находятъ. Объ этомъ подробнѣе мы скажемъ въ IV главѣ.

Изъ внѣ курганныхъ находокъ важнѣйшія произведены въ г. Динабургѣ и Лепелѣ, Динабургскомъ, Люцинскомъ, Лепельскомъ и Рѣжецкомъ уѣздахъ, а также на границѣ Витебскаго и Оршанскаго уѣздовъ, въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Динабургская находка отно-

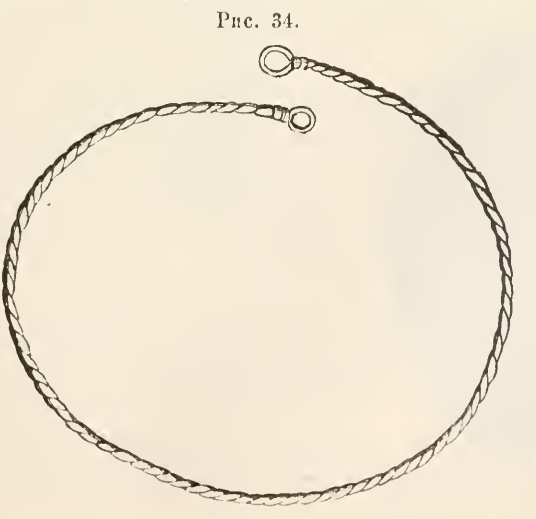
сится къ 1862 году. Она сдѣлана совершенно случаяно, именно: при вырытіи рва подъ домъ одного частнаго лица, строившійся возлѣ дамбы, рядомъ съ усадьбой дворянина П. М Будревича. Въ этой мѣстности, въ песчаномъ грунтѣ, не глубже 4 аршинъ отъ поверхности, земли, вырытъ былъ скелетъ человѣка большаго роста, при которомъ, кромѣ совершенно истлѣвшаго оружія найдены:

Рис. 33.

Четыре бронзовыхъ витыхъ обруча (гривны) изъ коихъ два, въ окружности до ушекъ, имѣютъ по 3 англ. фута, а вѣсомъ по 1 фунту 3 1/2 золотника, а остальныя при величинѣ окружности въ 2 фута 9 дюймовъ, вѣсомъ по 78 золоти. Толщина свитка первыхъ двухъ обручей (гривенъ) равна 1 дюйму въ окружности, а послѣднихъ 7/8 дюйма. Эти головныя украшенія похожи на хранящіеся въ Копенгагенскомъ музеумѣ сѣверныхъ древностей. На этихъ именно частяхъ остова т. е. на черепахъ или близъ нихъ они и были найдены. Вотъ изображенія перваго и второго вида найденныхъ въ г. Динабургѣ обручей или гривенъ. (рис. 33 и 34).

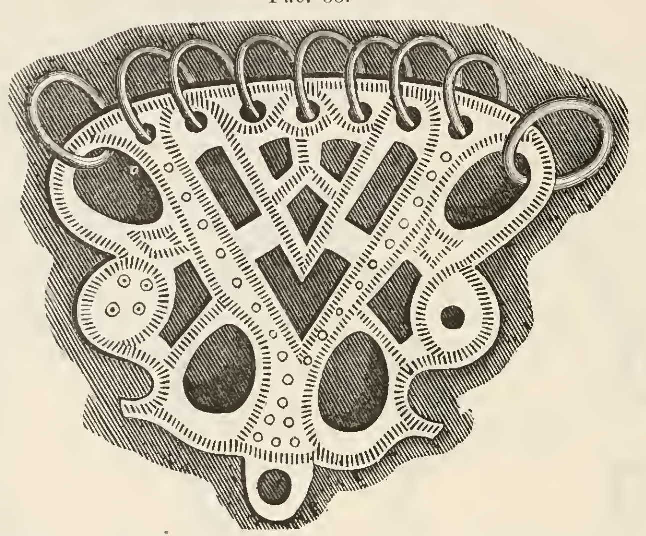
Рис. 34.

Цѣпь состоитъ изъ четырехъ бронзовыхъ, массивныхъ, прорѣзанныхъ, съ красивой насѣчкой вокругъ отверстій—пластинокъ, изъ коихъ двѣ, находящіяся по концамъ цѣпи, имѣютъ форму какъ бы треугольника, съ вырѣзанными боками и закругленными углами; а двѣ помѣщающіеся между звеньями,

въ разстояніи отъ первыхъ на $3^1/_2$, англ. дюйма, продолговатыя и также съ вырѣзными боками, закругленными углами и чеканкой; всѣ четыре пластинки соединенныя девятью рядами прочныхъ, хорошо сохранившихся двойныхъ бронзовыхъ не спаянныхъ цѣпей. На всѣхъ четырехъ пластинкахъ, въ частяхъ обращенныхъ въ одну сторону, имѣются небольшія круглыя отверстія, въ которыя, по всей вѣроятности, прикрѣплялись еще особыя цѣпочки, для подвѣски какихъ-либо украшеній, или мелкихъ принадлежностей вооруженія, или наконецъ, что еще правдоподобнѣе, особыхъ знаковъ отличія. Уцѣлевшій съ одной стороны обрывокъ цѣпи убѣждаетъ въ этомъ предположеніи. Вѣсъ цѣпи около $2^1/_2$ ф., а длина $3^1/_2$ англійскихъ фута.

Рис. 35.

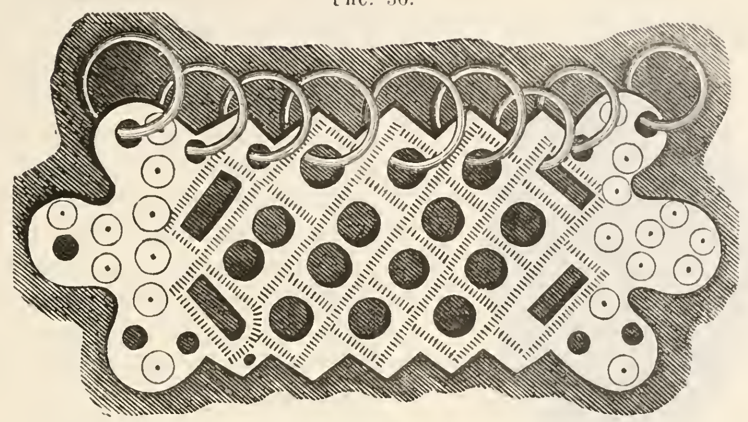

Суда по положенію цѣпи на остовѣ, т. е. отъ лѣваго плеча наискось груди, подъ правую руку, гдѣ она достигала праваго плеча, а равно бывшихъ при ней весьма изящной чеканной отдѣлки бронзовыхъ наплечниковъ, должно предполагать, что цѣпь эта не составляя необходимой принадлежности рыцарскаго одѣянія, была знакомъ особаго достоинства или званія носившаго ея лица. Прилагаемые рисунки 35 и 36 представляютъ первый: точно изображеніе одной изъ трехугольныхъ пластинокъ отъ рыцарской цѣпи, а послѣдній продолговатую пластинку.

Что касается упомянутыхъ наплечниковъ, изъ коихъ, одинъ принесенъ мною въ даръ Московскому археологическому обществу, то покойный предсѣдатель этого общества, графъ А. С. Уваровъ, а также членъ общества о. архимандритъ Амфилохій остались при томъ мнѣніи, что вещь эта не есть наплечникъ, и пряжка отъ женскаго пояса. Это мнѣніе свое графъ Уваровъ основываетъ на томъ, „что при раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, онъ имѣлъ случай найти нѣсколько подобныхъ украшеній, которыя всегда встрѣчаются по бокамъ женскаго костяка

у пояса, и у нѣкоторыхъ сохранились даже кожаные ремни". мы лично входили по этому предмету въ сношеніе, и который по тща-

Рис. 36.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, графъ указываетъ на имѣющіеся внутри этого предмета слѣды пряжки (fibula) *). Ниже помѣщена оборотная сторона этого предмета. (рис. 38).

Въ виду того, что вещь эта весьма сходна съ хранящимся въ королевскомъ Копенгагенскомъ музеѣ подъ № 422 бронзовымъ запястьемъ и ближе подходитъ подъ запястья за №№ 419, 420 и 421-мъ, **) мы готовы согласиться съ приведеннымъ здѣсь мнѣніемъ покойнаго предсѣдателя Археологическаго общества, если бы вещь эта не была найдена вмѣстѣ съ прочими принадлежностями рыцарскаго одѣянія, совершенно такого же металла и характера. Затѣмъ и предположенія покойнаго Н. И. Костомарова, съ которымъ тельномъ осмотрѣ другаго, совершенно такого же экземпляра этой вещицы, призналъ ее за наколѣнникъ или налокотникъ отъ древняго рыцарскаго панцыря... мы ужъ никакъ раздѣлить не можемъ, и скорѣе согласны, что вещь эта есть наплечникъ, составлявшій часть вышеописанной цѣпи, вмѣстѣ съ которой онъ найденъ, при мужскомъ скелетѣ, при которомъ находились часть разрушившагося оружія и другія вышеописанныя вещи.

Рис. 37.

Вотъ изображенья лицевой и обо-

*) Мнѣніе графа А. С. Уварова сообщено мнѣ секретаремъ общества К. К. Герцемъ, 14 ноября 1865 года, за № 291. Оно потомъ напечатано въ одной изъ книгъ древностей, издаваемыхъ обществомъ. *А. С.*

**) Сѣверныя древности Королевскаго музея въ Копенгагенѣ. *А. С.*

ротной стороны описаннаго предмета (рис. 37 и 38).

Рис. 38.

Что на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Динабургомъ и его предмѣстьями, могъ быть схороненъ кто-либо изъ знаменитѣйшихъ военноначальниковъ давно прошедшихъ вѣковъ, въ томъ нельзя сомнѣваться, припомнивъ, что основаніе этого города относится если не къ XII, то навѣрно къ XIII вѣку (именно къ 1278 году), что Динабургъ, въ теченіе почти пятисотъ лѣтъ, былъ постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій сосѣдственныхъ державъ и народовъ; что на поляхъ его вчастую сталкивались поляки, литовцы, шведы, датчане и русскіе, не говоря уже о битвахъ болѣе близкихъ къ намъ временъ. На груди скелета, на цѣпочкѣ, покоилась серебряная арабская куфическая монета. Какому вѣку принадлежитъ она — неизвѣстно; но, судя по хорошо сохранившимся на обѣихъ сторонахъ ея надписямъ, это легко можетъ быть опредѣлено опытнымъ нумизматомъ.

Розысканіе этихъ замѣчательныхъ памятниковъ старины, попавшихъ, немедленно по вынутіи изъ земли, въ разныя руки, сдѣлано мною. Изъ числа четырехъ гривенъ, двѣ отправлены витебскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ Императорской археологической коммисіи, а всѣ остальныя вещи, за исключеніемъ одного наплечника — московскому археологическому обществу. Наплечникъ же, попавшійся мнѣ прежде другихъ вещей и послужившій путеводною нитью для дальнѣйшихъ розысканій, переданъ брату моему К. М. Сементовскому, у котораго хранится и нынѣ.

Изъ уѣздныхъ мѣстностей наиболѣе оказались богатыми въ археологическомъ отношеніи окрестности м. Креславки. Здѣсь графъ Адамъ Плятеръ, на берегахъ Западной Двины находилъ много прекрасныхъ бронзовыхъ и серебряныхъ издѣлій, какъ напр. головные уборы, ожерелья, браслеты, проволочные поясы, кольца, цѣпочки, серебряныя и стеклянныя бусы, мѣдные топорики, молоты, бердыши и другіе. Изъ дѣлъ Витебскаго губернскаго статистическаго комитета видно, что подобная находка повторилась въ прошломъ 1886 году, въ Динабургскомъ уѣздѣ. близь деревни Кручери. Здѣсь крестьянинъ Донатъ Вигуль нашелъ нѣсколько мѣдныхъ (вѣроятно бронзовыхъ) вещей, именно: шейное кольцо (гривну) съ тремя подвѣсками; проволочную цѣпь о двѣнадцати звѣньяхъ; гребешокъ; два браслета съ украшеніями (?) на концахъ; одинъ тонкій браслетъ съ орнаментомъ; шейный обручъ съ отломанымъ концемъ; пряжку; четыре обломка шейныхъ колецъ; шесть тонкихъ, гладкихъ браслетовъ; восемь тонкихъ

изогнутыхъ лентообразныхъ обломковъ; проволочное спиральное кольцо; три тонкихъ проволочныхъ кольца; двѣнадцать небольшихъ обломковъ отъ спиральныхъ трубочекъ (?); двѣ малыхъ пластинки съ тремя дырочками на каждой; пять маленькихъ обломковъ (?), одинъ изъ нихъ проволочный. Болѣе точнаго описанія или фотографіи этой весьма интересной находки, въ дѣлахъ комитета нѣтъ. Это лишаетъ насъ возможности сдѣлать какое либо правильное заключеніе о значеніи найденныхъ вещей; тѣмъ не менѣе мы думаемъ что они принадлежали покойницѣ изъ болѣе или менѣе знатнаго рода. Еще раньше, именно въ 1882 году, въ огородѣ крестьянина деревни Эгли, Ужвалдской волости, Динабургскаго уѣзда найдено: шесть бронзовыхъ браслетъ, пряжка, два крученыхъ, въ видѣ веревки, прута; вѣроятно шейныхъ обручей (гривенъ) и пять небольшихъ обломковъ отъ вещей (?). *) Въ отношеніи статистическаго комитета въ Императорскую Археологическую коммиссію, **) касательно прутьевъ (т. е. гривенъ) сказано: „одинъ потолще съ наконечниками"; пряжка переименована въ „кольцо въ видѣ пряжки съ надѣтыми на него крючками". Объ остальныхъ вещахъ пояснено: „небольшой кусокъ спиральной, согнутой, крученой проволоки и четыре куска плоско разбитой проволоки, свитые спиралью".

Люцинскіе внѣ курганные находки, весьма сходны съ динабургскими, отчего должно заключить что онѣ относятся къ одному и тому же времени и одинаковаго происхожденія. Изъ числа извѣстныхъ намъ находокъ, мы можемъ указать на двѣ: въ 1878 году, въ разстояніи четверти версты отъ фольварна Фряшки, Нетрской волости, саженяхъ въ двацати пяти отъ проселочной дороги, на песчаномъ полѣ, свиньи вырыли четыре серебряныхъ гривны, а въ 1877 году въ имѣніи Шкельбатахъ, Пыльденской волости въ мѣстности называемой военныя могилы вырыты: 1) Обрывки узкихъ въ 1/4 дюйма ширины ремней съ дырочками для прикрѣпленія къ нимъ украшеній: 2) мѣдное кольцо, представляющее три изгиба змѣи, изломанное, безъ головки; 3) остатки цѣпи изъ мѣдной витой спиралью проволоки, съ наружной стороны закругленной, а съ внутри плоской; 4) остатки пластинокъ и проволоки очевидно отъ концовъ цѣпи; 5) два браслета мѣдныхъ: одинъ витой, а другой украшенъ насѣчкой, для руки не большой величины; 6) витой шейный обручь мѣдный; 7) такойже большаго размѣра красной мѣди обручь, съ загнутыми въ видѣ колецъ концами. 8) Шейное украшеніе въ видѣ наполовину широкаго—плоскаго, а наполовину узкаго - круглаго обруча, съ восемнадцатью трехъ угольными и одной шарообразной подвѣсками. Подвѣсковъ этихъ, судя по числу отверстій въ широкой части обруча, было тридцать одинъ; 9) тройная цѣпь, соединенная однимъ концомъ съ подвѣской и 10) буса, расколотая пополамъ, величиной въ лѣсной орѣхъ, свѣтло-зеленовато-желтаго цвѣта, потерявшая наружный блескъ (рис. 39).

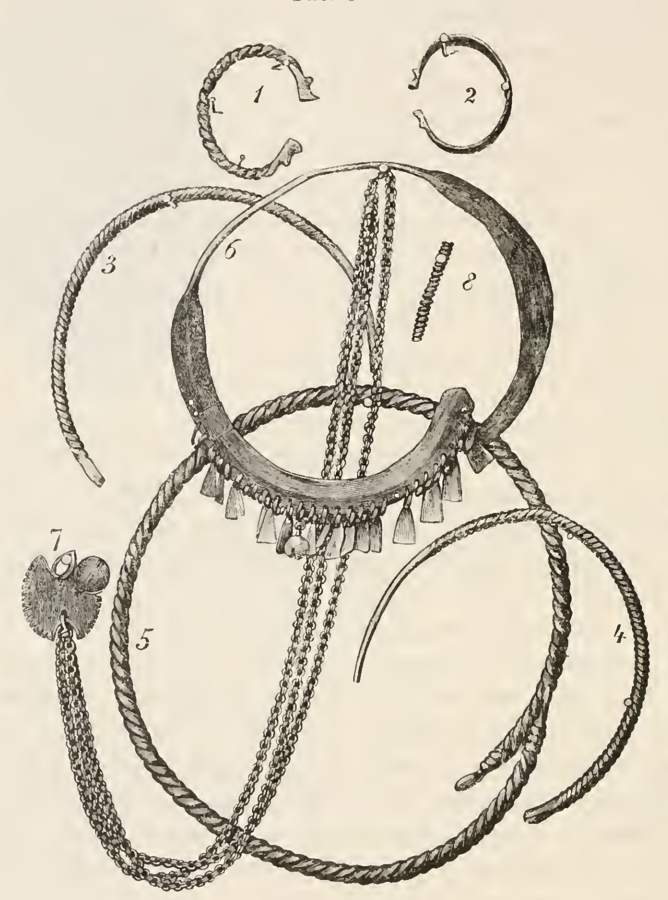
На прилагаемомъ рисункѣ изобра-

*) Донесеніе исправника 29 окт. 1882 года № 12858:

**) Отношеніе 4 ноября 1881 года № 547.

жено по фотографіи восемь главнѣйшихъ изъ этихъ предметовъ; самыя вещи, въ свое время, отосланы Витебскимъ губер. стат. комитетомъ въ

Рис. 39.

Императорскую Археологическую коммиссію, именно: два бронзовыхъ браслета (1 и 2) двѣ гривны мѣдныхъ (3 и 4), одна серебряная (№ 5), одно бронзовое украшеніе съ привѣсками въ родѣ трехъ угольныхъ пластинокъ и съ шарикомъ по срединѣ ихъ (6), тройная бронзовая цѣпь (№ 7) и наконецъ обрывокъ бронзовой, спиралою витой, въ видѣ трубочки проволоки (№ 8).

Въ 1855 году, при проведеніи канавы на пахатной землѣ имѣнія Завидичъ, отстоящаго отъ г. Лепеля на шести верстахъ, открыто значительное количество человѣческихъ костей, лежавшихъ не глубже полутора аршина отъ поверхности. Между этими костями найдены два каменныя долота. Орудія эти принадлежатъ М. Ф. Кусцинскому, который сообщая намъ рисунокъ ихъ и выше изложенныя свѣдѣнія, добавляетъ, что вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены долота, было когда-то языческое кладбище и что орудія эти зарыты въ землю, вмѣстѣ съ покойниками, при которыхъ обыкновенно

оставляли предметы, бывшіе въ употребленіи. Изображеніе сихъ орудій помѣщено въ IV главѣ.

Обычай класть въ гробы покойковъ любимѣйшія ими вещи, изъ особаго пониманія народомъ загробной жизни, сохранился еще и донынѣ, въ большей или меньшей степени, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нашъ бѣлорусскій народъ также не чуждъ этимъ вѣрованіямъ, кои въ особенности рельефно обрисовываются при праздновании имъ Троицыныхъ дней и при совершаемыхъ въ Духовъ день поминкахъ *).

Но чѣмъ народъ менѣе развитъ, чѣмъ менѣе усвоилъ онъ ученіе нашей церкви, тѣмъ болѣе сохранилось въ немъ языческихъ вѣрованій предковъ, тѣмъ легче обычаями его объяснить значеніе археологическихъ находокъ. Относительно обычая класть въ гроба покойниковъ любимѣйшія ихъ вещи и вообще относительно представленія загробной жизни, согласно съ древними языческими понятіями, мордовцы Пензенской губ. представляютъ самые поразительныя образцы. Крестьяне этой губерніи, какъ и нашъ бѣлорусскій народъ, убѣждены, что покойники за гробомъ также ѣдятъ и пьютъ, какъ и въ здѣшней жизни. Поэтому каждому умершему всегда кладутъ въ гробъ тѣ предметы, которые онъ любилъ. Такъ напримѣръ, если умершій любилъ курить, то кладутъ съ нимъ въ гробъ трубку, ежели любилъ плесть лапти, кладутъ качедыкъ; женщинамъ кладутъ иглу съ ниткой, лоскутъ холста и т. д. Но мордвинскія вѣрованія о загробной жизни еще характеристичнѣе обрисовываются въ праздновании этимъ народцемъ сороковаго дня.

Празднества эти такъ интересны, что читатели наши, безъ сомнѣнія, не посѣтуютъ на насъ за это маленькое отступленіе, и потому продолжаемъ. Каждый умирающій и умирающая, разумѣется взрослые, предъ смертію, назначаютъ себѣ намѣстниковъ, называемыхъ по мордовски озай-васта (отъ слова какъ-сижу), которые въ сороковой день представляетъ собою умершаго. Озай-васта выбирается обыкновенно умирающимъ изъ самыхъ близкихъ друзей его. Съ вечера наканунѣ сороковаго дня, всѣ родственники покойнаго собираются въ тотъ домъ, гдѣ устраиваются поминки, и приносятъ съ собою что нибудь изъ съѣстнаго, но непремѣнно въ деревянныхъ чашкахъ. Потомъ хозяева дома ставятъ среди избы брагу въ кадушкѣ, и всѣ начинаютъ ее распивать чашками, вмѣстѣ съ ними и озай-васта, виновникъ празднованія, главное лицо, на которое обращается вниманіе всѣхъ. Утромъ поминки идутъ своимъ чередомъ: ѣдятъ, пьютъ водку и брагу, и пьяные пляшутъ. Послѣ обѣда настаетъ пора разставаться съ мнимымъ покойникомъ, пора проводить его въ могилу, въ новое его жилище. Для этого озай-васта, сидѣвшій до того времени въ переднемъ углу, на подушкѣ, садится на приготовленную нарочно для сего случая скамью среди избы. Среди же избы ставятъ длинную палку, упирая ее однимъ концомъ въ полъ, а другимъ въ потолокъ, и прилепляютъ

*) 1-й главѣ этого сочиненія мы привели любопытное указеніе на находки въ гробахъ покойниковъ не только вещей, но даже серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. *А. С.*

къ этой палкѣ восковую свѣчу, согнутую въ кольцо и составленную изъ нѣсколькихъ свѣчъ. Послѣ этого одинъ изъ гостей беретъ палку со свѣчей и идетъ вонъ изъ избы, другіе же берутъ скамью, на которой сидитъ, озай-васта и вся процессія шествуетъ за свѣчей на дворъ, гдѣ для мнимаго покойника, если онъ мужчина готова осѣдланная лошадь. Тутъ начинается полное провожаніе т. е. плачъ, стонъ, и если послѣ покойника остались мать, жена, дѣти, эти несчастныя обнимаютъ, цѣлуютъ озай-васта, и на прощанье, угощаютъ его водкой и брагой.

Распростившись со своими родственниками, воображаемый мертвецъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. Озай-васта, желая вѣроятно, выразить: какъ трудно умирающему разставаться съ этой жизнію и съ родными, до трехъ разъ возвращается въ домъ, гдѣ встрѣчаютъ его съ новой радостью и угощеніемъ. Послѣ третьяго раза, онъ уѣзжаетъ изъ вида и возвращается въ домъ тайкомъ, чрезъ задній дворъ, обыкновеннымъ гостемъ. Поминки женщинъ бываютъ съ немногими варіаціями. Женскій озай-васта уходитъ пѣшкомъ *).

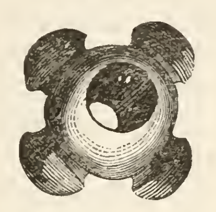
Въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губерніи **), въ день радоницы (во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ), при совершеніи на кладбищахъ панахидъ, на всѣхъ могилахъ стоитъ кутья, покрытая хлѣбами, въ которыхъ теплятся свѣчи, и лежатъ два окрашенныхъ яйца. Это въ знакъ христосованія съ умершими. Простодушный народъ вѣритъ что умершіе родные ихъ невидимо дѣлятъ съ ними трапезу и потому многіе оставляютъ остатки пищи на могилахъ. Въ Троицынъ день поминовеніе совершается также какъ и въ радоницу, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этотъ день прибывшіе на кладбище родные вѣтками березъ опахиваютъ могилы. Обычай этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется парить стариковъ. Хлестая могилы покойниковъ свѣжими березовыми вѣтьвями, крестьяне думаютъ доставить почивающимъ въ землѣ роднымъ удовольствіе бани... Въ эти же дни въ окнахъ избъ вывѣшиваются ручники для того, какъ говоритъ народъ, чтобы дяды, т. е. души покойниковъ могли безошибочно узнать хаты своихъ родныхъ и навѣстить ихъ. Навѣщая своихъ родныхъ дяды, но понятіямъ народа, садятся подъ пѣчкой. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ ярко видна грубая языческая идея о загробной жизни. Послѣ этого понятно, почему въ старину, когда народъ былъ еще темнѣе, языческіе обряды исполнялись акуратнѣе и гробы покойниковъ наполнялись предметами потребленія ихъ земной жизни.

Изъ числа сдѣлавшихся извѣстными намъ внѣкурганныхъ археологическихъ находокъ пятидесятыхъ годовъ, одна обратила на себя особое вниманіе. Эта каменная вещица составляющая, какъ думаетъ М. Ѳ. Кусцинскій, большую рѣдкость, есть по его мнѣнію символическій знакъ достоинства лица, занимавшаго особо важный постъ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія почтеннаго нашего сочлена и помѣщая изображеніе находки предоставляемъ судить о значеніи ея нашимъ археологамъ. Изоб-

*) См. „Русскія Вѣдомости“ 1865 г., № 136.
**) Памятная книжка Витебской губ. 1865 г.

ражаемый предметъ сдѣланъ изъ твердаго сѣраго камня, имѣетъ круглую форму, съ четырьмя, крестообразно-расположенными, выпуклыми украшеніями, и отверстіе для насадки на палку (рис. 40).

Рис. 40.

М. Ф. Кусцинскій, сообщившій намъ рисунокъ этой находки, извѣщалъ, что этотъ знакъ достоинства найденъ на полѣ имѣнія Бѣлое, помѣщицы Корсакъ, и что ни въ берлинскомъ музеумѣ древностей, ни въ копенгагенскомъ собраніи сѣверныхъ древностей ему не случилось видѣть подобнаго. Мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія г. Кусцинскаго и думаемъ, что вещица эта—издѣліе послѣднихъ временъ.

Что касается находки, сдѣланной 4-го Апрѣля 1865 года, въ самомъ городѣ Лепелѣ, при вырытіи канавы на площади, противъ дома коллежскаго совѣтника Соколовскаго, то по мнѣнію г. Кусцинскаго, это жезлъ или булава, какіе обыкновенно употребляли въ старину гетманы и вообще начальники войскъ, въ знакъ своей власти. Булава эта сдѣлана изъ красноватого порфира, съ тщательной полировкой; по обѣимъ концамъ ея имѣются углубленія въ одинъ вершокъ; къ нижней оконечности вѣроятно прикрѣплялась ручка, такъ какъ оконечность эта немного тоньше и не такъ гладко отполирована; въ длину весь предметъ имѣетъ пять вершковъ (рис. 41).

Рис. 41.

Къ какому времени принадлежитъ эта находка — съ точности опредѣлить трудно; но принимая въ соображеніе что нынѣшняя Витебская губернія въ XVI вѣкъ служила неоднократно театромъ войнъ, можно съ нѣкоторой достовѣрностью отнести ее къ этому времени, тѣмъ болѣе, что, по сказанію Стрыйковскаго, въ 1568 году, близъ Лепеля было кровопролитное сраженіе.

Мы не раздѣляемъ и этого мнѣнія г. Кусцинскаго, такъ какъ форма старинныхъ гетманскихъ булавъ была совершенна другая, точно также какъ и матеріалъ изъ коего они были сдѣланы *). Вотъ какъ описываются гетманскія булавы въ сочиненіи брата нашего покойнаго Н. М. Сементовскаго „Малороссійской, запорожской и донской старинѣ **). Булавы, какъ и бунчуки раздѣлялись на большія и малыя, перначи или шестоперы или жезлы. Обыкновенная гетманская булава состояла изъ палки орѣховаго или другаго

*) Прим. Посѣтивъ въ маѣ 1888 года М. Ф. Кусцинскаго, въ имѣніи его Завидичахъ, и осмотрѣвъ собраніе его рѣдкостей, мы окончательно убѣдились что вещь названная имъ булавой, не болѣе какъ костельное украшеніе весьма недавняго происхожденія.

**) „Старина малороссійская, запорожская и донская“. С.-Петербургъ 1848 г.

крѣпкаго дерева, длиною въ три четверти аршина, съ одного конца палки придѣлывался серебряный шаръ, нерѣдко продолговатый или имѣвшій видъ осьмигранника и другія формы. Шаръ былъ серебряный, вызолоченный и осыпанный жемчугомъ, лаллами, аметистами, изумрудами, бирюзой и другими камнями. Также на булавахъ нерѣдко вырѣзывались надписи: кому и отъ кого пожалована булава или приличное изрѣченіе, большею частію взятое изъ священнаго писанія. У Мазепы была булава съ его гербомъ, а у Самуйловича съ вензелемъ. Противуположный конецъ палки также обдѣлывался въ серебряную оправу, иногда гладкую а чаще съ узоромъ. Были булавы чисто серебряныя, безъ деревяной палки; такую булаву Хмельницкій получилъ отъ Польскаго короля въ 1649 году, а отъ турецкаго Султана осыпанную жемчугами и драгоцѣнными камнями. Дорошенко получилъ отъ Крымскаго хана подобную же булаву. Булава присланная Царемъ гетману Хмельницкому, по принятіе его въ подданство Россіи, была серебряная съ подписью: 1654 годъ и вензелемъ Царя. Многіе гетманы имѣли у себя нѣсколько булавъ и употребляли ихъ смотря по важности торжества на которомъ они должны были присутствовать. Дѣлались булавы и длинныя, такъ что служили вмѣсто палки; такую булаву имѣлъ Самуйловичъ, въ то время, когда былъ взятъ въ церквѣ и представленъ въ царскую палату предъ Голицинымъ.

Полковники имѣли свои булавы— перначи и шестоперы, иначе полковничьи жезлы, отличавшіеся отъ гетманскихъ булавъ меньшимъ размѣромъ и тѣмъ, что по большей части верхъ ихъ былъ шести-гранный, отъ чего они и назывались шестоперами.

Запорожскіе атаманы также имѣли большіе и малые булавы и перначи: большіе были серебряные, а малые желѣзные. Въ Петербургѣ до селѣ хранится булава войска запорожскаго; она, представляетъ стиснутый граненый шаръ, съ серебряной обдѣлкой на концѣ орѣховой палки.

Кромѣ войсковаго атамана на Запорожьѣ имѣли перначи какъ куренные, такъ и походные атаманы и полковники.

Въ 1776 году Императрица Екатерина II подарила атаману Донскаго войска: насѣку, т. е. большую булаву и булаву обыкновенную. Насѣка была деревянная, длиною 2¹/₄ аршина съ серебряною позлащенною главой изъ двухъ вмѣстѣ стиснутыхъ шаровъ; на верхнемъ шарѣ прикрѣплены вертикально два металлическіе черные орла, крестообразно пересѣкающіеся. Булава была изъ чернаго дерева, длиною въ аршинъ; глава ея гладкая, круглая, какъ и наконечникъ, серебряная, вызолоченая. Какъ на булавѣ, такъ и на насѣкѣ имѣлась слѣдующая надпись: Войска Донскаго Войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому, пожалована въ 1776 году, во время командованія какъ онымъ, такъ и всѣми иррегулярными войсками Генералъ-Аншефа князя Потемкина".

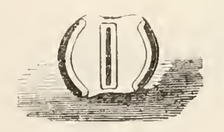
Мы нарочно нѣсколько распространились о гетманскихъ булавахъ, чтобы показать на сколько вѣрно предположеніе г. Кусцинскаго о лепельской находкѣ. По нашему мнѣнію найденная въ Лепелѣ порфировая

вещица — небольше, какъ дверная рукоятка или украшеніе отъ старинной кастольной мебели или же просто головка отъ трости; но уже никакъ не гетманская булава.

Высказавъ наше мнѣніе о „лепельской" булавѣ, мы нисколько не желаемъ противорѣчить мнѣнію покойнаго графа А. С. Уварова, допускавшаго глубокую древность употребленія каменныхъ булавъ въ Сибири и на Кавказѣ и потому склонявшагося видѣть и въ лепельской находкѣ—булаву, т. е. знакъ власти, хотя и позднѣйшаго времени *). Точно также мы не согласны считать прототипомъ гетманскихъ булавъ находки грубыхъ круглыхъ каменныхъ молотовъ въ Сибири и на Кавказѣ.

Въ 1864 году, въ Люцинскомъ уѣздѣ недалеко отъ селенія Езерникъ, одинъ крестьянинъ, совершенно случайно, выкопалъ въ мѣстности, не представлявшей никакихъ искусственныхъ возвышенностей, низменной и отчасти болотистой, 22 большихъ серебряныхъ монеты, начала XII вѣка, изъ коихъ 4, достались намъ, нѣсколько зеренъ изъ ожерелья, изъ коихъ одно (рис. 42) красное съ

Рис. 42.

четырьмя бѣлыми полосками, имѣющими голубой процвѣтъ; древній серебряный крестикъ, о которомъ скажемъ ниже въ V главѣ и наконецъ два перстня: (рис. 43 и 44) серебряный, съ изображеніемъ стоящей на вѣткѣ птицы, крылья коей подняты кверху, и мѣдный почти такой величины, какъ предъидущій, съ такимъ же изображеніемъ птицы и поднявшейся

Рис. 43.

Рис. 44.

предъ нею змѣи, но работы болѣе грубой. Эти зерна ожерелья, перстни и крестикъ составляютъ нынѣ собственность автора.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *), въ имѣніи моемъ Лепельскаго уѣзда, Рожанщинѣ, расположенномъ на берегу рѣчки Ушача, при вырытіи ямъ для храненія картофеля, найденъ былъ довольно хорошо сохранившійся остовъ человѣка громаднаго роста. Такъ какъ кости эти открыты въ небольшомъ борку, на песчаномъ бугрѣ, между фольварковыми постройками, гдѣ никогда не было кладбища, то догадокъ о томъ кому принадлежатъ эти кости, и когда и по какому случаю зарытъ здѣсь покойникъ, было множество. Въ концѣ концовъ наши деревенскіе ар-

*) См. Древности. Томъ X. Москва 1885 г.

*) Первое извѣстіе объ этомъ напечатано мною въ „Витебскихъ Губ. Вѣд. 1885 г. № 42.

хеологи порѣшили, что это кости какого то богатыря *).

Одиннадцатаго мая 1885 года, при расчисткѣ берега р. Ушача, въ слоѣ глины и ила, въ моемъ присутствіи, найдена очень большая желѣзная шпора (по народному—острога), рѣзко отличающаяся не только отъ нынѣ употребляемыхъ, но и отъ тѣхъ кои носили ратные люди, лѣтъ сто тому назадъ и болѣе. Найденная шпора имѣетъ въ длину 6³/₈, между концами дужки 3²/₈, а ширина ободка (дужки) ⁵/₈ англійск. дюйм. На дужкѣ имѣется по концамъ два круглыхъ, въ ²/₈, по сторонамъ шесть длинныхъ, въ ³/₈ англ. дюйма отверстій, въ кои вѣроятно вбивались гвозди для прикрѣпленія шпоръ къ подбору сапога; кромѣ того какъ видно по уцѣлѣвшей, съ правой стороны, желѣзной сережкѣ, шпора пристегивалась еще и подъ подошвой сапога ремнемъ.

Принимая въ соображеніе, что на другой сторонѣ р. Ушача, дѣлающей здѣсь крутой поворотъ, почти подъ прямымъ угломъ, находятся еще довольно замѣтные слѣды обширнаго землянаго укрѣпленія, обращеннаго фасомъ въ поле по направленію къ г. Полоцку, въ настоящее время густо поросшаго сосновымъ лѣсомъ, должно предполагать, что здѣсь въ XV и XVI вѣкахъ были кровавыя стычки ливонцевъ и литвы, и что найденныя древности суть остатки этихъ воителей. Это не противорѣчитъ сказаніямъ исторіи и согласуется съ общей судьбой нашей многострадальной Бѣлоруссіи, а также подтверждается хотя и не частыми находками: остатковъ перержавѣвшаго оружія и старинныхъ мелкихъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1873 году крестьяне деревни Родьзки, Холомерской волости, Городокскаго уѣзда, обработывая землю подъ посѣвъ льна, подъ слоемъ дерна, нашли двѣ проволочныхъ серебряныхъ серги довольно простой работы. Серги хотя и похожи одна на другую, но не парныя. Металлъ ихъ очень мягокъ и повидимому представляетъ сплавъ серебра съ оловомъ. Настоящій рисунокъ представляетъ серги въ натуральную ихъ величину (рис. 45).

Рис. 45.

Въ 1872 году въ предѣлахъ Ловожской волости, Витебскаго уѣзда, при распашкѣ ляды близь деревни Заборцевъ, возлѣ озера Лосвидскаго (оно же Лука), подъ слоемъ дерна, на глубинѣ около трехъ вершковъ отъ поверхности земли, найдено крестьянами нѣсколько разной формы серебряныхъ витыхъ, обручей (гривенъ); каждый изъ нихъ вѣсилъ около полуфунта. Серебро этихъ вещей

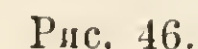
*) Народъ вѣритъ, что въ этихъ мѣстахъ жили когда-то богатыри, огромнаго роста и страшной силы люди, воевавшіе каменными молотами. Ясное указаніе на существованіе „каменнаго вѣка“ у здѣшнихъ аборигеновъ.

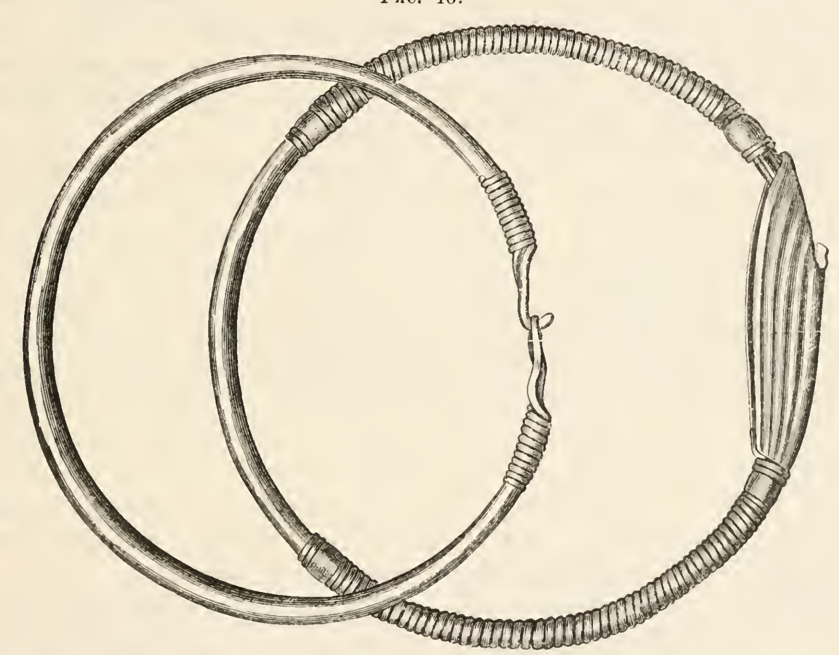
было смѣшано съ значительнымъ количествомъ олова и малой долей мѣди, которая, повидимому явилась здѣсь не какъ искусственная примѣсь, а какъ спутникъ дурно обработаннаго серебра. Большая часть этой находки сдѣлалась добычей жидовъ.

Вотъ рисунокъ двухъ изъ найденныхъ въ Ловожской волости гривенъ. Форма ихъ довольно красива, хотя работа не особенно отчетлива. (рис. 46).

уѣзда, въ полуверстѣ отъ станціи Риго-Динабургской желѣзной дороги, въ песчаномъ бугрѣ, найдено крестьянами 167 мелкихъ (величиной въ 15 копѣечникъ), круглыхъ серебряныхъ, въ родѣ пуговицъ украшеній и между ними 3 серебряныхъ монеты.

Кромѣ описанныхъ нами остатковъ древняго оружія, воинскихъ украшеній, уборовъ, монетъ и т. п. въ Витебской губерніи, хотя очень рѣдко, находились изваянія древнихъ язы-

Рис. 46.

Въ томъ же году въ Бѣшенковецкой волости, Лепельскаго уѣзда, при деревнѣ Хмельникѣ, въ 40 саженяхъ отъ р. Западной Двины, въ землѣ, при копаніи картофеля, найденъ крестьянами глиняный горшокъ, съ тремя большими, и горстью малыхъ серебряныхъ монетъ, а также серебряные кольцо и дутый шарикъ. Почти одновременно съ симъ кладомъ, въ Ливенгофской волости, Динабургскаго

ческихъ божествъ. Г. Киркоръ въ статьѣ своей о первобытныхъ памятникахъ Бѣлорусскаго полѣсья упоминаетъ о трехъ находкахъ этого рода, именно:

Въ 1684 году, въ развалинахъ какого то древняго зданія близь г. Витебска, найденъ былъ какъ, полагаютъ, идолъ Перуна значительныхъ размѣровъ, стоящій на подносѣ. Идолъ и подносъ были сдѣланы изъ чистаго

золота. К. С. Стецевичъ описавшій этотъ случай, говоритъ: „что отъ находки многіе поживились и что даже Папѣ въ Римъ послана была часть золота“.

Въ пятидесятыхъ годахъ, близь Полоцка, въ им. Экиманіи, на груди костяка былъ найденъ неизвѣстный идолъ изъ шлифованаго камня, изображающій человѣка восточнаго типа, въ длинномъ одѣяніи, полулежачаго, съ чашей въ лѣвой рукѣ, подносимой къ устамъ, правая рука подогнута; волосъ нѣтъ и слѣда, лицо обрюзглое. Длина статуэтки 104 милиметра. Статуэтка эта была въ свое время передана г. Киркоромъ въ Виленскій музей древностей.

Въ 1874 г. въ Невельскомъ уѣздѣ, при посадкѣ деревъ былъ найденъ идолъ о двухъ головахъ, вышиной 9 дюймовъ. Фотографическіе снимки этой находки находятся въ музеѣ Ягеллонскаго университета, а къ статьѣ г. Киркора приложено изображеніе его съ обоихъ сторонъ. Къ сожалѣнію г. Киркоръ не сообщаетъ изъ какого матеріала сдѣланъ этотъ истуканчикъ, если изъ камня, какъ можно думать, судя по изображенію, то какой породы. Судя также по изображенію, истуканъ этотъ долженъ быть не двуглавый, а двуличный. Гдѣ онъ находится въ настоящее время не извѣстно, но въ 1874 г. былъ у Городокскаго исправника—Бурмейстера *).

Какъ ни мало число вещей найденныхъ на такихъ мѣстахъ Витебской губерніи, гдѣ не существуетъ и не существовало, по крайней мѣрѣ въ памятные годы, никакихъ видимыхъ остатковъ старинныхъ насыпей, какъ вообще не рѣдки подобныя находки, но все же существованіе ихъ доказываетъ, что губернія эта не такъ бѣдна погребенными въ нѣдрахъ земли памятниками давно минувшихъ вѣковъ и обитавшихъ когда-то на пространствѣ ея народовъ, какъ это можно было думать до сего времени, по результатамъ мѣстныхъ изслѣдованій получившихъ гласность.

Впрочемъ къ числу этихъ находокъ слѣдуетъ также отнести: а) тотъ металлическій слитокъ, который, какъ мы замѣтили выше, найденъ въ Городокскомъ уѣздѣ, на полѣ, близь кургана Голубецъ и б) многочисленныя находки различныхъ древнихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, въ числѣ коихъ нерѣдко встрѣчаются: арабскія—куфическія, греческія, римскія, грузинскія, германскія, венгерскія, голландскія, русскія великокняжескія и польскія.

Монеты эти попадаются въ такихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, что вывести изъ этихъ находокъ какое либо заключеніе относительно преобладанія, въ той или иной мѣстности, одного или другого рода монетъ положительно не всегда можно: иногда онѣ попадаются одиночно, иногда же

*) Рукопись наша была уже окончена когда по счастливой случайности, намъ удалось, въ маѣ 1888 г. увидѣть въ собраніи М. Ф. Кусцинскаго—этотъ прославленный идолъ. Каково же было наше удивленіе, когда прославленный г-мъ Киркоромъ идолъ оказался не болѣе не менѣе, какъ гипсовой покрытой желтымъ лакомъ уродливой куклой, весьма недавняго происхожденія. — Очень жаль если ученое собраніе Ягеллонскаго университета, на основаніи фотографіи этой куклы, вздумаетъ дѣлать какіе либо выводы о языческихъ вѣрованіяхъ Бѣлоруссовъ. *А. С.*

въ весьма большихъ массахъ, такъ называемыми кладами. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, совершенно случайно, при паханіи земли, въ III части г. Витебска, найдено было около четверика мелкой серебряной польской сигизмундовской монеты, называемой народомъ „луской“.

Въ 1866 году, апрѣля 9-го дня, въ этомъ же городѣ и въ той же части его, на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, насупротивъ Спасской церкви, при спускѣ на воду вновь построенной лайбы, почти на самомъ гребнѣ довольно возвышеннаго и крутаго берега, подъ пластомъ осунувшейся отъ движенія лайбы, земли, на глубинѣ четырехъ или пяти вершковъ, найденъ глиняный, круглой формы, горшокъ, вышиной, какъ разсказывали очевидцы, вершковъ пяти, наполненный старыми серебряными монетами; но къ сожалѣнію, по жадности и невѣжеству нашедшихъ ихъ рабочихъ, онѣ почти всѣ попали въ руки жидовъ; и только девять изъ нихъ достались намъ. Монеты эти пяти величинъ, приблизительно соотвѣтствующихъ размѣрамъ нынѣшнихъ рубля, полтинника, четвертака, гривенника, стараго русскаго чекана, и пятикопѣечника, но только нѣсколько потолще и не совсѣмъ круглой формы. Почти всѣ онѣ польскія XVI и XVII столѣтія, но между ними попадаются и голландскія.

Изъ дѣлъ Витебскаго губернскаго статистическаго комитета, видно: что съ 1873 года по 1886 годъ включительно, были получены офиціальныя донесенія о слѣдующихъ находкахъ монетъ (кладахъ).

Въ 1873 году, въ Динабургскомъ уѣздѣ, Колупской волости, близь имѣнія Арендоль, крестьянами деревни Большія Стродишки найденъ оловяный горшечекъ, запаянный сверху съ 257 древними серебряными монетами.

Въ 1875 году, Лепельскаго уѣзда, Усайской волости, деревни Зарѣчья, крестьянами найдено 24 большихъ серебряныхъ и около 12 фунтовъ мелкихъ мѣдныхъ монетъ. Въ томъ же году крестьяне деревни Дубинокъ Михаловичской волости Полоцкаго уѣзда, нашли въ землѣ, на улицѣ—43 сереб. монеты; а крестьяне деревни Забумерье, Войханской волости, Городокскаго уѣзда, нашли въ полѣ, въ глиняномъ горшкѣ около 13 фунтовъ старинной мелкой мѣдной монеты.

Въ 1876 году, крестьяне деревни Котовщины, Каменской волости, Лепельскаго уѣзда, нашли, па полѣ, въ двухъ верстахъ отъ почтовой дороги, идущей въ г. Лепель изъ г. Витебска, 113 серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

Въ 1877 году крестьянскіе дѣти деревни Напортной, Козаковской волости, Велижскаго уѣзда, роясь въ пескѣ, нашли глиняный горшечекъ съ 5 большими и 753 малыми серебряными монетами.

Въ томъ же году крестьянскій мальчикъ села Запалы, Пылденской волости, Люцинскаго уѣзда, близь озера Соложъ, нашелъ 100 старинныхъ монетъ, именно: 90 оръ и солидовъ, 8 русскихъ копѣекъ и 2 иностранныя.

Въ томъ же году, той же волости и деревни, на болотистомъ мѣстѣ, въ кочкѣ, въ свертке еловой коры, было вырыто свиньями 120 мелкихъ серебряныхъ монетъ; а въ г. Витебскѣ, на Вокзалъ-горѣ, при рас-

чисткѣ мѣста подъ зданіе классической гимназіи найдено рабочими нѣсколько хорошо сохранившихся армянскихъ красной мѣди монетъ.

Въ 1878 году въ огородѣ крестьянина деревни Замошья, Бѣльской волости, Лепельскаго уѣзда найдено 150 старинныхъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1879 году крестьяне деревни Лукашенокъ, Усвятской волости Велижскаго уѣзда, при поднятіи земли для озимаго посѣва, вырыли 125 пражскихъ грошей.

Въ 1880 году, крестьянинъ деревни Поплавокъ, Пышнянской волости, Лепельскаго уѣзда—Кубарь, усмотрѣвъ на принадлежащемъ ему лугу, на верху кротовины, серебряную монету, разрылъ выброшенную кротомъ землю и въ ней нашелъ еще 2 монеты.

Въ 1881 году, того же уѣзда, Бѣльской волости, въ деревнѣ Замошьѣ, близъ гумна крестьянина Семенова, свиньи вырыли 90 старинныхъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1882 году, того же уѣзда, въ мѣстечкѣ Бочейковѣ, при проведеніи канавы найдено 68 штукъ серебряныхъ монетъ.

Въ 1883 году, въ мѣстечкѣ Кохановичахъ, Дриссенскаго уѣзда, при снятіи обвалившагося плетня на огородѣ церковнаго причта, найденъ рабочими кувшинъ, разсыпавшійся отъ прикосновенія, въ которомъ находилось старинныхъ серебряныхъ монетъ: 4 величиной въ пятачекъ, 1398 въ двугривенный и 357 штукъ въ полтинникъ.

Въ томъ же году въ Невельскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Бродахъ помѣщика Адамовича, при распашкѣ земли, найдено болѣе 200 мелкихъ серебряныхъ монетъ XIV вѣка, а въ Витебскомъ уѣздѣ, близъ заштатнаго города Суража, при обработкѣ поля, вырыто сохою 486 серебряныхъ монетъ, изъ коихъ двѣ величиной въ рубль, пять въ полтинникъ, а остальные въ двугривенный, овальной формы, временъ царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича.

Въ 1885 году, на крестьянскомъ огородѣ деревни Бородавки, Смолянецкой волости, Лепельскаго уѣзда, при вспашкѣ земли найдено 1680 старинныхъ малаго размѣра серебряныхъ монетъ и 60 большаго.

Въ томъ же году, крестьянскими дѣтьми, близъ деревни Типилоки, Замошанской волости, Полоцкаго уѣзда найдено 148 старинныхъ серебряныхъ монетъ; а въ огородѣ деревни Бикольницъ, Черствятской волости, Полоцкаго уѣзда, около 1000 такихъ же монетъ; наконецъ, въ прошломъ 1886 году, на крестьянскомъ огородѣ деревни Батукаловой, Каменецкой волости, Лепельскаго уѣзда, близъ дома, на глубинѣ шести вершковъ найденъ глиняный горшокъ съ 10 малыми и 10 большими серебряными монетами 1617 года.

Оканчивая эту главу мы должны упомянуть о весьма замѣчательной и совершенно случайной находкѣ старинныхъ монетъ и древнихъ серебряныхъ украшеній, вырытыхъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ предѣлахъ Могилевской губерніи, Оршанскаго уѣзда, въ имѣніи Суходревѣ, принадлежавшемъ въ то время д. с. с. Матюнину, верстахъ въ 20 отъ г. Витебска, на полѣ, недалеко отъ рѣчки Суходревки.

Находка эта заключалась изъ значительнаго количества древнихъ се-

ребрянныхъ восточныхъ монетъ, нѣсколькихъ, разныхъ формъ серебряныхъ шейныхъ обручей и перстней съ камнями и рѣзьбой. Къ крайнему сожалѣнію мы очень поздно узнали отъ помѣщика Г. П. Матюнина объ этой находкѣ и лишь при большомъ усиліи успѣли пріобрѣсть, уже изъ третьихъ рукъ, два шейныхъ обруча, рисунокъ коихъ въ половину натуральной величины здѣсь прилагается (рис. 47).

Рис. 47.

Глава IV.

ПАМЯТНИКИ КАМЕННАГО ВѢКА.

Древность земнаго шара и человѣка. — Слѣды повсемѣстнаго присутствія человѣка отъ начала міра до нашихъ временъ.—Человѣкъ каменнаго вѣка.—Разновременность состоянія въ каменномъ періодѣ для разныхъ племенъ.—Существованіе, даже въ наше время, племенъ каменнаго періода.—Меланезійцы. Важность для археологіи изученія каменныхъ орудій.—Находка каменныхъ орудій въ Витебской губерніи, — Взглядъ народа на эти орудія, названіе и подраздѣленіе ихъ по степени обработки. — Занесеніе первыхъ каменныхъ орудій въ Витебскую губернію изъ Остзейскаго края.—Удобство Бѣлоруссіи вообще, и нѣкоторыхъ мѣстностей лепельскаго, полоцкаго и себежскаго уѣздовъ въ особенности, для поселенія первобытнаго человѣка. — Перуновы стрѣлки; происхожденіе этого названія; народныя вѣрованія.—Подлинность орудій каменнаго вѣка, описанныхъ въ сей главѣ.—Подделка этихъ памятниковъ древности за границей и въ Россіи.—Каменныя орудія первой и второй эпохъ.— Матеріалъ употреблявшійся для этихъ орудій. — Рубила, долота или долбики. — Молоты и топоры. — Описаніе коллекціи каменныхъ орудій, принадлежащихъ автору, съ опредѣленіемъ употребленнаго на изготовленіе ихъ минерала.

Камень для первобытнаго человѣка представлялъ величіе и силу... Камень явился первымъ и сильнымъ пособіемъ въ его бурной стихійной жизни.

Киркоръ.

Первый человѣкъ, который ударилъ камнемъ о камень, для преданія послѣднему лучшей формы, — сдѣлалъ первый взмахъ рѣзца, создавшаго Минерву и всѣ статуи Пареенона.

Буше-де-Пертъ.

Прошло съ небольшимъ полъ вѣка съ тѣхъ поръ, какъ при помощи геологіи, палеонтологіи и археологіи доказано, что человѣкъ имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ опредѣляли исторія и преданіе. По вычисленію, произведенному нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ ученымъ доказано, что число жившихъ до того времени на землѣ людей простирается до 46.627,843,275,075,845 человѣкъ *). Сравнивая это число съ величиной земной поверхности, оказывается, что среднимъ числомъ на каждой квадратной милѣ, жило по 134.622,976 человѣкъ или по 5 человѣкъ на квадратномъ футѣ. Слѣдовательно каждая могила содержала въ себѣ 128 покойниковъ, а допуская равномѣрное распредѣленіе населенія, окажется, что для погребенія мертвыхъ землю должны были бы повсемѣстно перекопать 128 разъ. Но это, конечно, на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Земля населялась постепенно, начиная отъ первой колы-

*) „Нива“ 1885 г. № 2.

бели рода человѣческаго въ средней Азіи къ полюсамъ. Постепенность разселенія рода человѣческаго выражалась десятками и сотнями вѣковъ, но и при этомъ однѣ мѣстности заселялись гуще и раньше, другія рѣже и позже, что, конечно, зависило отъ многихъ причинъ, а главное отъ удобствъ, такія представляла мѣстность въ климатическомъ и почвенномъ отношеніи. Конечно, какъ первобытный, такъ и культурный человѣкъ должны были оставить на землѣ, или въ нѣдрахъ ея, слѣды своего существованія, признаки своего развитія, своего культа, въ той послѣдовательности, въ какой одинъ народъ или одно племя замѣняло другое. По этому верхнія наслоенія земли представляютъ намъ, какъ бы листы лѣтописи человѣчества, писанныя десятки и сотни вѣковъ не единичными бытописателями, а цѣлыми поколѣніями народовъ и притомъ всевозможными орудіями, начиная отъ осколка камня до рѣзца и меча. То, что не попало въ лѣтописи, что ускользнуло изъ памяти народа, что мгновенно исчезло подъ вліяніемъ всесокрушающихъ силъ природы: землетрясеній и потоповъ, все это осталось въ нѣдрахъ земли, на днѣ рѣкъ, озеръ и морей, въ тундрахъ болотъ, вѣчныхъ снѣгахъ и льдахъ сѣвера, все это составляетъ слово въ наукѣ развитія человѣчества. Въ иной мѣстности слова эти встрѣчаются чаще, въ другой рѣже; здѣсь онѣ говорятъ намъ о первобытномъ человѣкѣ, ведущемъ жизнь подобно окружающимъ его звѣрямъ; тамъ онѣ представляютъ намъ людей, научившихся пользоваться простѣйшими дарами природы, создавъ себѣ кой-какія орудія сперва изъ кости, дерева и камня, а потомъ изъ металла. На послѣднихъ же страницахъ земной лѣтописи, мы видимъ человѣка—властителя природы, подчинившаго себѣ ея силы и дерзающаго проникнуть за предѣлы земнаго шара, въ слои небесные. Итакъ, въ какую бы отдаленную эпоху не существовалъ первобытный человѣкъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ оставить слѣды своего бытія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, на той почвѣ, которую попиралъ ногами. Будучи обдѣленъ природой естественными орудіями для самозащиты и добыванія пищи, имѣя нѣжное голое тѣло, требующее и въ стужу и въ зной искусственнаго прикрытія, первобытный человѣкъ, прежде чѣмъ научился добывать изъ земли металлы и обращать ихъ въ орудія, прежде чѣмъ познакомился съ прядильными растеніями, долженъ былъ пользоваться мясомъ и костями дикихъ животныхъ, мясомъ птицъ и рыбъ, долженъ былъ искать убѣжища въ дуплахъ деревъ и естественныхъ пищерахъ, долженъ былъ жить не въ одиночку, а семьями, но и для такой простой, почти звѣрской жизни, требовались какіе либо орудія, хотя бы то сучекъ крѣпкаго дерева, кость животнаго или рыбы, раковина, рогъ оленя, зубъ мамонта, а прежде всего отломокъ крѣпкаго камня, которымъ можно было бы дробить кости животныхъ для добыванія изъ нихъ мозга, рѣзать мясо и т. п. Вотъ эти то послѣдняго рода каменныя орудія, какъ лучшіе и въ большомъ числѣ сохранившіеся, послужатъ намъ указаніями мѣ-

ста жительства первобытнаго человѣка, а потому собраніе и изученіе ихъ, тщательное изслѣдованіе мѣстностей, гдѣ онѣ попадаются весьма важно для историка и археолога. И хотя несомнѣнно что развитіе человѣчества было одинаково во всѣхъ частяхъ свѣта, что повсюду человѣкъ прошелъ одни и тѣже фазисы до достиженія теперешняго своего состоянія, повсюду былъ для него каменный вѣкъ *), бронзовая или желѣзная эпоха; но несомнѣнно и то, что климатическія и почвенныя условія мѣстопребыванія первобытнаго человѣка, сосѣдство его съ тѣми или другими породами млекопитающихся животныхъ, нахожденіе въ почвѣ того или другаго металла, должны были вліять на ходъ и направленіе развитія первобытнаго человѣка и его потомства, а потому повторяемъ: тщательное изученіе каменныхъ орудій и изслѣдованія мѣстъ ихъ нахожденія должно обращать на себя все вниманіе археолога. Вотъ почему мы, ознакомясь болѣе съ этимъ предметомъ, посвѣщаемъ находкамъ орудій каменнаго вѣка особую главу, тогда какъ въ первомъ нашемъ изданіи памятниковъ старины мы упомянули о нихъ въ III главѣ, гдѣ говорили вообще о разныхъ находкахъ внѣ кургановъ и другихъ земляныхъ насыпей, а частію и въ 1-й при описаніи кургановъ.

Находки орудій каменнаго вѣка встрѣчаются въ Витебской губерніи не повсемѣстно а преимущественно въ мѣстностяхъ при-Двинскихъ, и въ особенности въ Полоцкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ, всегда въ одиночку и никогда массами, хотя бы то въ нѣсколько штукъ. Народъ давно знакомъ съ этими памятниками старины, хотя считаетъ ихъ не за издѣлія рукъ человѣческихъ, а за естественные произведенія молніи упадающій на землю, почему и называютъ ихъ „перуновыми стрѣлами“ *) приписывая имъ способность исцѣлять зубную боль и, предохранять домъ владѣльца стрѣлы отъ удара молніи. Впрочемъ такое происхожденіе орудій каменнаго вѣка нашъ простолюдинъ приписываетъ собственно грубо обдѣ-

*) Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служитъ то, что по свидѣтельству нашего соотечественника Миклухо-Маклая, еще до сихъ поръ на многихъ меланезійскихъ островахъ находятся племена, живущіе въ каменномъ періодѣ и неимѣющія другаго оружія и утвари, кромѣ сдѣланныхъ изъ кремня или осколковъ костей. Проживъ, десять лѣтъ тому назадъ, между туземцами цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ, Миклухо-Маклай убѣдился, что до пріѣзда его маланезійцы не видѣли никакого металла и не имѣли никакихъ сношеній ни съ европейцами, ни съ малайцами. Не смотря, однакожь, на свои первобытные снаряды, они приготовляютъ деревянную и глиняную посуду и воздѣлываютъ землю, которая, благодаря благопріятнымъ условіямъ климата и почвы, въ изобиліи даетъ имъ растительную пищу. Замѣчательно также что до прибытія Миклухо-Маклая жители бухты не умѣли самостоятельно добывать огонь и въ тѣхъ случаяхъ, когда очагъ по недосмотру потухалъ, они принуждены были отправляться за огнемъ къ живущему на холмахъ племени, которое добывало таковой, путемъ тренія одного куска дерева о другой.

*) Собственно такъ называемыхъ „громовыхъ стрѣлъ“ (фульгурита), сколько мнѣ не извѣстно, въ Витебской губерніи давно уже находили, да они совершенно и непохожи на орудія каменнаго вѣка; а почему народъ тѣ и другіе окрестилъ именемъ громовыхъ или перуновыхъ стрѣлъ, задача неразрѣшимая.

ланнымъ долотомъ, долбилкамъ или рубиламъ, наконечникамъ стрѣлъ и тѣмъ длиннымъ круглымъ камнямъ, кои, по всей вѣроятности, употреблялись для сверленія и кои народъ называетъ палицами.

Что касается орудій, имѣющихъ отверстіе, или форму похожую на топоръ или сѣкиру — то народъ окрестилъ ихъ общимъ названіемъ „топоровъ". Съ болѣе подробнымъ и спеціальнымъ дѣленіемъ орудій каменнаго вѣка, по предполагаемому археологами ихъ назначенію на ножи, пилы, кинжалы, рѣзцы, серпы и т. п. народъ вовсе не знакомъ и даже не предполагаетъ возможности такого назначенія находимыхъ имъ остатковъ каменныхъ орудій.

Попадающіеся въ предѣлахъ Витебской губерніи каменныя орудія, судя по степени ихъ обдѣлки и формѣ, очевидно относятся къ двумъ эпохамъ каменнаго вѣка. Тѣ, которыя народъ называетъ собственно — перуновыми стрѣлками, какъ крайне грубыя, почти не сохранившіе слѣдовъ какой бы то ни было обдѣлки, кромѣ лишь притерки концовъ о другіе болѣе твердые камни,—безъ сомнѣнія есть первыя произведенія первобытнаго человѣка, въ самую раннюю эпоху его бытія; тѣ же, какъ напримѣръ молоты съ просверленными отверстіями, нерѣдко хорошо полированные, очевидно составляютъ памятники нѣсколько позднѣйшаго времени, когда человѣкъ осилилъ уже камень, научился различать его свойства и настолько усовершенствовалъ свои первыя орудія, что при помощи ихъ нашелъ возможность придавать своимъ новымъ издѣліямъ не только болѣе практическую форму, но даже нѣкоторую красоту и изящность. Безъ сомнѣнія не мало прошло времени между двумя періодами: употребленія естественныхъ осколковъ камня и уже обдѣланнаго каменнаго орудія. Первобытному человѣку нужно было научиться, не только треніемъ одного камня о другой, сглаживать естественныя неровности, сверлить, но и подобрать форму, найти правильныя линіи для приданія орудію надлежащаго, цѣлесообразнаго, нерѣдко изящнаго вида. Полированіе каменныхъ орудій явилось само собою, но о немъ мало заботились, по крайней мѣрѣ въ началѣ.

Въ предѣлахъ Витебской губерніи мы встрѣчаемъ орудія обоихъ періодовъ и при томъ орудія послѣдняго періода — съ замѣчательной отдѣлкой. Судя впрочемъ по тому, что между орудіями съ лучшей отдѣлкой попадаются сработанные и изъ такихъ каменныхъ породъ, какихъ въ мѣстахъ находки первыхъ, т. е. орудій—нѣтъ даже въ видѣ валуновъ, что они большею частію попадаются въ недалекомъ разстояніи отъ Западной Двины *), Полоты и другихъ сплавныхъ рѣкъ, можно предполагать, что орудія эти занесены въ нашу губер-

*) Нахожденіе орудій каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ недальнемъ разстояніи отъ Западной Двины, равно относится какъ къ Витебской губерніи, такъ и къ Курляндіи. Здѣсь въ 1848 г. въ имѣніяхъ графа Плятера — Грепцгоффѣ и Энгельсбургѣ, найдено: около 30 каменныхъ орудій и въ числѣ ихъ „палицы", служившіе для отдѣлки круглыхъ отверстій въ топорахъ и молотахъ. Всѣ эти орудія, по свидѣтельству графа Плятера, были сдѣланы изъ змѣевика, коего въ инфляндтахъ нигдѣ нѣтъ. „Живописная Россія", томъ III, стр. 241.

нію изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ первобытный человѣкъ сдѣлалъ первый шагъ, на пути своего развитія, и вооружаясь болѣе надежнымъ и болѣе практическимъ молотомъ и топоромъ, при помощи рѣкъ, расширилъ раіонъ своего мѣстопребыванія и гоняясь за звѣриной добычей, проникнулъ въ тѣ мрачныя дебри, кои даже въ эпоху историческаго переселенія народовъ, покрывали площадь нынѣшней Бѣлоруссіи, и служа убѣжищемъ множеству огромныхъ травоядныхъ: лосей, зубровъ, козъ, а ранѣе того даже мамонтовъ *), кабановъ и другихъ, гдѣ безконечная цѣпь озеръ хранила неисчерпаемыя запасы рыбъ, а дупла вѣковыхъ дубовъ и липъ были переполнены запасомъ меда дикихъ пчелъ, гдѣ, къ тому же зима была сравнительно теплая; словомъ гдѣ для первобытнаго человѣка, съ его животными инстинктами, съ его обтерпѣвшейся кожей было широкое раздолье. Даже въ настоящее время, когда въ теченіи тысячилѣтій, подъ усерднымъ дѣйствіемъ всеистребляющихъ орудій культурнаго человѣка, подъ вліяніемъ всевозможныхъ атмосферическихъ факторовъ, Бѣлорусскій край измѣнилъ видъ и свойства; когда невѣжество и спекуляціи окончательно истребили вѣковые лѣса, вслѣдствіе чего обмелѣли и обезрыбили рѣки и озера, когда человѣкъ истребилъ цѣлые породы лучшихъ животныхъ, закрѣпостилъ пчелъ, когда соха избороздила почву и просвѣщеніе покрыло край грунтовыми, каменными и желѣзными дорогами, и теперь повторяемъ, въ Витебской губерніи, напримѣръ въ Лепельскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ есть такія очаровательныя мѣстности, пространствомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, перерѣзанныя хребтами горъ, покрытыя еще густыми лѣсами, со множествомъ чистыхъ, свѣтлыхъ озеръ и ручьевъ, гдѣ такъ и кажется, что здѣсь, именно здѣсь, долженъ былъ найти покойный и удобный пріютъ первобытный человѣкъ, и дѣйствительно въ этихъ то мѣстахъ, въ особенности въ двухъ первыхъ уѣздахъ, и близь озеръ послѣдняго находятъ наичаще орудія каменнаго вѣка...

Выше мы замѣтили, что орудія первой эпохи каменнаго вѣка, т. е. простѣйшія по формѣ и обдѣлкѣ, народъ окрестилъ названіемъ Перуновыхъ стрѣлокъ. Уже одно это названіе указываетъ на глубокую ихъ древность.

Перунъ у язычниковъ русскихъ и поляковъ считается главнѣйшимъ божествомъ, подобно Свантовиту, у другихъ славянскихъ племенъ. Имя Перуна, обращеннаго классиками въ Юпитера извѣстно было и у древнихъ Адріатическихъ славянъ, что видно изъ того, что на аквилейскихъ подписяхъ начертаны слова: „Jovi Sancti Beroni tomanti", а на другой: „bono Deo Beroni". По словамъ Гвагнина, Перуна изображали съ огненнымъ камнемъ въ рукѣ, а тождественнаго ему—Проне съ краснымъ (т. е. раскаленнымъ) желѣзомъ въ рукахъ *).

*) Остатки мамонтовъ, не разъ находили въ предѣлахъ Витебской губерніи. Въ Витебскомъ статистическомъ комитетѣ, хранятся нѣкоторые части остова мамонта, отрытые въ Витебскомъ уѣздѣ, лѣтъ 15 назадъ. *А. С.*

*) Костомаровъ. Славянская Миѳологія. Кіевъ 1847 года.

Перунъ почитался богомъ грома и молніи, т. е. такихъ небесныхъ (воздушныхъ) явленій, кои своей неожиданностью, величіемъ и красотой, наиболѣе поражали младенческій умъ первобытнаго человѣка, неумѣвшаго себѣ представить ударъ молніи, безъ чего либо вещественнаго, осязаемаго, зримаго, напримѣръ безъ стрѣлы; а камень своей твердостію и неподатливостію безоруженной силѣ человѣка естественно внушалъ къ себѣ нѣкотораго рода уваженіе, то и понятно почему предки наши приписали происхожденіе, понынѣ находимыхъ орудій каменнаго вѣка молніи и назвали ихъ перуновыми стрѣлками.

Съ распространеніемъ христіанства древній человѣкъ не могъ вдругъ отрѣшится отъ своихъ языческихъ вѣрованій и міровозрѣній и перенесъ ихъ на почву новаго вѣроученія, замѣнилъ Перуна—Иліей-Громоносцемъ громовержцемъ, приписавъему, съ дѣтскимъ простодушіемъ и унаслѣдованною отъ предковъ крѣпкою вѣрою, производство грома и молніи. Опору такого вѣрованія, несмотря на его языческую подкладку, простолюдинъ видитъ и въ словахъ церковной пѣсни: „тѣмъ же молимъ Тя того молитвами щедре посли дожди водные земли съ небесе“ *).

До нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи существуетъ вѣрованіе, что громъ—это гулъ и трескъ огненной колесницы въ которой св. Илія разъѣзжаетъ по небу, низвергаетъ на землю стрѣлы и молнію для пораженія ими дьявола, старающагося укрыться подъ разными видами. Громовая стрѣла поразившая дьявола, глубоко уходитъ въ землю и остается тамъ три года, послѣ чего ее находятъ: это и есть каменныя орудія первобытнаго человѣка.

Мы сейчасъ познакомимъ читателя съ разновременно собранными какъ нами, такъ г. Кусцинскимъ и другими лицами, въ предѣлахъ Витебской губерніи остатками каменнаго вѣка, приложивъ для наглядности точныя изображенія по фотографіямъ; но прежде мы замѣтимъ, что въ подлинности, т. е. въ дѣйствительной древности описываемыхъ нами орудій каменнаго вѣка нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; всѣ они найдены или въ присутствіи владѣльцевъ ихъ, или добыты не путемъ покупки отъ лицъ, понимающихъ цѣнность подобныхъ находокъ, а отъ нашедшихъ ихъ крестьянъ въ семьяхъ которыхъ иныя орудія оставались много десятковъ лѣтъ, переходя отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку, сначала какъ талисманъ, врачующій недуги и предохраняющій домъ отъ удара молніи, а потомъ прямо какъ память объ отцѣ или дѣдѣ.

На сколько крестьяне наши мало цѣнятъ, а тѣмъ болѣе понимаютъ значеніе орудій каменнаго вѣка, между прочимъ доказывается легкостію пріобрѣтенія у нихъ таковыхъ и тѣмъ, что крестьяне часто привязываютъ ихъ къ рыболовнымъ сѣтямъ для удобнѣйшаго погруженія послѣднихъ въ воду. *) Одинъ живущій въ моемъ сосѣдствѣ крестьянинъ Илья Мудрый найдя, лѣтъ тридцать

*) Канонъ послѣдованія во время бездождія. Пѣснь 8.

*) Объ этомъ обстоятельствѣ свидѣтельствуемъ графъ А. Плятеръ.

тому назадъ. на своемъ полѣ, въ Полоцкомъ уѣздѣ большой, фунтовъ въ пять вѣсомъ, каменный топоръ, имѣвшій круглое отверстіе для насадки на палку, — нѣсколько лѣтъ употреблялъ его вмѣсто чугунной гири при чисткѣ трубъ, пока наконецъ, кс. Жаро не обратилъ на это вниманія и не пріобрѣлъ отъ Мудраго его интересную находку за сотую спирта.

Не то бываетъ за границей, въ особенности во Франціи. Тамъ по словамъ Луи Фигье „существуетъ извѣстный классъ работниковъ, которые находятъ удовольствіе (да одно ли удовольствіе? Вѣрно выгоду). въ обманѣ археологовъ и производятъ ложныя каменныя орудія, коими они очень выгодно торгуютъ (это такъ). Они утверждаютъ, безъ малѣйшей совѣсти, громадную древность своихъ произведеній и продаютъ ихъ или новичкамъ-любителямъ, или, что гораздо хуже, работникамъ, производящимъ раскопки въ мѣстностяхъ, содержащихъ въ себѣ кости, и которые спрятавъ эти поддѣльные предметы, въ подлежащій слой земли, впослѣдствіи ихъ выкапываютъ, какъ подлинную древность и получаютъ премію отъ довѣрчивыхъ естествоиспытателей“.

Пока что, къ счастью русская археологія еще не натолкнулась на эту постыдную, и для науки крайне вредную спекуляцію — на человѣческую любознательность. Но нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда поддѣлыватели орудій каменнаго вѣка разведутся и у насъ: пусть только любители старины вздумаютъ платить за нихъ хорошую цѣну, пусть только научное значеніе орудій каменнаго вѣка, а слѣдовательно и ихъ относительная цѣнность, поймется нашимъ простолюдиномъ, и въ особенности падкими на всевозможныя поддѣлки жидками. О! тогда поддѣлкамъ не будетъ конца. Нельзя однако же не замѣтить что если поддѣлка орудій каменнаго вѣка и вообще древностей, въ особенности монетъ, не сдѣлалась еще предметомъ промысла низшихъ слоевъ населенія нашего отечества; то интелигентный классъ началъ уже прибѣгать, въ видахъ достиженія той или другой цѣли, къ этой постыдной фабрикаціи. Не напоминая читателямъ подробностей обнаруженной, лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ Кіевѣ, поддѣлки однимъ ученымъ лицомъ монетъ съ „клиническими надписями; ни о существовавшемъ тамъ же кабинетѣ древностей завѣдомо на половину поддѣльныхъ или ложно названныхъ,—я могу сказать что въ моей колекціи каменныхъ орудій, кои всѣ будутъ выставлены на имѣющей быть въ концѣ сего года, въ Москвѣ—археологической выставкѣ, хранится одинъ изъящно отдѣланный каменный топоръ, доставленный мнѣ изъ Рѣжицкаго уѣзда. Происхожденіе этого орудія мнѣ хорошо извѣстно, оно есть продуктъ усердія не по разуму одного маленькаго административнаго чиновника, нынѣ покойнаго, къ исполненію предписанія начальства.

Прекрасная шлифовка, совершенно правильные остріе края и отверстіе, при отсутствіи дендритовъ, составляющихъ неизмѣнный признакъ древнихъ каменныхъ орудій, при первомъ взглядѣ на описанный топоръ—обнаруживаютъ его поддѣлку.

По этому нельзя не придать важнаго для науки значенія всякой попыткѣ къ добросовѣстному описанію и сохраненію, путемъ печати, вѣрныхъ свѣдѣній: о мѣстахъ находки и точныхъ изображеній несомнѣнно древнихъ орудій каменнаго вѣка (рис. 54).

Рис. 54.

Между орудіями каменнаго вѣка, какія только случалось намъ видѣть у мѣстныхъ собирателей и любителей старины и между находящимися въ нашей коллекціей, мы замѣчаемъ три сорта: однѣ безъ малѣйшихъ признаковъ шлифовки, самой примитивной формы, безъ сомнѣнія принадлежащія глубокой древности: другія съ большей или меньшей отшлифовкой (притеркой), но еще безъ отверстій, съ ребрами не ровными и часто безъ всякой обработки тупаго конца; наконецъ третій сортъ орудій, носящихъ на себѣ несомнѣнно слѣды не только тщательной обработки, но и употребленіе для того другихъ болѣе усовершенствованныхъ снарядовъ: углы этихъ орудій обработаны довольно отчетливо. отверстія почти круглы, поверхность гладкая, форма разнообразная и нерѣдко красивая. Что касается ма-

теріала изъ коего сдѣланы эти орудія, то онъ не весьма разнообразенъ; большею частію попадаются орудія сдѣланныя изъ порфирита, офанита, кристалическаго сланца и другихъ породъ, очень будетъ подробно сказано при опредѣленіи минерала нѣкоторыхъ орудій изъ колекцій автора.

По роду употребленія или назначенія витебскія орудія каменнаго вѣка можно раздѣлить на три рода. 1)—это рубила т. е. клинообразные камни, длиною отъ 2 до 8 дюймовъ, къ которымъ, вѣроятно, прикрѣплялись посредствомъ мочалы или ремня, деревянныя ручки; форма ихъ почти одинакова: орудіе это довольплоеко и съ острой стороны шире.

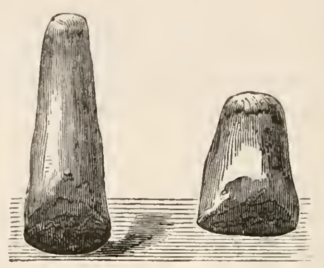
Вотъ изображеніе рубила изъ коллекціи г. Кусцинскаго (рис. 48).

Рис. 48.

2)—Долота или долбилки. Это самыя примитивныя орудія—небольшие продолговатые камни, одинъ конецъ коихъ нѣсколько поширe и заостренъ, а другой, предназначавшійся для удара сверху какой либо деревянной колотушкой, поуже, потолще и тупой. Такого рода орудія попадаются на поляхъ, по берегамъ озеръ и рѣчекъ. Въ 1885 два долота, изображеніе коихъ здѣсь прилагается, были найдены въ землѣ, на глубинѣ полутора аршина отъ поверхности, вмѣстѣ съ человѣческими костями, при проведеніи полеваго канала въ имѣніи Завидичахъ Лепельскаго уѣзда, въ 6 верстахъ отъ города (рис. 49).

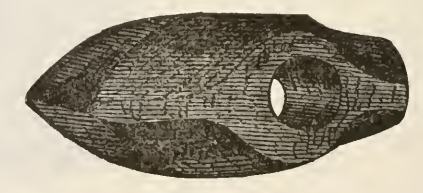
Рис. 49.

Третій родъ находимыхъ въ Витебской губерніи каменныхъ орудій это молоты или топоры. Орудія эти представляютъ уже нѣсколько высшую обдѣлку и безъ сомнѣнія есть продуктъ нѣкотораго прогресса въ человѣкѣ каменнаго вѣка. По мимо замѣчаемой на молотахъ шлифовки, иногда довольно тщательной, они имѣютъ уже сверленыя отверстія для вставленія ручки и приспособлены столько же къ рубкѣ, сколько и къ дробленію силой удара.

На прилагаемыхъ рисункахъ изображены два молота, хотя разной формы, но одинаково тщательно обдѣланные (рис. 50 и 51).

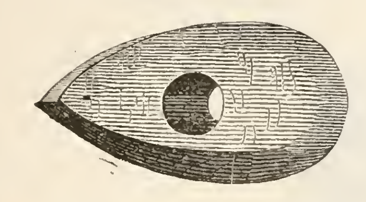
Рис. 50 *a*.

Молотъ *a* нетолько отдѣланъ весьма тщательно, и ему предана красивая форма, вообще всѣ линіи его правильны; а судя потому что та поверхность молота, въ которой просверлено отверстіе, гладко сполирована, можно догадываться, что самая ручка этого молота была не ка-

кой-либо сучекъ, а такъ обдѣланная палка, что молотъ надѣтый на тонкій конецъ ея, могъ упереться притертыми краями отверстія на утолщеніе рукояти.

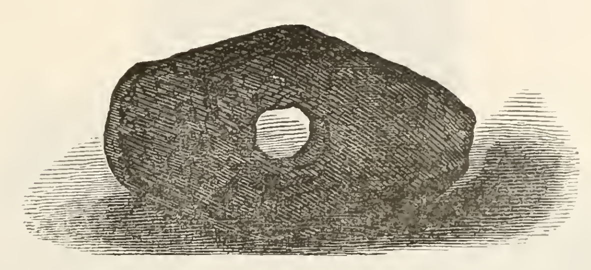
Рис. 51 *б*.

Молотъ *б* формы болѣе простой, клинообразной, съ тонкимъ—острымъ и тупымъ круглымъ—концами, также тщательно отдѣланными. Обѣ боковыя широкія поверхности его гладко притерты, а ребра ихъ, т. е. верхняя и нижняя части, закруглены.

Не всѣ впрочемъ, находимые въ Витебской губерніи, каменные молоты представляютъ такую законченность формъ и тщательность обдѣлки. Въ 1864 году б. мировымъ посредникомъ г. Гернгросомъ доставленъ въ витебскій статистическій комитетъ, а имъ переданъ въ Императорскую археологическую коммисію, каменный молотъ, найденный въ Полоцкомъ уѣздѣ близь Рогнѣдина кургана, о которомъ мы говорили подробно въ 1-й главѣ этого сочиненія. Молотъ этотъ, по своей формѣ, скорѣе орудіе защиты, чѣмъ инструментъ для работы; онъ нѣсколько похожъ на древніе алебарды или келены, но конечно еще болѣе на грубой первообразной формы—кузнечный молотъ; длина его 4,5, а ширина остраго конца 1,5 тупаго 2, окружность въ средней части 8,5 фр. дюймовъ. Вѣсъ 1 фунтъ 5 золот. Круглое отверстіе для насадки молота на дерево просверлено весьма аккуратно и нижняя часть его окружена довольно тщательно высѣченнымъ ободкомъ. Мы прилагаемъ уменьшенное изображеніе этого орудія (рис. 52).

Рис. 52.

Подобный молотъ былъ найденъ крестьянами, въ 1873 году въ Вышковскомъ озерѣ, Динабургскаго уѣзда; цвѣтъ онъ имѣлъ черный и носилъ слѣды шлифовки.

Народъ думаетъ, что подобными молотами было вооружено древнее „воинство". Это вѣрованіе подтверждается преданіемъ, что на Рогнѣдиной горѣ, въ одномъ сраженіи былъ убитъ каменнымъ молотомъ полоцкій князь Рогвольдъ.

Рис. 53.

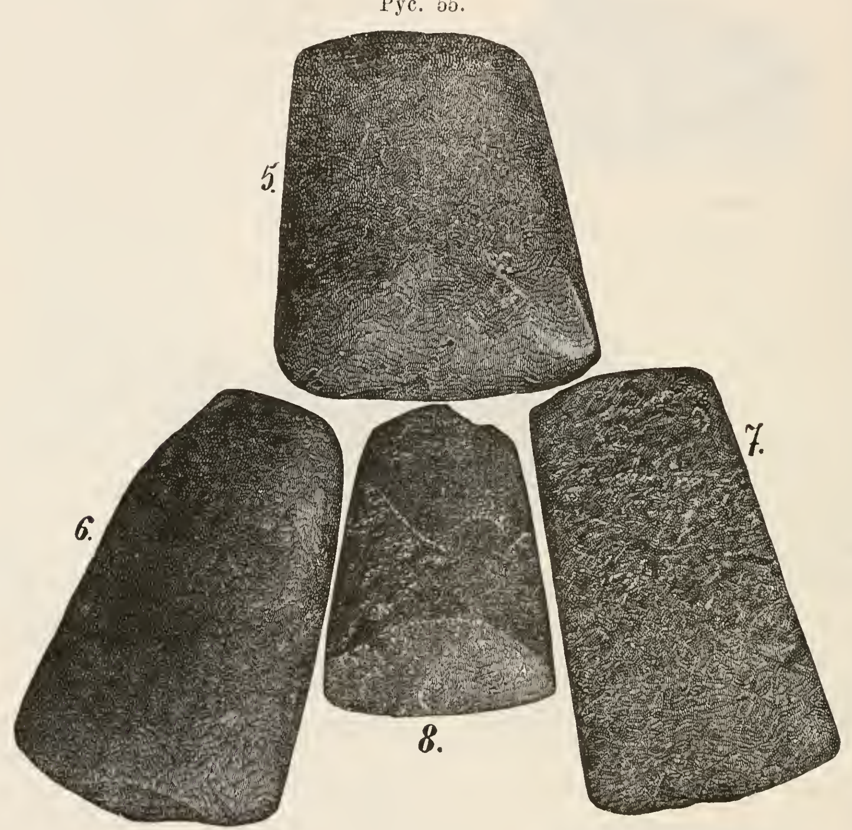
Часто попадаются молоты или топоры изломанные на отверстіи. Въ такихъ орудіяхъ встрѣчается иногда другое отверстіе, просверленное ниже перваго, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 53).

Въ нашемъ собраніи древностей

хранятся: два рубила, девять долотъ и обломокъ палицы для сверленія дыръ, и кромѣ того, поддѣльный молотъ изъ Рѣжицкаго уѣзда. Мы прилагаемъ здѣсь снятыя по фотографіямъ изображенія ихъ (рис. 55).

b) Второе рубило или топоръ съ отверстіями для рукоятки, длиною $5^2/_8$ англ. дюйм.; сдѣлано изъ порфирита, порода коего, какъ оказалось по микроскопическому изслѣдованію въ Горномъ Институтѣ, со-

Рис. 55.

a) рубило или топоръ безъ отверстія для вставки ручки, съ слабымъ признакомъ шлифовки и то лишь на одномъ ребрѣ; поверхность камня раковистая съ замѣтными черными кристаллами роговой обманки, наружный цвѣтъ его — точнѣе коры чернозеленый. Длина рубила $4^2/_8$ англ. дюйма, въ широкомъ концѣ его, сильно притупленномъ безъ сомнѣнія отъ продолжительнаго употребленія и отчасти надломанномъ $2^1/_8$, а въ узкомъ $1^2/_8$ англ. дюйма (рис. 54, 1).

стоитъ изъ плагіоклаза, роговой обманки, магнитнаго желѣзняка, изрѣдка сѣрнаго колчедана и хлорита. Мелкозернистая основная масса имѣетъ, такъ называемое, офитовое или діабазовое строеніе. Роговая обманка представляетъ вторичный продуктъ, происшедшій вѣроятно изъ авгита, такъ что первоначальная порода діабазовый порфиритъ. Орудіе это а также долото (рис. 56, 3) доставлены намъ священникомъ Ѳомой Антоновичемъ, по словамъ коего онѣ, около ста

лѣтъ, хранились въ домѣ одного изъ почившихъ его сослуживцевъ.

c) Долото, длиною въ 3 англ. дюйма, изъ совершенно измѣненнаго офанита. Изъ первоначальныхъ элементовъ породы сохранились только, мѣстами, частицы полеваго шпата, превращеннаго большею частію въ известковы эпидотъ. Кромѣ послѣдняго порода содержитъ еще (въ видѣ вторичныхъ продуктовъ): въ большомъ количествѣ хлоритъ и кварцъ и пересѣкается прожилками изъ кварца и эпидота (рис. 56. 2).

d) Долото длиною 2⁶/₈ англ. дюйма, изъ тонкозернистой породы, первоначальный характеръ которой нельзя опредѣлить. Она измѣнена химически и механически (динамометаморфизована). Порода нѣсколько сланцевата и состоитъ изъ роговой обманки, хлорита, кварца, плагіоклаза, магнетита. По всей вѣроятности она принадлежитъ къ такъ называемымъ кристаллическимъ сланцамъ (рис. 56. 3).

e) Долото, длиной 2⁴/₈ англ. дюйма, изъ сплошной на видъ породы, состоящей изъ весьма мелкозернистаго кварца, роговой обманки и хлорита. Порода камня изъ коего сдѣлано это долото относится къ такъ называемымъ кристаллическимъ сланцамъ, хотя отчетливой сланцевитости въ немъ и не обнаруживается. (рис. 56. 4).

Столь тщательнымъ опредѣленіемъ породы камней изъ коихъ сдѣланы принадлежащіе намъ орудія каменнаго вѣка, мы обязаны просвященному вниманію г-на Директора Геологическаго Комитета А. Карпинскаго.

Чтобы достигнуть при опредѣленіи породы камней, той точности и подробности какую читатель находитъ въ нашемъ описаніи, пришлось отдѣлять части орудій, что видно изъ рисунка, подвергать ихъ шлифовкѣ и затѣмъ уже изслѣдовать микроскопически. — Такіе пріемы оказались необходимыми потому, что орудія пролежавъ нѣсколько вѣковъ, а вѣрнѣе нѣсколько тысячелѣтій въ нѣдрахъ земли, или на днѣ рѣкъ и озеръ, до того измѣнили свою поверхность и покрылись какъ-бы корой, что при осмотрѣ ихъ невооруженнымъ глазомъ нельзя съ достовѣрностію опредѣлить ни истиннаго цвѣта, ни строенія, ни, тѣмъ менѣе, составныхъ частей камня.

Какъ эти, такъ и ниже описываемые орудія, при отсутствіи въ Витебской губерніи залежей горно-каменныхъ породъ, кромѣ лишь плотнаго известняка, могли быть сдѣланы изъ тѣхъ валуновъ, кои въ эпоху всемірныхъ переворотовъ занесены сюда водами далекаго сѣвера и кои понынѣ массами наполняютъ ложе рѣкъ, пестрятъ луга, поля и лѣса.

f) Долото изъ сѣраго съ бѣлыми крапинками камня, густо покрытое дендритами, съ легка притертымъ острымъ концомъ. Длина его 2³/₈, ширина въ узкомъ тупомъ концѣ 1, а въ остромъ 1⁶/₈ англ. дюйма (рис. 54. 3).

g) Такое же орудіе изъ черно-зеленаго плотнаго камня, съ замѣтными слѣдами притерки со всѣхъ сторонъ, острый конецъ нѣсколько поврежденъ и очевидно подправленъ. Длина 2⁶/₈, въ тупомъ концѣ ⁷/₈, а въ остромъ 1⁷/₈ англ. дюйм. (рис. 54. 4).

h) Того же вида орудіе изъ такого же камня, какъ описанное подъ лит. d. Острый конецъ его сохранилъ слѣды употребленія орудія въ

работахъ. Размѣръ его: длина—$2^{2}/_{8}$, тупой конецъ $1^{4}/_{8}$, острый $2^{1}/_{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 5).

i) Такое же орудіе, какъ описанныя подъ лит. d и e. Длина его $2^{6}/_{7}$, ширина тупаго конца 1, остраго $1^{7}/_{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 6).

k) Такого же рода орудіе какъ три предъидущихъ, но съ болѣе тщательной отдѣлкой, всѣ стороны его болѣе или менѣе притерты; сортъ камня такой же какъ и на рубилѣ лит. a, длина $2^{7}/_{8}$, ширина тупаго конца $1^{2}/_{8}$, а остраго $1^{6}/_{8}$ англ. дюйм. (рис. 55. 7).

l) Небольшое долото съ хорошо отполированнымъ острымъ концомъ. Камень такой же какъ и на орудіи лит. c. Тупой конецъ и широкія стороны оббиты. Длина орудія 2, ширина тупаго конца 1, остраго $1^{4}/_{8}$ англ. дюймовъ (рис. 55. 8).

Рис. 56.

m) Обломокъ круглаго орудія изъ плотнаго темножелтосѣраго повидимому однороднаго камня, носящій слѣдъ употребленія его для сглаживанія круглыхъ отверстій въ другихъ каменныхъ орудіяхъ: топорахъ и молотахъ (рис. 54. 2). Находки подобныхъ орудій, называемыхъ въ народѣ „палицами". очень рѣдки (рис. 56).

Сочиненіе наше было уже окончено, когда 7-го іюня 1879 года мы случайно пріобрѣли еще одно каменное орудіе, именно долото, найденное въ прошломъ 1888 году на руднянскомъ полѣ, близь рѣки Ушача, въ предѣлахъ Полоцкаго уѣзда. Орудіе это, сработанное изъ порфирита, сохранилось весьма хорошо: оно очень похоже на долото, изображенное на рис. 55. 4, только нѣсколько крупнѣе его.

Глава V.

КАМНИ СЪ ДРЕВНИМИ НАДПИСЯМИ.

Нахожденіе въ р. Западной Двинѣ камней съ крестами и надписями. — Сказаніе объ одномъ изъ камней Стрыйковскаго.—Мнѣнія гг. Тышкевича и Шитта о двинскихъ камняхъ.— Могилевскій камень Рогвольда. — Описаніе двинскихъ камней. — Витебскій Іосафатовъ камень. — Странное мнѣніе о немъ г. Киркора. — Лепельскіе камни: Витольдовы тарелки и вилки.—Мнѣнія Киркора и наше объ этихъ камняхъ. — Усвятскій камень съ польскими литерами.—Первая задача учреждаемаго въ г. Полоцкѣ, общества любителей отечественной археологіи.

...И взя Самуилъ камень единъ, и постави его между Массифаѳомъ и между ветхимъ: и нарече имя ему Авенезеръ, сирѣчь камень помощи: и рече: да здѣ поможе намъ Господь.

1 Царс. 7, 12.

Въ руслѣ р. Западной Двины, въ разныхъ мѣстахъ, на пространствѣ между Полоцкомъ и Дриссой, еще и понынѣ, при спадѣ воды, виднѣются громадные гранитные валуны, съ высѣченными на нихъ, разной формы, крестами и славянскими надписями. въ которыхъ упоминается о рабѣ Божіемъ Борисѣ. Древность этихъ надписей несомнѣнна. О существованіи въ Двинѣ съ незапамятныхъ временъ, камней съ надписями знаютъ не только плавающіе по этой рѣкѣ, но и все прибрежное населеніе; но кто, когда и по какому именно случаю, или для какой цѣли, сдѣлалъ на сихъ камняхъ надписи—ни преданіе, ни исторія отвѣта не даютъ.

Правда, что Стрыйковскій, основываясь на какой-то древней лѣтописи, увѣряетъ, что князь Борисъ, сооружая въ г. Полоцкѣ, въ 1217 году, храмъ Борису и Глѣбу, повелѣлъ, въ память благополучной доставки къ монастырю, изъ Ливаніи, вверхъ по рѣкѣ Двинѣ, строеваго матеріала *). высѣчь на камнѣ, лежащемъ въ руслѣ Двинѣ, верстахъ въ семи за городомъ Дисной, крестъ, съ надписью **).

„Вспомози Господи раба своего Бориса сына Генвилова".

Но мы не видимъ достаточнаго основанія согласиться съ такимъ показаніемъ лѣтописца, какъ потому что въ дѣйствительности надпись на указанномъ камнѣ не заключаетъ въ себѣ словъ: сына Генвилова, такъ

*) О доставкѣ подобнымъ способомъ матеріала, необходимаго на сооруженіе полоцкихъ храмовъ, свидѣтельствуетъ Стебельскій. См. „Историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи", Безъ-Корниловича. С.-Петербургъ. 1865 г.

**) „Вѣстникъ Западной Россіи" 1864—1865 г. ноябрь, томъ II.

равно и по самому смыслу той надписи, коей какъ увидимъ ниже, скорѣе испрашивается помощь на совершающійся еще трудъ Бориса, чѣмъ увѣковѣчивается память совершенія его.

Судя по разстоянію между камнями и ихъ направленію можно предположить, что они обозначали мѣста стоянокъ лямщиковъ, тянувшихъ вверхъ по Двинѣ, къ Полоцку матеріалы для церкви св. Бориса и Глѣба. Камней съ древними славянскими надписями, по свидѣтельству гг. Тышкевича и Шпитта, семь. Может быть это такъ и было, но намъ извѣстны только четыре.

Объ этихъ замѣчательныхъ памятникахъ, названныхъ камнями Бориса Всеволодовича и Василія Борисовича, въ 1-мъ томѣ „Древностей", изданныхъ 1865 году московскимъ археологическимъ обществомъ, на основаніи показанія графа Тышкевича, напечатаннаго въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" (№ 56-й 1864 г.), сказано: „Въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ семи верстахъ отъ г. Дисны, по пути въ Дрину (т.-е.) въ Дриссу) въ рѣкѣ Двинѣ лежатъ камни съ надписями, на которые, въ свое время, покойный Кеппенъ старался обратить вниманіе цѣнителей отечественной старины. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, П. И. Кеппенъ имѣлъ не совсѣмъ хорошій рисунокъ съ этихъ камней и изъявлялъ сожалѣніе, что доселѣ не сняли рисунка или фотографіи съ этихъ важныхъ памятниковъ. Кромѣ извѣстія Кеппена, мы не имѣемъ никакого подробнаго изслѣдованія о двинскихъ камняхъ, и сдѣлать подобное изслѣдованіе остается обязанностью виленской археологической коммиссіи. Будемъ надѣяться, что она скоро займется этимъ важнымъ для нашей исторіи вопросомъ". Къ сожалѣнію, эта надежда графа Тышкевича и доселѣ остается только надеждою; а между тѣмъ время беретъ свое, и съ каждымъ годомъ волны двинскія и грубое невѣжество прибрежнаго населенія все болѣе и болѣе разрываютъ эти краснорѣчивыя страницы исторіи Бѣлоруссіи и православной церкви ея.

„Одинъ камень, поставленный въ 1102 году минскимъ княземъ Борисомъ Всеволодовичемъ, находится въ Двинѣ, близъ Десны (т.-е. Дисны). Другой камень извѣстный подъ именемъ Рогвольдова, находится въ Могилевской губерніи, между мѣстечкомъ Коханово и городомъ Оршею, въ семи верстахъ отъ перваго и въ 19 отъ послѣдняго, въ полуверстѣ отъ московской почтовой дороги, и въ 10 отъ ст. Коханово Московско-Брестской ж. д., на лѣвой сторонѣ, на землѣ графини Воронцовой, недалеко отъ деревни Лыстинова. Онъ поставленъ въ 1171 году княземъ Рогвольдомъ (Василіемъ) Борисовичемъ".

Камень этотъ есть валунъ красноватаго цвѣта, какихъ въ Бѣлоруссіи встрѣчается множество; на плоской сторонѣ его вырѣзанъ шестиконечный съ подставкой крестъ и подпись: „въ лѣто 6679 (1171) мая, въ 7 день доспѣнъ крестъ сей. (Доспѣнъ-оконченъ). Господи помози рабу своему Василію въ крещеніи именемъ Рогволоду сыну Борисову".

Нѣтъ сомнѣнія, что камень этотъ хранитъ память одного изъ потомковъ Изяслава сына Владиміра свя-

таго, княжившихъ въ XII вѣкѣ въ Полоцкѣ, а никакъ не потомка литовскаго князя Мингайлы *).

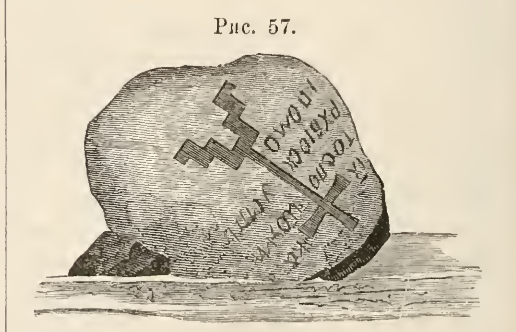
Изъ этого описанія мѣстонахожденія камня Рогвольда читатель видитъ, что таковой находится внѣ предѣловъ Витебской губерніи, и не въ руслѣ р. Западной Двины: а потому этотъ памятникъ старины и не должно смѣшивать съ двинскими камнями, о которыхъ мы говоримъ, хотя быть можетъ событія, предшествовавшія или сопровождавшія поставку камня Рогвольда и сдѣланіе крестовъ и надписей на камняхъ Бориса, имѣли когда либо связь.

Далѣе въ „Древностяхъ" говорится: „Третій камень лежитъ также въ Двинѣ (мы уже объяснили, что второй камень находится не въ Двинѣ), въ 5 верстахъ отъ Полоцка, на немъ написано имя князя Бориса. Сверхъ того говорятъ, что находится нѣсколько подобныхъ камней въ Двинѣ, съ такими же надписями. Вотъ памятники, о которыхъ прежде всего должны позаботиться ученые археологи Вильны".

Изъ числа камней, намъ извѣстныхъ первый называемый народомъ Борисъ-Хлѣбникъ, лежитъ въ 5-ти верстахъ отъ города Полоцка, насупротивъ, съ одной стороны деревни Подкостельцы, а съ другой—казенной Коптевской лѣсной дачи и имѣнія Рафиловки, у лѣваго берега рѣки Двины, на мѣстности называемой Прорытокъ. Камень цвѣта красноватаго, мѣрой до четырехъ аршинъ въ высоту и около одиннадцать аршинъ въ окружности. Длинные стороны его, изъ коихъ одна обращена къ берегу, а другая къ рѣкѣ, а равно задняя обращенная внизъ по теченію, почти отвѣсны и гладки. На сторонѣ обращенной къ рѣкѣ уцѣлѣли слѣдующія грубо высѣченныя по обѣ стороны креста, славянскими буквами, слова;

„Іисусъ Христосъ Господи рабу помо....."

Рис. 57.

Крестъ на немъ изображенъ какъ видно изъ рисунка 57-го, четырехконечный съ расширеніемъ концовъ поперечной перекладины; подножіе съ тремя уступами; вершина креста обращенная къ гор. Полоцку наклонена къ водѣ; поэтому полагаютъ, что камень этотъ (гранитный валунъ, какихъ множество попадается въ ложѣ Западной Двины, въ ея притокахъ и на берегахъ ихъ), сдвинутъ съ первоначальнаго своего мѣста силой волнъ или людей. А можетъ быть, что опрокинутъ, при „вычищеніи" согласно указу 23 октября 1776 года, „отъ Риги, вверхъ по Двинѣ рѣкѣ пороговъ и каменистыхъ мѣстъ".

*) Витебская Старина". Томъ V. А Сапунова. Витебскъ 1888 года. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. № 2. Извѣстія Литовскихъ лѣтописей. „Витебская Старина". Томъ 1-й. № 170.

Камень этотъ, какъ лично сообщилъ мнѣ А. С. Дембовецкій (могилевскій губернаторъ) тщательно охраняется отъ всякаго рода повреждений; близъ него устроена часовня.

А. С.

Наименованіе этого камня — Борисомъ-Хлѣбникомъ, безъ сомнѣнія дано ему потому, что онъ бываетъ видимъ вполнѣ, по народному „выходитъ изъ воды“ — около дня празднованія памяти св. князей Бориса и Глѣба, т. е. 24 іюля. Около этого же времени обыкновенно начинается и уборка хлѣба, что и отмѣчено народомъ въ поговоркѣ: „На Глѣба Бориса, до хлѣба берися“.

Намъ приходилось слышать: что названіе этого камня Хлѣбникомъ, дано ему потому, что якобы, при сплавѣ по Двинѣ въ Ригу судовъ объ этотъ камень часто разбивались барки нагруженные хлѣбомъ, но это объясненіе не выдерживаетъ критики, во-первыхъ потому, что фарватеръ Западной Двины въ этомъ мѣстѣ находится у праваго берега рѣки, во-вторыхъ въ полноводіе, камень такъ высоко покрывается водою, что барки безопасно могутъ

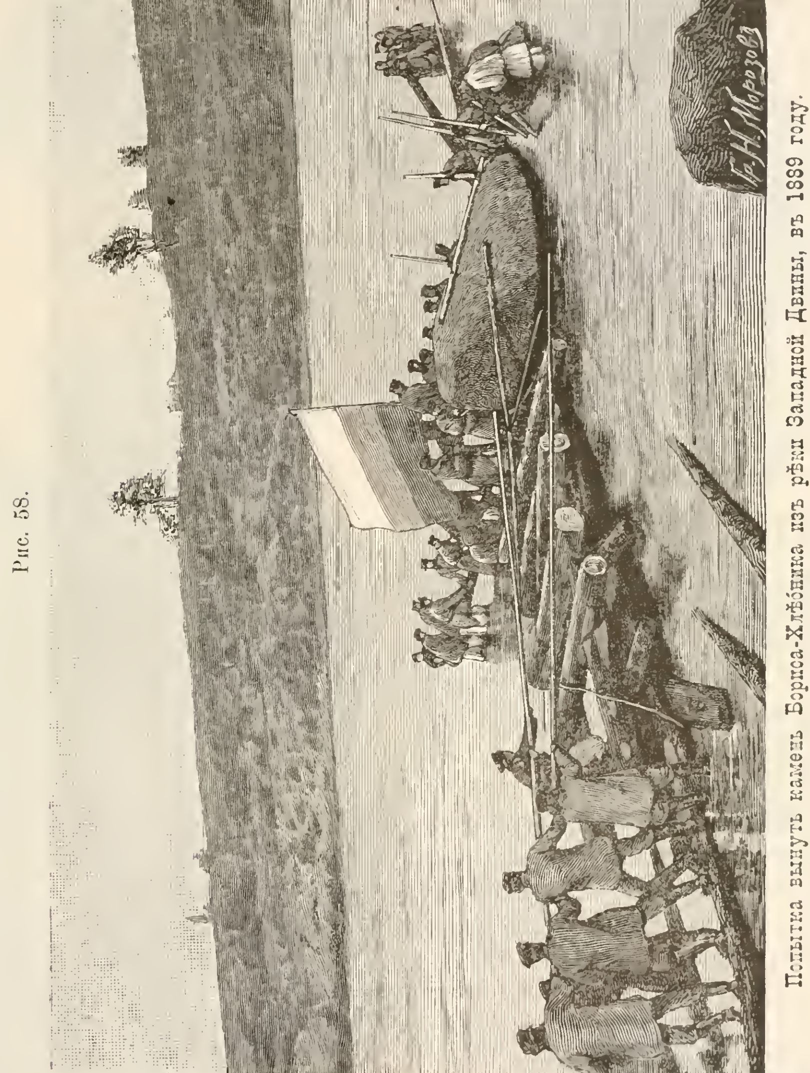

Рис. 58.

Попытка вынуть камень Бориса-Хлѣбника изъ рѣки Западной Двины, въ 1889 году.

пройдти чрезъ него; въ межень же онъ обнаруживается настолько, что виденъ издалека и кругомъ его образуется отмѣль.

Въ сентябрѣ 1889 г. возникла мысль вынуть камень изъ воды и поставить на берегъ. Полиція, въ лицѣ исправника, усердно принялась за дѣло; но видно усердіе было не по разуму— камень остался на мѣстѣ, въ ожиданіи пока хитрые нѣмцы не вытащатъ его изъ Двины, гдѣ онъ покойно стоялъ вѣка совершая свое историческое назначеніе (рис. 58).

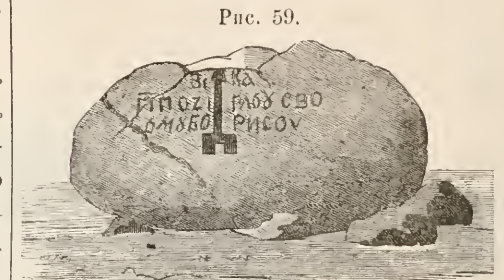
На прилагаемомъ рисункѣ, сдѣланномъ по фотографіи, представленъ камень Борисъ-Хлѣбникъ, въ тотъ моментъ, когда усердная полоцкая полиція, при помощи сотни людей, послѣ молебствія, украсивъ камень флагомъ, тщетно пыталась вытащить его на крутой обрывистый берегъ рѣки Западной Двины.— Послѣ этого подвига народные легендарные разсказы, одинъ другаго нелѣпѣе о томъ: почему начальство хочетъ вытащить камень изъ воды и поставить его въ Полоцкѣ на площади, полились рѣкой... Мы ихъ не повторяемъ, но рано или поздно они найдутъ своего историка.

Второй сѣраго цвѣта гранитный валунъ длиною въ пять, а въ окружности четырнадцать аршинъ, находится въ пяти верстахъ ниже города Дисны, между деревней Пaковниками съ правой и корчмой Осиновкой съ лѣвой стороны рѣки.

На рисункѣ прежняго времени, снятыхъ безъ помощи фотографіи, онъ представлялся въ такомъ видѣ: рис. 59.

На немъ, по сторонамъ креста, отъ котораго уцѣлѣла часть ниже поперечной перекладины и подставка, въ видѣ разширенной буквы п, высѣчено: Господи помози рабу своему Борису.

Рис. 59.

Такъ какъ камень этотъ лежитъ по срединѣ рѣки и, при спаденіи водъ препятствуетъ сплаву; то въ 1718 г. его пытались взорвать, но опытъ оказался неудачнымъ: камень только растреснулся, съ отдѣленіемъ нѣсколькихъ небольшихъ кусковъ отъ поверхности.

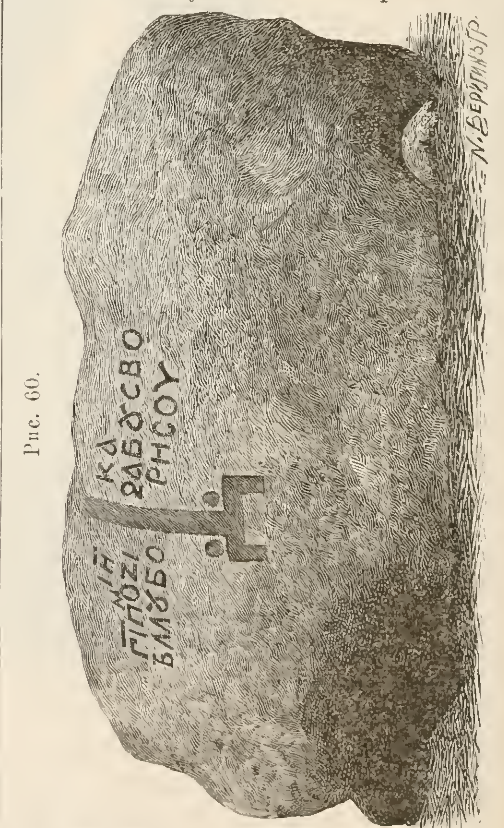

Рис. 60.

Послѣ этого камень представляетъ такой видъ (рис. 60).

Народъ видящій во всемъ чудо, неудачу взрыва камня выразилъ словами: „Борисъ не поддался". Пользуясь мелководіемъ 1858 г., М. Ф. Кусцинскій отыскалъ отпавшіе отъ камня куски и одинъ изъ нихъ, на которомъ уцѣлѣли еще литеры: ІС и часть верхняго конца креста перевезъ къ себѣ.

Вотъ рисунокъ части этого отломка, сдѣланный, какъ и видъ всего камня, по фотографическому снимку М. Ф. Кусцинскаго (рис. 61).

Рис. 61.

На третьемъ сѣромъ гранитномъ валунѣ, о которомъ, какъ выше замѣчено, упоминаетъ Стрыйковскій и который находится среди рѣки, въ семи верстахъ отъ г. Дисны, между имѣніями Болотниками и Повянушкою, по обѣ стороны длиннаго о двухъ сравнительно короткихъ и высоко помѣщенныхъ перекладинахъ, стоящаго на полушаріи въ наклоненномъ положеніи креста, высѣчено:

„Господи помози рабу своему Борису"

Камень этотъ размѣрами превосходитъ всѣ другіе, онъ, при видимой трехаршинной высотѣ, имѣетъ около двадцати четырехъ аршинъ въ окружности, (рис. 62).

Рис. 62.

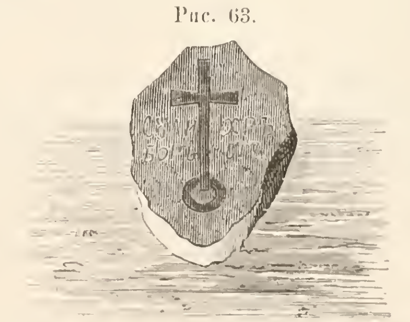

Наконецъ, послѣдній, т. е. четвертый камень, лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега рѣки Западной Двины, при впаденіи въ нее рѣчки Повянушки.

Камень этотъ цвѣта краснаго, породы той же, какъ и предъидущіе; величиной въ поперечникѣ два аршина.

Высѣченный на немъ вертикально крестъ формы четырехконечной съ нѣсколько расширенными концами перекладины, поставленъ на кругъ. Надпись какъ и въ предъидущемъ сдѣлана по обѣ стороны креста; но ее разобрать очень трудно. Впрочемъ можно догадываться, что ею призывается благословеніе Божіе на Бориса (рис. 63).

Рис. 63.

Камень этотъ находится нынѣ въ

Москвѣ въ музеѣ Московскаго Археологическаго общества. Вотъ исторія его доставки не лишенная своеобразнаго интереса, сообщенная намъ въ письмѣ уважаемымъ сочленомъ М. Ф. Кусцинскимъ „Лѣтомъ 1887 года покойный графъ Уваровъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ доставить въ Москву самый меньшій изъ камней Бориса, именно тотъ, который лежитъ въ р. Западной Двинѣ, на лѣвомъ ея берегу, близъ им. Повяпушки. Осенью того же года я отправился на мѣсто и договорилъ крестьянъ вытащить изъ воды этотъ камень и поднять на берегъ, съ тѣмъ чтобы зимнимъ путемъ доставить его до желѣзной дороги; между тѣмъ вскорѣ послѣ того, какъ камень поднятый изъ воды лежалъ уже на берегу, явилась къ этому мѣсту толпа крестьянъ для починки дороги, скоро пріѣхалъ какой то полицейскій чиновникъ осматривать починку дороги и, увидѣвъ камень, не знаю почему, приказалъ сбросить его въ Двину, хотя въ числѣ починявшихъ дорогу крестьянъ были нѣкоторые изъ тѣхъ, кои подымали камень изъ воды и объ этомъ заявили ревностному блюстителю порядка, тѣмъ не менѣе чиновникъ приказалъ тѣмъ же самымъ людямъ сбросить камень въ рѣку, что ими и было исполнено; но къ счастью въ этомъ мѣстѣ, на крутомъ берегу, находился родъ террасы на которой и задержался камень. Надобно замѣтить, что здѣсь Западная Двина глубока отъ самаго берега, такъ что если бы не терраса, то камень упавъ въ воду погибъ бы на всегда“. М. Ф. Кусцинскій сообщилъ о ревностномъ не по разуму поступкѣ полицейскаго чиновника, едва не погубившаго одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ старины, графу Уварову, который съ своей стороны снесся съ Виленскимъ губернаторомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію коего, зимой, уже при живомъ осмысленномъ участіи полицейскихъ чиновниковъ того же Диссенскаго уѣзда, камень былъ доставленъ на ст. Борковичи Динабурго-Витебской желѣзной дороги и отъ туда отправленъ въ Москву.

Сравнивая крестныя изображенія сихъ камней, ихъ положеніе и въ особенности рѣзкое различіе подножій, нельзя не прійти къ заключенію, что изображенія эти имѣли, въ свое время, какое то условное значеніе, въ особенности если допустить одновременность ихъ начертанія.

Всѣ эти четыре камня извѣстны въ печати подъ названіемъ „камней Бориса“ хотя народъ собственно только одному изъ камней—ближайшему къ г. Полоцку усвоилъ названіе—Бориса-хлѣбника.

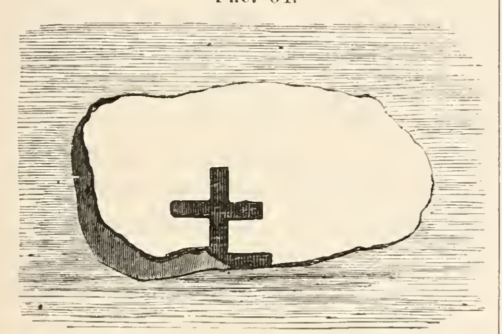
Кромѣ этихъ камней въ 1865 году, въ самомъ городѣ Витебскѣ, насупротивъ соборной Успенской церкви, шагахъ въ 25 отъ подошвы круто подымающагося берега Западной Двины, найденъ пятый камень, съ глубоко высѣченнымъ на немъ шестиконечнымъ крестомъ, размѣръ верхней перекладины коего, а также часть отъ вершины до большой перекладины имѣютъ по одному футу длины.

Наибольшая, видимая величина камня равна двумъ аршинамъ четыремъ вершкамъ, а наибольшая ширина одинъ аршинъ два вершка. Кусокъ камня на которомъ была вы-

сѣчена остальная часть креста, отломанъ, и мы никакъ не могли отыскать его между множествомъ гранитныхъ обломковъ, лежащихъ вокругъ описываемаго камня.

Витебскій крестовый камень въ весеннее и осеннее полноводіе, постоянно покрытъ водою: мы видѣли его 15-го іюня 1866 года, при высотѣ уровня водъ 2 аршина 13 вершковъ, и нашли такимъ: (рис. 64).

Рис. 64.

Намъ называли камень этотъ Іосафатовымъ; но никакихъ преданій о времени изображенія на немъ креста, а тѣмъ болѣе о причинѣ таковаго изображенія, объяснить ни кто не могъ. Намъ постоянно твердили только одно, что камень этотъ лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, что никто не помнитъ даже, когда и по какому случаю часть его обрушилась, и было ли это дѣломъ рукъ человѣка, или произошло само собой *). Объ этомъ камнѣ г. Киркоръ, повторивъ въ статьѣ своей: „Памятники первобытныхъ временъ Бѣлорусскаго полѣсья“ **) все выше сказанное нами, *) добавляетъ: „Кажется камень этотъ въ связи съ убійствомъ уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, тѣмъ болѣе, что онъ найденъ въ рѣкѣ близъ Успенскаго собора, а извѣстно, что Кунцевичъ былъ убитъ въ своихъ палатахъ на Лысой горѣ, гдѣ нынѣ Успенскій соборъ. Послѣ убіенія тѣло Кунцевича положили въ мѣшокъ, къ ногамъ привязали камни и бросили въ Двину. Біографы его говорятъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти чудесное появленіе божественнаго свѣта указало мѣсто, гдѣ покоились его остатки. Изъ другихъ источниковъ извѣстно что тѣло Кунцевича найдено было на третій день послѣ убійства и на лодкѣ перевезено въ Витебскъ“. (Значитъ оно было за Витебскомъ). „Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ найдено тѣло, положенъ означенный камень и что съ нимъ въ связи вышеприведенное чудо появленія божественаго свѣта“.

Не касаясь вѣрованія г. Киркора, какъ добраго католика, въ распущенныя, въ свое время, ксендзами сказки о появленіи божественнаго свѣта надъ трупомъ гонителя православія, получившаго достойную мзду за свои дѣянія, хотя повтореніе ихъ безъ критической оцѣнки въ ученомъ сочиненіи, да еще посвященномъ описанію Россіи и русскаго народа, по малой мѣрѣ неумѣстно, нельзя не указать слишкомъ явныхъ искаженій фактовъ допущенныхъ г. Киркоромъ. Это именно во первыхъ то, что по словамъ его

*) Осматривая въ іюнѣ 1889 г., берега совершенно обмѣлевшей, Двины, я не нашелъ камня Іосафата; вѣроятно честные жидки употребили его на мостовую или постройки. *А. С.*

**) Живописная Россія т. III стр. 247.

*) Памятники старины Витебской губерніи 1867 года.

выходитъ, какъ бы тѣло Кунцевича было потоплено въ Двинѣ супротивъ Успенскаго Собора—тогда какъ въ дѣйствительности оно брошено въ воду ниже предмѣстія города Песковатики, версты за двѣ отъ Собора, слѣдовательно камню этому не приходится означать мѣста отысканія тѣла Кунцевича и появленія надъ нимъ божественнаго свѣта, а во вторыхъ, что камень этотъ т. е. валунъ, какихъ находится въ Двинѣ тысячи, положенъ на своемъ мѣстѣ не рукой человѣка а напоромъ двинскихъ волнъ, съ незапамятныхъ временъ.

Къ небольшому числу памятниковъ этого разряда мы можемъ отнести еще два камня, находящіеся въ Лепельскомъ уѣздѣ, называемые: Витольдовы тарелки и вилки.

Первый изъ сихъ камней, формы довольно круглой, но съ плоской вершиной, имѣетъ въ окружности около трехъ аршинъ, а въ высоту три четверти аршина; на камнѣ этомъ высѣчено шесть круглыхъ углубленій, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ тарелками или мисками. Народное преданіе говоритъ, что на этомъ камнѣ обѣдалъ князь Витольдъ, взявшій въ 1426 году замокъ Воронечь приступомъ.

Мы впрочемъ того мнѣнія, что камень этотъ скорѣе подделка временъ владычества въ этомъ краѣ поляковъ, чѣмъ дѣйствительная древность. Камень—витольдовы тарелки до 1844 года лежалъ на берегу озера Воронечскаго; въ томъ же году, вмѣстѣ съ обрушившимся берегомъ, онъ упалъ въ воду; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ вынутъ помѣщикомъ Я. В. Лиссовскимъ и перевезенъ въ имѣніе Воронечь.

Камень, называемый Витольдовы вилки, на которомъ, говорятъ, высѣченъ знакъ, похожій на вилки, лежитъ у берега рѣки Ушача и почти постоянно покрытъ водою. Къ сожалѣнію, объ этомъ камнѣ мы не могли собрать болѣе точныхъ свѣдѣній.

Вообще оба эти памятника не пользуются въ народѣ особенной извѣстностью, а тѣмъ болѣе уваженьемъ.

Г. Киркоръ перепечатавъ въ статьѣ своей „Бѣлорусское полѣсье" мое описаніе этихъ камней добавляетъ: „не надобно удивляться этимъ названіямъ передаваемымъ народнымъ преданіемъ". (Да въ томъ то и дѣло, что названія этихъ камней — не народныя, а литературныя. Нашему бѣлорусскому народу—поляки часто навязываютъ такія дѣйствія о коихъ онъ и не думаетъ)... „Жизнь и великія дѣянія литовскаго господина и осподаря, какъ его называли, глубоко врѣзались въ народной памяти", заключаетъ г. Киркоръ. И это неправда. Воспоминанія о Витовтѣ у нашего бѣлорусскаго народа очень смутны. Во многихъ мѣстахъ даже имени этого не знаютъ и не напоминай о немъ ксендзы и поляки оно давно бы кануло въ вѣчность, чего впрочемъ долго ждать не прійдется. Польская окраска Бѣлоруссіи уже почти слѣзла и только нѣсколько слабыхъ слѣдовъ ея остаются на страницахъ „Живописной Россіи" въ статьяхъ г. Киркора; но историческая правда скоро смоетъ ихъ.

Въ заключеніе этой главы, приводимъ описаніе еще одного каменнаго памятника витебской старины, о которомъ въ 1876 году мы сообщали

Московскому археологическому обществу *).

Въ III станѣ Велижскаго уѣзда, Витебской губерніи, въ раіонѣ Будницкой волости, на землѣ имѣнія Усвять, близь деревни Дрозды, въ лѣсу у моховаго болота, лѣтомъ 1876 года, найденъ камень съ древней на немъ надписью. Форма его, какъ видно изъ полицейскаго акта, яйцеобразная; длина камня девять, а ширина пять съ половиною четвертей; въ высоту же онъ имѣетъ около четырехъ четвертей.

Верхняя часть камня плоско сколота и на ней, какъ доноситъ Велижское полицейское управленіе, сдѣлана, польскими литерами, величиной около четырехъ вершковъ, слѣдующая надпись:

I: H: P: W:
M: R:
B: Z: P: W: CH: W:
W:

Въ актѣ становаго пристава литеры двоеточіями не отдѣлены, а въ третьей строкѣ средняя, т. е. четвертая съ обѣихъ сторонъ буква W вовсе опущена; такъ что послѣдніе двѣ строчки представляются въ такомъ видѣ:

BZP CHW
W

Надпись, какъ показали крестьяне, прежде была покрыта сколотой частію камня; но сколокъ этотъ давно уже сброшенъ искателями кладовъ и какъ камень, такъ и самая надпись обросли мхомъ.

Народное преданіе говоритъ, что на мѣстѣ гдѣ лежитъ этотъ камень, болѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, обѣдалъ какой то польскій король, стоявшій здѣсь съ своимъ войскомъ, и что, будто-бы, въ память этого и выбита на камнѣ вышеприведенная надпись.

Если это такъ, то съ нѣкоторой достовѣрностію можно предположить: что описанный камень есть памятникъ одного изъ многихъ походовъ короля Стефана Баторія. По сказанію лѣтописцевъ, король этотъ воюя съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, въ 1580 году и направляясь къ Великимъ Лукамъ, шелъ болотами и дремучими лѣсами, гдѣ подобно Витовту, дѣлалъ просѣки, устраивалъ мосты и гати и наконецъ, выйдя изъ лѣсовъ къ Усвяту, 16 августа взялъ Усвятскій замокъ, въ которомъ нашелъ обильные запасы. Быть можетъ въ этотъ именно походъ Баторія и начертана на описанномъ нами камнѣ, вышеприведенная надпись.

Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ученые обратили свое вниманіе на камни Бориса; — но и доселѣ, какъ время начертанія на нихъ крестовъ и надписей, такъ и цѣль или поводъ этого дѣйствія — составляютъ открытые вопросы для археологовъ. Таже участь постигнетъ и впервые описанный нами усвятскій камень; тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что учреждаемое нынѣ въ г. Полоцкѣ общество любителей отечественной археологіи, поставитъ себѣ первой задачей описать, фотографировать и обслѣдовать, съ возможной точностію описанные нами камни и тѣмъ ускорить разрѣшеніе представляемыхъ ими научныхъ вопросовъ.

*) Письмо въ Московское Археологическое Общество отъ 28 сентября 1876 г. за № 702.

Глава VI.

ДРЕВНІЕ ХРАМЫ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Причины исчезновенія памятниковъ православія.—Числовыя данныя о богослужебныхъ зданіяхъ Полоцкой епархіи.—Древняя церковь Спаса.—Время, мѣсто и обстоятельства заложенія преп. Евфросиніей дѣвичьяго монастыря и сооруженіе въ немъ церкви Спаса.—Описаніе этого храма.—Историческія судьбы храма и монастыря до возвращенія ихъ въ православное вѣдомство.—Древняя Борисоглѣбская церковь.—Впечатлѣніе производимое монастыремъ. — Церковь св. Параскевіи-Пятницы. — Время сооруженія Борисоглѣбской церкви. — Монастырскія укрѣпленія. — Осада его Кунцевичемъ. — Историческія судьбы монастыря. — Настоящее состояніе храма. — Развалины Пятницкой церкви. — Витебскій, единовѣрческій св. Благовѣщенскій храмъ, видъ и описаніе его. — Кѣмъ и когда сооруженъ сей храмъ. — Историческія судьбы его.—Древніе колокола.—Настоящее положеніе церкви.—св. Троицкій храмъ Витебскаго Маркова монастыря.—Видъ и описаніе его. — Время постройки. — О монастырѣ вообще.—Другіе монастырскіе храмы и зданія. Общій видъ обители

Много историческихъ памятниковъ въ Бѣлоруссіи истреблено временемъ, еще больше невѣжествомъ и равнодушіемъ. Къ счастію сохранилось еще нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ, знаменующихъ историческій расвѣтъ этой страны.

Киркоръ.

Казалось бы, что земля кривичей и полочанъ, составляющая нынѣ, такъ сказать, ядро Витебской губерніи, просвѣтясь почти десять вѣковъ тому назадъ христіанствомъ, должна была бы сохранить въ себѣ много древнихъ храмовъ съ ихъ утварью и убранствомъ но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе.

Вслѣдствіе религіозной нетерпимости поляковъ, усердной заботливости пріютившихся въ Полоцкѣ, по милости русской Императрицы, іезуитовъ, наконецъ, вслѣдствіе двухъ сотъ сорока-лѣтняго господства въ Бѣлоруссіи уніи и почти поголовнаго ополяченіе мѣстнаго дворянства, даже принадлежавшаго къ лучшимъ русскимъ фамиліямъ, памятники древняго православія исчезли, или потерпѣли въ наружности свой столько измѣненій, что потеряли свой первообразъ до неузнаваемости. Къ счастію сохранились еще три, четыре древнихъ храма, знаменующихъ исконное господство въ этомъ краѣ православія и русской народности.

Мы посвятимъ настоящую главу описанію ихъ; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о числѣ православныхъ храмовъ Витебской губерніи.

Въ настоящее время, по словамъ памятной книжки Витебской губерніи, за текущій 1889 годъ, въ Полоцкой епархіи числится—466 церквей, 33 часовни, 4 мужскихъ и 3 женскихъ монастырей. Изъ этого числа, по замѣчанію того же изданія, только пятая часть православныхъ хра-

мовъ возникла ранѣе текущаго столѣтія. По свѣдѣніямъ же, собраннымъ нами, оффиціальнымъ путемъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, и напечатаннымъ въ памятной книжкѣ виленскаго генералъ-губернаторства на 1852 годъ, въ то время въ Витебской губерніи числилось 564 православныхъ богослужебныхъ зданія, не включая въ этотъ счетъ восьми единовѣрческихъ, изъ нихъ три каменныхъ и 5 деревянныхъ, именно:

	К.	Д.	Ж.	Всего.
Соборовъ.	9	—	—	9
Приходскихъ церквей. .	57	236	—	293
Приписныхъ.	8	58	1	67
Кладбищенскихъ	10	62	—	72
Домовыхъ	6	2	—	8
Часовенъ.	10	92	—	102
Въ 8 монастыр., церквей	14	9	—	23
Всего . . .	114	459	1	574

Изъ 472-хъ православныхъ церквей только двѣ монастырскихъ: Спаская и Борисоглѣбская, сооружены ранѣе XVII вѣка; семь по времени сооруженія принадлежатъ XVII и семьдесятъ семь XVIII вѣкамъ. Всѣ остальные, включая въ ихъ число и тѣ, годъ сооруженія коихъ непоказанъ, несомнѣнно сооружены въ текущемъ столѣтіи.

Не причисляя къ построеннымъ ранѣе XVII вѣка церквамъ полоцкую Софійскую, какъ перестроенную іезуитами съ измѣненіемъ фасада и размѣровъ *), мы упомянемъ еще о свято-Благовѣщенской единовѣрческой церкви города Витебска.

Въ какомъ именно году сооружена преподобною Евфросиніею—княжнею полоцкой *) въ основанной ею близъ города Полоцка, въ мѣстности называвшейся Сельцо, дѣвичей обители, нынѣ существующая каменная церковь Всемилостивѣйшаго Спаса, ни преданія, ни лѣтописи отвѣта не даютъ; несомнѣнно одно, что храмъ сей заложенъ и построенъ въ началѣ второй половинѣ XII вѣка, именно: между 1150 и 1160 годами.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ каменная церковь Спаса была до сооруженія ея деревянная во имя Преображенія Господня; при ней то устроила св. Евфросинія дѣвичью обитель по особому о томъ указанію Божію.'

О событіи этомъ лѣтописцы повѣствуютъ такъ; св. Евфросинія узрѣвъ въ сонномъ видѣніи ангела, который взялъ ее за руку, вывелъ за городъ, на мѣсто называемое Сельцо, гдѣ находился загородный домъ Софійскаго собора и при немъ церковь Преображенія Господня сказалъ: „попобаетъ ти здѣ пребыти, хощетъ бо

*) Церковь эта имѣетъ нынѣ костельный видъ. Въ составъ ея вошла лишь малая часть стѣны древняго храма. *Л. С.*

*) По несомнѣннымъ историческимъ родословнымъ, княжна Предислава — Евфросинія приходится правнучкой св. Владиміру, именно: послѣ Изяслава, сына св. Владиміра отъ Рогнѣды, княжилъ въ Полоцкѣ сынъ его Брячиславъ, коему наслѣдовалъ Всеславъ Брячиславичъ, имѣвшій одну дочь (тетка преподобной) и семь сыновей, изъ коихъ княжили въ Полоцкѣ: Давидъ съ 1101 по 1119 годъ, Борисъ съ 1119 по 1127 г.; Рогвольдъ съ 1127 по 1129 г. Глѣбъ Всеславичъ господствовалъ въ Минскѣ. О княженіи же Романа, Ростислава и Святослава свѣдѣній нѣтъ. Изъ нихъ послѣдній былъ отцемъ преподобной Евфросиніи; христіанское имя его Георгій, и по инымъ Григорій.

Преподобная Евфросинія имѣла двухъ братьевъ: Вячеслава и Давида и сестру Градиславу, въ монашествѣ Евдокія.

См. Ист. Рос. Госуд. Карамзина. Табл. VII.

Богъ тобою на семъ мѣстѣ многихъ наставити на спасеніе", сообщила о семъ епископу Иліи, которые въ тоже время также видѣлъ во снѣ ангела Господня сказавшаго ему: „веди рабу Божію Евфросинію къ церкви Спасителевой, яже въ Сельцѣ и всели ее при той церкви, яко да будетъ тамъ монастырь освященрыхъ Богу дѣвъ, ихже хощетъ спасти сею рабою своею".

Исполнивъ повелѣніе Господне, преподобная Евфросинія усердно занялась устройствомъ своей обители и скоро привлекла въ нее многихъ благочестивыхъ дѣвъ лучшихъ родовъ, искавшихъ спасенія въ молитвѣ и трудахъ. Въ числѣ первыхъ приняла иночество родная сестра преподобной, княжна Градислава, скрывшая свое свѣтское величіе подъ скромнымъ монашескимъ именемъ Евдокіи, а затѣмъ вскорѣ и двоюродная ея сестра, дочь князя Бориса — Звенислава, промѣнявшая шумные мірскіе удовольствія на тихую монашескую жизнь и принесла съ собою въ даръ монастырю: „драгоцѣнныя одежды, утварь и брачныя украшенія. — Звенислава была уже невѣстой, когда Господь призвалъ ее въ число своихъ избранныхъ подъ именемъ Евпраксіи.

Видя затѣмъ „день отъ дня умножающіеся сестры и распространяющуюся обитель", преподобная Евфросинія вознамѣрилась соорудить, на мѣсто прежней деревяной церкви новую каменную, во имя Спасителя; что при особомъ покровительствѣ Божіемъ, совершилось въ теченіи одного года. Церковь эту, существующую понынѣ, освятилъ преемникъ епископа Иліи—Діонисій, (рис. 65).

Рис. 65.

Общій видъ полоцкаго дѣвичьяго Спасо-Евфросиньевскаго монастыря.

Монастырскій паркъ. Новая кам. колокольня. Древняя церковь Спаса. Теплая церковь Пр. Евфросиніи. Домъ церковнаго причта.

На прилагаемомъ рисункѣ читатели усмотрять какъ точное, по послѣдней фотографіи, изображеніе древней, каменной церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, занимающей средину монастырскаго двора, такъ новую теплую церковь во имя преподобной Евфросиніи и колокольню съ двумя подъ ней келіями.

Спасская церковь въ основаніи своемъ представляетъ удлиненный паралеограмъ, размѣры ея снаружи почти такія же какъ и Борисоглѣбской монастырской церкви, о чемъ скажемъ ниже.

Внутри же Спасская церковь, значительно менѣе Борисоглѣбской. Стѣны храма гладкія съ очень узкими сверху закругленными окнами, помѣщенными въ нишахъ. Надъ входной дверью довольно широкое окно позднѣйшей формы. Алтарная стѣна закруглена. Крыша двускатная; надъ фронтономъ и дверью кресты; посреди крыши возвышается куполъ слабо освѣщающій средину церкви своими узкими окнами. Тяжелые своды, поддерживаются двумя массивными столбами, сильно стѣсняющими церковь. Значительная толщина столбовъ и расположеніе ихъ по сторонамъ средней части церкви, какъ бы дѣлитъ ее на двое, закрывая бока иконостаса. Нынѣ иконостасъ деревянный; но первоначально, какъ можно думать по нѣкоторымъ признакамъ, былъ каменный *). Широкіе далеко выдающіеся внутрь храма хоры также покоятся на двухъ массивныхъ столбахъ. По сторонамъ хоръ имѣются двѣ малые келій, слабо освѣщаемыя малыми круглыми окнами, пробитыми въ стѣнахъ, въ коихъ устроена и узенькая лѣстница, съ крутымъ подъемомъ, ведущая въ келію преподобной Евфросиніи. Въ келіи этой хранятся древнѣйшія святыни монастыря—кресты преподобныхъ Евфросиніи и Параскевіи, *) о коихъ скажемъ ниже. Алтарь церкви, по древнему обыкновенію дѣлится на три части изъ коихъ въ средней помѣщается престолъ, въ правой—ризница, а въ лѣвой жертвенникъ. Храмъ Всемилостивѣйшаго Спаса, какъ и обитель преподобной Евфросиніи раздѣляли общую судьбу Бѣлоруссіи вообще и Полоцка въ особенности. Нашествіе на Русь татаръ побудило монахинь оставить монастырь и искать спасенія въ бѣгствѣ; многія изъ нихъ и по минованіи опасности не вернулись, а въ числѣ ихъ и преподобная Параскевія, отправившаяся, по словамъ польскихъ лѣтописцевъ въ Римъ на поклоненіе св. мощамъ апостоловъ Петра и Павла, гдѣ по кончинѣ ея, въ 1239 году, была причислена къ лику святыхъ.

Завоеваніе Полоцка царемъ Іоан-

*) Мнѣнія этого былъ К. А. Говорскій.

*) Преподобная Параскевія происходила изъ литовскаго княжескаго дома Мингайлы Ердивиловича, господствовавшаго въ Новогрудкѣ и около 1190 года завоевавшаго Полоцкъ.—Завоевавъ Полоцкъ Мингайло посадилъ въ немъ на княженіе младшаго брата своего Генвила. Генвилъ въ св. крещеніи Георгій, женился на тверской княжнѣ Маріи Борисовнѣ и имѣлъ отъ нея сына Бориса, извѣстнаго особымъ усердіемъ къ созданію храмовъ Божіихъ. Послѣ смерти Бориса (1226 г.) полоцкій престолъ наслѣдовалъ сынъ его Гогвольдъ—Василій, который, въ свою очередь, оставилъ это княжество сыну Глѣбу и дочери Параскевіи, бывшей настоятельницей Спасо-Евфросиньевскаго монастыря, до нашествія татаръ.

номъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1563 году имѣло тѣ же послѣдствія для монастыря какъ и набѣгъ татаръ. Напуганные разсказами о жестокостяхъ Грознаго несчастныя монахини бѣжали изъ своей мирной обители, въ коей поселился со своими приближенными боярами царь Іоаннъ.

Во все продолженіе владычества въ Полоцкѣ Грознаго т. е. до 1579 года и послѣ взятія города королемъ Стефаномъ Баторіемъ Спасо-Евфросиньевскій монастырь оставался въ пустѣ. Все что было въ немъ болѣе цѣннаго и чтимаго, частію унесено при бѣгствѣ монахинями, частію по распоряженію царя увезено въ Россію. Драгоцѣнный же крестъ устроенный преподобной Евфросиніей былъ переданъ на храненіе въ Софійскій соборъ.

Баторій овладѣвъ Полоцкомъ учредивъ въ немъ іезуитскій коллегіумъ и отдалъ іезуитамъ, въ числѣ прочихъ православныхъ монастырей и опустѣлый Спасскій, *) гдѣ нѣкоторое время помѣщался самъ. Должно однако же замѣтить: что церковь Спаса перешла къ іезуитамъ будучи уже въ развалинахъ что ясно выражено въ грамотѣ короля Стефана Баторія, на основаніе въ Полоцкѣ іезуитской коллегіи и присвоеніе ей всѣхъ полоцкихъ православныхъ церквей и монастырей, съ ихъ отчинами и имуществомъ, за исключеніемъ только архіепископской кафедры отъ 20 января 1582 года. Въ грамотѣ этой при перечисленіи отдаваемыхъ іезуитамъ монастырей и храмовъ говорится: „женскій называемый игуменьевскимъ (hegumeniae) монастырь св. Спаса (Spasa) коего храмъ, близкій къ разрушенію (ruinosum), еще виднѣется надъ рѣкою Полотою“.

Іезуиты обратили церковь Спасса въ костелъ; устроили подъ нимъ обширный склепъ для погребенія членовъ своего ордена.

По удаленіи іезуитовъ изъ Полоцка въ 1821 г. церковь Спаса и монастырь, въ которомъ во время владычества іезуитовъ былъ выстроенъ каменный двухъ-этажный домъ (нынѣ настоятельскій) вмѣстѣ съ другими іезуитскими зданіями были, по Высочайшему повеленію переданы монахамъ Піарскаго ордена.

Чрезъ десять съ небольшимъ лѣтъ именно въ 1832 году, по случаю занятья бывшихъ іезуитскихъ зданій подъ кадетскій корпусъ, Піаре были переведены въ другіе римско-католическіе монастыри, а Спасская церковь, со всѣми принадлежащими монастырю угодіями и имѣніями передана въ православное духовное вѣдомство.

Спустя почти сто лѣтъ послѣ взятія Полоцка Грознымъ, именно въ 1654 году, городомъ этимъ овладѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ, который и прибылъ въ него 5-го іюля 1656 года, а 8 числа посѣтилъ бывшій Спасскій монастырь, гдѣ на другой день было освященіе церкви Преображеніе Спасово. Чрезъ десять дней царь выѣхалъ къ войску, стоявшему подъ Ригой, а 12 октября снова вернулся въ Полоцкъ, причемъ возвратилъ православному духовенству всѣ

*) Все это дѣлается, говорилъ Стефанъ Баторій въ грамотѣ своей отъ 12 января 1582 г. для того чтобы здѣшній народъ... и всѣ заблудшіе съ пути истины... сопричислены были къ единому видимому намѣстнику Христа на землѣ.

Витебская Старина, томъ V. 1888 года.

имѣнія, отошедшія отъ нихъ къ іезуитамъ при королѣ Баторіи.

По возвращеніи, на основаніи Андрусовскаго договора въ 1677 году города Полоцка Польшѣ Спасо-Евфросиньевская обитель снова перешла во власть іезуитовъ.

Въ 1705 году, въ эпоху войны Августа II съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, царь Петръ I какъ союзникъ Августа II, занялъ Полоцкъ и поселился, вмѣстѣ съ командовавшимъ войсками княземъ Меншиковымъ, въ келіяхъ Спасскаго монастыря, гдѣ еще хозяйничали іезуиты.

Двѣнадцатый годъ не прошелъ безслѣдно для несчастной обители. Въ двукратное пребываніе у Полоцка французской арміи, первый разъ на побѣдоносномъ пути ея въ Москву 4, 5 и 6 августа, а второй при постыдномъ бѣгствѣ изъ Россіи 4 и 6 октября 1812 года, стѣны святой обители не разъ обагрялись кровію, пули и ядра пытались сокрушить ихъ многовѣковую мощь; но благое провидѣніе и на этотъ разъ спасло древній храмъ Спаса и состоящую при немъ обитель.

По удаленіи изъ Полоцка, какъ было сказано выше, въ 1821 году іезуитовъ, а въ 1832 году замѣнившихъ ихъ Піаровъ и по передачѣ Спасо-Евфросиньевскаго монастыря въ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія, настала эпоха его возстановленія и возобновленія.

Седьмаго августа 1833 года, послѣ очистки и необходимыхъ исправленій, перенесенъ былъ въ церковь Спаса, изъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря небольшой, временный иконостасъ, и совершено освященіе самаго храма. Все это было сдѣлано на скоро, чтобы удовлетворить желаніе православнаго населенія, жаждавшаго скорѣйшаго возобновленія въ семъ древнемъ храмѣ православнаго Богослуженія.

Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: о немедленномъ разсмотрѣніи въ строительномъ комитетѣ, представленныхъ генералъ-губернаторомъ плановъ возобновленія сего храма, что и было исполнено.

Возобновленная церковь украсилась трехъярусными позолоченнымъ иконостасомъ, стѣны, по древнему мѣстами уцѣлевшему подъ побѣлкой письму, расписаны заново возможно вѣрнымъ изображеніемъ, тѣхъ самыхъ событій, лицъ и надписей какіе виднѣлись изъ подъ штукатурки и слоевъ побѣлки.

По случаю разсмотрѣнія въ строительномъ комитетѣ, представленныхъ княземъ Хованскимъ, проэктовъ возобновленія Спасской церкви, въ журналѣ М. В. Д. были напечатаны планъ и фасадъ древней церкви, съ поясненіемъ что: „сія церковь именуемая по бѣлорусскому нарѣчію Спасо-Юровичи (Спасъ-Георгіевъ) сохраняетъ доселѣ какъ и снаружи, такъ и внутри не изглаженные временемъ признаки священной древности. Образъ построенія, необыкновенная толщина каменныхъ стѣнъ съ малыми узкими окнами, иконное стѣнное писаніе въ старинномъ греческомъ вкусѣ, сохранившееся отъ поврежденія, и древнія надписи подтверждаютъ истину историческихъ указаній“.—По возобновленіи церкви Спаса, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ и указаніямъ строительнаго комитета, было приступлено къ возстановленію самой обители. Это

важное въ судьбѣ ея событіе свершилось на другой годъ по возсоединеніи уніятовъ т. е. въ 1840 году. Вершителемъ его былъ преосвященный Исидоръ, нынѣ Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Монастырь былъ возстановленъ подъ древнимъ названіемъ дѣвичьяго Спасо-Евфросиньевскаго, съ причисленіемъ его къ первому разряду монастырей.

Первой настоятельницей его была, переведенная сюда изъ верхне-замковаго уніятскаго монастыря Инокентія Кулешанка.

Съ этого момента начинается новая исторія жизни монастыря и его святыхъ храмовъ, — для написанія которой еще не настало время.

Рис. 66.

Древняя Борисоглѣбская церковь.

Вотъ и еще храмъ и еще памятникъ древняго православія полочанъ, стѣны котораго могутъ объяснить многія страницы исторіи мѣстнаго края. Мы указываемъ вамъ читатель на Полоцкій въ древности Бѣльчицкій — Борисоглѣбскій бывшій мужской монастырь, а нынѣ приписной къ вышеописанной дѣвичей Спасо-Евфросиньевской обители, скромно возвышающій кресты свои на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Бѣльчицы. (рис. 66).

Непривлекательна мѣстность монастыря, не горятъ золотомъ кресты главы церковныя, не поражаетъ взоръ вашъ ни громадность зданій монастырскихъ, ни величіе архитектуры ихъ; видъ обители такой скромный, такой печальный, что кажется, будто бы время забыло стереть съ лица земли этотъ, давно свершившій свое историческое назначеніе памятникъ старины.

Но вотъ до слуха нашего долетаетъ тихій, плачевный звукъ монастырскаго колокола, сквозь полуоткрытую дверь ограды видны двѣ, три человѣческія фигуры, медленно двигающіеся изъ монастырскаго дома въ храмъ. Войдемъ и мы за ними въ мирную обитель, чтобы узнать прошедшую и настоящую жизнь ея.

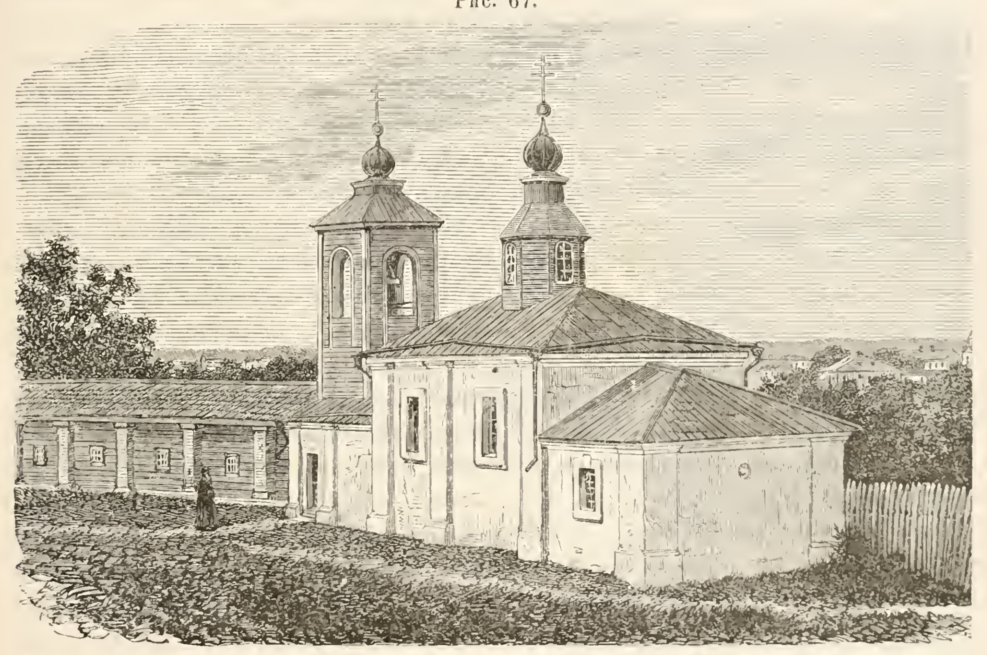
Вотъ мы въ монастырской оградѣ. Почти насупротивъ воротъ стоитъ небольшое, четырехъ угольное, съ растрескавшимися и почернѣвшими стѣнами, вѣнчанное поверхъ плоской крыши небольшимъ куполомъ, зданіе главной монастырской церкви во имя св. князей Бориса и Глѣба.

При первомъ взглядѣ на храмъ, на толщину его стѣнъ, форму и способъ кладки кирпича, на узкія приземистыя двери, на задѣланныя ни-

ніи старинныхъ оконъ и наконецъ, на малый деревяный куполокъ поверхъ плоской крыши, — ясно видишь, что сей храмъ принадлежа къ XII или XIII вѣку, былъ не разъ передѣлываемъ, прежде чѣмъ получилъ эту наружность, въ какой представляется нынѣ очамъ нашимъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ лѣвѣе Борисоглѣбской церкви стоитъ 2-хъ этажный, неоштукатуреный домъ, назначенный для игумена и братіи; домъ этотъ связанъ длиннымъ, но узкимъ бревенчатымъ корридоромъ съ другимъ монастырскимъ храмомъ, то есть съ теплой церковью во имя святой Параскевы. Прибавимъ къ этимъ зданіямъ небольшой, деревяный сарайчикъ, помѣщенный насупротивъ входа въ Борисоглѣбскую церковь, вы однимъ, такъ сказать, взглядомъ обнимете всю скромную внутреннюю картину нѣкогда славной и богатой Борисоглѣбской обители. — Не лучше рисуется обитель это и съ противуположнаго городскаго берега Западной Двины: вся разница въ томъ, что оттуда взоръ нашъ обнимаетъ всю монастырскую усадьбу, опоясанную красной кирпичной стѣной, да нѣсколько тѣнистыхъ липъ роскошнаго зеленью своей листвы смягчаетъ общій грустный колоритъ картины (рис. 67).

Рис. 67.

Церковь во имя св. Параскевіи-Пятницы.

Теплая церковь, во имя св. Параскевіи-Пятницы построена около 1670 года заботливостію бывшаго настоятеля Борисоглѣбскаго монастыря, архимандрита Чудовскаго.

Ксенофонтъ Антоновичъ Говарскій писалъ, что на сооруженіи сей Пятницкой церкви архимандритъ Кесарій Чудовскій употребилъ кирпичь изъ развалинъ древней церкви того же имени, о коей мы скажемъ ниже. Это не совсѣмъ вѣрно. Быть мо-

жетъ архимандритъ Чудовскій и употребилъ нѣкоторое количество кирпича, взятаго изъ близъ лежавшихъ развалинъ древней Параскевіевской церкви, что было весьма естественно и удобно; но главнѣйшимъ матеріаломъ для этой постройки, несомнѣнно служитъ новый кирпичь, въ чемъ мы имѣли случай убѣдится лично при тщательномъ осмотрѣ, въ 1865 году Борисоглѣбскаго монастыря. Мнѣніе наше раздѣлялъ и господинъ Струковъ, осматривавшій Пятницкую церковь годомъ ранѣе насъ.

Церковь св. Параскевіи при двухъ саженной ширинѣ внутри, имѣетъ въ длину отъ входа до алтаря семь саженъ. Иконостасъ ея каменный, съ такими узкими простѣнками, что мѣстныя иконы помѣщены на откосахъ царскихъ вратъ.

Изъ старинныхъ образовъ по живописи болѣе замѣчательны: Іоанна Златоустаго и Амвросія Медіоланскаго, первый въ греческой, а послѣдній въ римской митрахъ, оба они большихъ размѣровъ, вставлены въ прочныя деревянныя рамы и повѣшены одинъ противъ другаго.

Мѣстные образа Божіей Матери и Спасителя остались отъ стараго иконостаса древней церкви, оба они покрыты серебряными ризами. Божія Матерь изображена держащей на лѣвой рукѣ Младенца Іисуса, а въ правой цвѣтущую вѣтвь. Правая рука Предвѣчнаго Младенца изображена двуперстно благословляющею, а въ лѣвой находится шаръ, съ изображеніемъ на немъ солнца и луны.

У ногъ Богоматери стоитъ коленопреклоненная св. мученица Васса, съ восьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. На образѣ Спасителя, у ногъ Его, изображены: св. Михаилъ, епископъ Синатскій и св. мученикъ Θеодоръ Стратилатъ. Образа эти писаны на липовыхъ доскахъ по полименту; надписи на нихъ начертаны славянской вязью.

За престоломъ на стѣнѣ, на простой деревяной доскѣ, изображена Богоматерь съ держащимъ въ лѣвой рукѣ красную ложку Младенцемъ Іисусомъ.

Вотъ все, что показалось намъ почему либо заслуживающимъ вниманія изъ находящагося въ храмѣ св. Параскевіи, видъ коего находится предъ очами читателя.

Основаніе Борисоглѣбскаго монастыря приписываютъ внуку литовскаго князя Мингайлы, полоцкому князю Борису Генвиловичу, относя это событіе къ концу XII вѣка, именно къ 1190 году. Какова была первоначальная монастырская церковь, каменная или деревяная, и гдѣ именно она находилась, на мѣстѣ ли настоящей, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ нея,—свѣдѣній не имѣется. Судя по сказанію Стрыйковскаго, *) слѣдуетъ допустить, что нынѣ существующая каменная церковь, во имя св. Бориса и Глѣба, заложена въ 1217, а окончена въ 1222 году. Что церковь построена не позже XIII вѣка, это доказывается величиной и формой кирпичей, имѣющихъ, при $1^5/_8$ англ. дюймовъ толщины, 13 дюймовъ въ длину и $8^1/_2$ дюймовъ въ ширину; такъ равно способомъ кладки его и составомъ цемента, толщина слоевъ коего прости-

*) Kronica Litevska.

рается отъ $3^{1/2}$ до 5 англ. дюймовъ, а равно самой формой зданія и внѣшнимъ его видомъ.

По словамъ того же историка видно, что князь Борисъ на сооруженіе этого храма привозилъ строевой матеріалъ, т. е. кирпичъ и известь изъ Ливоніи, сплавляя таковой по р. Западной Двинѣ. Стрыйковскій на основаніи какой то древней лѣтописи, свидѣтельствуетъ, что будто бы въ память благополучной доставки къ монастырю строевыхъ матеріаловъ, князь Борисъ велѣлъ высѣчь на камнѣ, лежащемъ въ руслѣ р. Двины, верстахъ въ семи за городомъ Дисной, крестъ съ надписью: „Вспомози Господи раба своего Бориса, сына Генвилова“ *).

К. А. Говорскій основываясь на свидѣтельствѣ Стрыйковскаго и древнихъ актовъ, говоритъ, что Борисоглѣбскій монастырь въ древности былъ обнесенъ каменной стѣной, надъ которой, во многихъ мѣстахъ, возвышались башни и бойницы, что придавало ему видъ и значеніе крѣпости, внутри которой, еще во времена князей Владиміровa рода, находились княжескіе терема и, быть можетъ древнѣйшая изъ каменныхъ полоцкихъ церквей,—церковь во имя св. Параскевіи, отъ которой остался одинъ только фундаментъ и которую, впрочемъ уже полуразрушенную, видѣлъ польскій лѣтописецъ, каноникъ Стрыйковскій, жившій въ половинѣ XVI вѣка.

Въ русскихъ и ливонскихъ лѣтописяхъ не однажды упоминается объ осадѣ этого монастыря Ливонцами и упорной защитѣ его Полочанами, предводительствуемыми ихъ князьями, чѣмъ доказывается, что монастырь былъ въ срединѣ крѣпости. Каменная стѣна съ бойницами и башнями, о которой упоминаетъ Говорскій, существовала еще въ хорошемъ видѣ, во времена полоцкаго уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича (т. е. въ началѣ XVII вѣка), который, въ качествѣ архимандрита сего монастыря, по смерти своего предмѣстника, архіепископа Гедеона Брольницкаго, хотѣлъ вступить во владѣніе онымъ, но ктиторы монастыря, Корсаки, Щиты и другіе православные бояре бывшаго полоцкаго воеводства, поставивъ на бойницахъ пушки, засѣли въ немъ со множествомъ вооруженнаго народа, чтобы силою оружія отстоять сей искони православный монастырь отъ посягательства на него уніатскаго архіерея. Съ своей стороны Іосафатъ, послѣ тщетныхъ увѣщаній передать ему какъ законному настоятелю, утвержденному въ семъ санѣ королемъ, — монастырь, осадилъ его войсками, составлявшими постоянный гарнизонъ Верхняго и Нижняго полоцкихъ замковъ, при содѣйствіи множества вооруженныхъ католиковъ и уніатовъ, для чего были свезены на лодкахъ по р. Двинѣ изъ Верхняго замка осадныя орудія и поставлены на земляныхъ окопахъ, нарочно по сему случаю устроенныхъ на берегу р. Двины, противъ монастыря. Въ концѣ одиннадцатаго дня осады была пробита въ монастырской стѣнѣ брешь, чрезъ которую побѣдоносно вошли въ обитель приспѣшники Іосафата.

*) Описанію этого и другихъ находящихся въ руслѣ р. Западной Двины камней съ древними славянскими надписями и изображеніемъ крестовъ посвящена V глава этого сочиненія. *Авт.*

Завладѣвъ такимъ способомъ Борисоглѣбскимъ монастыремъ архіепископъ Кунцевичъ приказалъ разрушить окружающіе его укрѣпленія до основанія.

Въ 1563 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, завоевавъ Полоцкъ, отдалъ Борисоглѣбскій монастырь, со всѣми принадлежавшими ему имѣніями Корсакамъ и Щитамъ, обязавшимся за то строить и содержать въ исправности задвинскіе пограничные замки; это обстоятельство еще болѣе способствовало къ разстройству монастырскихъ дѣлъ и къ обѣдненію обители.—Съ переходомъ Полоцка при Стефанѣ Баторіѣ къ Польшѣ, обстоятельства монастыря не переменились къ лучшему: имъ по прежнему владѣли Корсаки, а часть имѣній перешла въ руки Щитовъ, Соломерецкаго и князя Друцкаго-Сокольницаго. Когда же Полоцкій архіепископъ Ѳеофанъ Рыпинскій женилъ сына своего на дочери одного изъ Корсаковъ, то, вмѣсто огражденій правъ церкви, далъ своимъ родственникамъ уступочную грамоту на все монастырское имущество. Только въ 1597 г. архіепископъ Германъ Загорскій позвалъ къ суду неправильно захватившихъ въ свои руки монастырское имущество: Корсаковъ, Щитовъ, Соломерецкаго и князя Друцкаго-Сокольницкаго, которые боясь послѣдствій суда въ ихъ неправомъ дѣлѣ, миролюбно обязались ежегодно давать въ пользу монастыря по 30 копъ грошей, по 20 бочекъ ржи, и по 25 бочекъ яроваго хлѣба, и кромѣ того приняли на себя исправленіе монастырскихъ церквей и постройку новыхъ келій. Загорскій хотя и улучшилъ матеріальныя средства монастыря, но будучи ревностнымъ поборникомъ принятой имъ на Брестскомъ соборѣ уніи въ 1596 г., обратилъ въ оную и монастырь; однакожъ по смерти его, Корсаки, остававшіеся еще въ православіи, изгнавъ уніатскихъ монаховъ, снова обратилъ монастырь въ православіе. Наконецъ въ 1618 г. архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, какъ было объявлено выше, силою отнятъ отъ православныхъ Борисоглѣбскій монастырь, населилъ его уніатскими монахами.

Съ 1654 по 1667 г., т. е. во все время принадлежности Полоцка, по случаю завоеванія его царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Россіи, Борисоглѣбскій монастырь снова былъ возвращенъ православію; но съ переходомъ этого города, на основаніи Московскаго договора 1686 года, къ Польшѣ, онъ опять сдѣлался достояніемъ уніатскихъ монаховъ, во владѣніи коихъ и состоялъ по день общаго возсоединенія уніатовъ къ православію.

Въ 1842 году населенныя имѣнія Борисоглѣбскаго монастыря поступили въ казну а самъ онъ причисленъ въ разрядъ заштатныхъ, съ надѣломъ на издержки его 150 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, озеромъ, мельницею и съ ежегоднымъ отпускомъ изъ казны по 290 рублей.

Борисоглѣбская церковь, изображеніе которой помѣщено нами выше, имѣетъ въ длину—9, а въ ширину—5 саженъ *). Внутренніе размѣры

*) Въ описаніи этого монастыря, составленномъ К. А. Говорскимъ, ошибочно сказано, что будто бы церковь эта извнѣ имѣетъ длины 7 саженъ, а ширины 4 саж. 10 вершковъ.

храма, какъ по причинѣ толщины стѣнъ, такъ и потому, что для помѣщенія ризницы отдѣлено довольно большое пространство за алтарной стѣной — гораздо меньше. Иконостасъ деревянный, *) двухъ-ярусный, взятый изъ Струньской бывшей архіерейской царкви. Всѣ образа нынѣшняго иконостаса новые, по крайней мѣрѣ не древніе, и не тѣ, кои были на каменномъ иконостасѣ, за исключеніемъ двухъ мѣстныхъ—Спасителя и Богоматери, украшенныхъ серебряными ризами.

Своды и стѣны храма дали сильныя трещины, въ особенности правая алтарная стѣна и сводъ надъ жертвенникомъ; вообще храмъ видимо приходитъ въ разрушеніе и скоро, очень скоро, если не будетъ принято энергическихъ мѣръ къ сохраненію этого замѣчательнаго памятника нашего православія, онъ разрушится на глазахъ равнодушныхъ къ своему славному прошедшему современниковъ; уже и теперь никто не рѣшается взобраться подъ плоскую крышу храма, боясь, чтобы не рухнулся сводъ его.

Внутри храма, на задней стѣнѣ, подъ хорами, съ правой стороны, изъ за толстаго слоя известковой обмазки виднѣются остатки древнихъ фресковъ. Колоритъ рисунка и поставка ногъ фигуры сильно напомнили намъ фрески кіевскаго Софійскаго собора.**)

*) К. А. Говорскій также ошибочно сказалъ, что иконостасъ этой церкви каменный. Онъ дѣйствительно былъ такимъ прежде, но уже болѣе 50 лѣтъ какъ замѣненъ деревяннымъ, о чемъ, по истинѣ, должно пожалѣть, ибо выломка каменной стѣнки иконостаса имѣла вредное вліяніе на прочность храма.

**) Фрески эти мы видѣли въ 1865 году. *Авторъ.*

Подъ алтаремъ храма устроенъ глубокій погребальный склепъ, въ которомъ покоятся тѣла бывшихъ настоятелей монастыря, а въ томъ числѣ и Кесарія Чудовскаго *).

О Чудовскомъ живетъ въ народѣ преданіе, что онъ былъ человѣкъ строгой монашеской жизни, набожный и трудолюбивый. Намъ указывали на остатки фундамента отъ келіи этого труженика, находящіеся въ углу монастырской ограды, въ саду; здѣсь мы нашли еще уцѣлѣвшую наружную стѣну келіи, на которой сохранились украшавшія ее арабески.

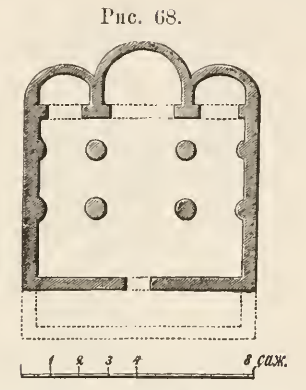
На восточной сторонѣ двора монастырскаго, въ 30 саж. отъ Борисоглѣбской и въ 10 саженяхъ отъ Параскевіевской церкви, среди покрывающаго дворъ, зеленаго дерна, виднѣются остатки фундамента отъ древней, быть можетъ, первой въ Полоцкѣ, Пятницкой или св. Параскевіевской церкви. Развалины эти существовали уже во времена Стрыйковскаго, т. е. въ XVI вѣкѣ, и тогда уже почитались древностью, по этому преданіе народа о постройкѣ храма этого раньше, чѣмъ сооружена Спасская церковь нынѣшняго Спасо-Евфросиньевскаго дѣвичьяго монастыря, весьма правоподобно, впрочемъ, судя по размѣрамъ кирпича, способу кладки и наконецъ по размѣрамъ и фигурѣ фундамента, очевидно, что церковь эта не могла быть сооружена позже XIII вѣка.

Судя по фундаменту, древняя церковь св. Параскевіу должна была имѣть въ длину, вмѣстѣ съ сред-

*) Въ 1866 году по докладу моему о семъ Виленскому Генер. Губернат. фонъ-Кауфману, тѣла эти велено зарыть. *Авторъ.*

нимъ выступомъ алтарней стѣны, около 75 фут., въ ширину 49 фут. (рис. 68).

Рис. 68.

Планъ фундамента древней Параскевіевской церкви снятый въ 1865 году.

Фигура ее представляетъ четырехугольникъ, съ тремя полукруглыми выступами алтарной стѣны, изъ коихъ средній выступъ былъ вдвое больше крайнихъ. Внутри храма находится четыре круглыхъ, имѣющихъ по 7 футовъ, въ діаметрѣ, столба, которые, вѣроятно, поддерживали арки или своды, подобно тому какъ это сдѣлано въ Спасо-Ефросиньевскомъ монастырѣ. Предъ главнымъ фасадомъ церкви лежитъ большая куча щебня оставшагося, вѣроятно, отъ бывшаго притвора. Есть преданіе, не выдерживающее, впрочемъ, критики, о томъ, что древняя церковь св. Параскевіи была соединена подземнымъ ходомъ съ Спасо-Евфросиніевскимъ монастыремъ и церковію св. Софіи, бывшей въ Нижнемъ замкѣ. Намъ разсказывали также о находкѣ, лѣтъ 50 тому назадъ, близь фундамента алтарной стѣны развалинъ, значительнаго числа большихъ олованныхъ сосудовъ *). Все это даетъ право предполагать, что тщательныя археологическія развѣдки на мѣстѣ бывшей древней Параскіевской церкви могли бы имѣть, если не богатыя, то во всякомъ случаѣ, интересныя для исторіи послѣдствія.

*) О находкѣ этой я слышалъ изъ устъ почившаго Архіепископа Василія (Лужинскаго).

Переходитъ къ описанію послѣдняго изъ древнѣйшихъ храмовъ Витебской губерніи каменной, приходской Свято-Благовѣщенской единовѣрческой церкви, въ г. Витебскѣ находящейся.

Почти въ равномъ разстояніи отъ Рынковой и Заручевской Свято-Воскресенскихъ церквей, съ правой стороны Замковой улицы, идущей отъ соборной площади къ р. Западной Двинѣ и Заручевскому мосту, на малой площадкѣ, тѣснимой громаднымъ зданіемъ бывшаго фарнскаго костела *) и дворомъ упраздненнаго Маріавитскаго монастыря, стоитъ одиноко, обратясь главнымъ ходомъ къ забору ветхаго костельнаго домика, древнѣйшій памятникъ православія витеблянъ — Свято-Благовѣщенская единовѣрческая приходская церковь, имѣющая такой видъ: (Смотри ниже рис. 69).

Толстыя стѣны, узкіе, высокоподкатые отъ земли, окна и несоразмѣрно большой восьми гранный куполъ, при легкой, какъ бы случайно попавшей на переднюю часть крыши, колокольной башеньки, рѣзко выдѣляютъ этотъ храмъ не только изъ группы окружающихъ его но даже изъ всей церковной семьи Витебска.

Благовѣщенская церковь представляетъ съ наружи видъ продол-

*) Въ этомъ зданіи, доселѣ сохраняющемъ костельный видъ, помѣщаются архивы: Витебскій Губернскій и древнихъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губерній.

говатаго четырехъ-угольника съ закругленной алтарной стѣной.

Съ правой стороны ея имѣется двухъ этажная каменная пристройка, крытая желѣзомъ въ одинъ скатъ. Въ верхнемъ этажѣ пристройки помѣщается училище для дѣтей единовѣрцевъ а въ низу квартиры сторожа и пономаря. До 1862 года т. е. до преобразованія храма въ настоящій его видъ и до передачи его единовѣрцамъ въ верхнемъ этажѣ пристройки помѣщалась зимняя церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, но съ устройствомъ печей въ большомъ храмѣ, помѣщеніе ея обращено въ училище, а бывшіе погреба приспособлены для житья причетника и сторожа.

До описанной нами передѣлки сего храма на алтарной стѣнѣ его, противу царскихъ вратъ, была съ незапамятныхъ временъ вырѣзана надпись, гласившая: что въ этомъ самомъ алтарѣ убитъ католиками православный священникъ. — Надпись эта при перестройкѣ рабочими сглажена.

Внутреннее помѣщеніе храма соотвѣтствуетъ его наружности: оно представляетъ видъ четырехугольника, при длинѣ, отъ входа до алтарной стѣны, $22^1/_2$ аршина и при $12^1/_2$ аршинахъ ширины. Алтарь отдѣленъ отъ внутренней части храма, а сія послѣдняя отъ передней или хоровой, каменными стѣнами, что придавая зданію особую проч-

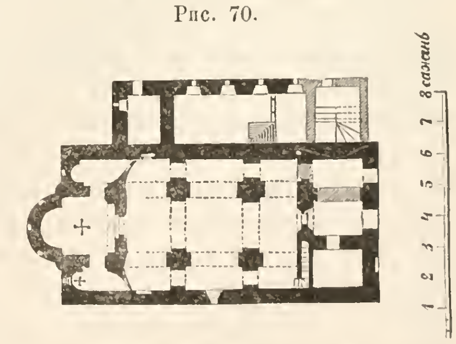
Рис. 69.

ность, значительно уменьшаетъ его вмѣстительность.

Вотъ планъ св.-Благовѣщенской церкви. Свѣтлая тутъ обозначаетъ позднѣйшія достройки (рис. 70).

Рис. 70.

Преданіе говоритъ, что будто бы

храмъ этотъ соорудила великая княгиня Ольга, супруга Игоря, во время путешествія своего по областямъ княжества. Лѣтописи дѣйствительно упоминаютъ о путешествіи в. кн. Ольги по р. Мстѣ и о повелѣніи ея, въ видахъ удобнѣйшаго взысканія податей, раздѣлить жителей на погосты, т. е. приходы; но показаніямъ этимъ никакъ нельзя доказывать вѣрности народнаго преданія, которое тѣмъ не менѣе должно же имѣть какое либо основаніе; принимая же во вниманіе, что во время Ольги, т. е. въ половинѣ X вѣка, христіанство еще только начинало проникатся въ Витебскъ, — сооруженіе этого храма должно отнести къ гораздо позднѣйшему времени, именно, придерживаясь указанію Стрыйковскаго, къ началу XIV вѣка. По словамъ этого лѣтописца, Благовѣщенская церковь построена въ Нижнемъ замкѣ, напротивъ Пречистенской башни, литовскимъ княземъ Ольгердомъ, имѣвшемъ въ супружествѣ сперва витебскую княжну Марію Ярославовну, а потомъ Уліану Александровну тверскую, отличавшуюся приверженностію къ православію и любовію къ созиданію храмовъ Господнихъ. Такъ или иначе, но Богословская церковь существуетъ болѣе пятисотъ лѣтъ.

И сколько въ этотъ пятивѣковой періодъ времени, храмъ сей вытерпѣлъ гоненій! сколько разъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки, то отъ первыхъ создателей его—православныхъ къ уніатамъ, то отъ сихъ послѣднихъ къ первымъ и обратно, пока, наконецъ, въ 1849 г. не перешелъ къ возсоединившимся православію—единовѣрцамъ. Трудно съ точностію, да и нѣтъ надобности, опредѣлять годы этихъ перемѣнъ въ судьбѣ храма, но кажется безошибочно можно указать на 1619 и 1831 годы, какъ на начало и конецъ принадлежанія храма уніатамъ и католикамъ. Мы указываемъ на 1619 годъ, какъ на время обращенія православной Благовѣщенской церкви въ уніатскую, на основаніи слѣдующихъ фактовъ: а) донесенія полоцкаго вознаго Ивана Скирмунта, отъ 5 марта 1623 года объ уступкѣ владыкѣ (т. е. Іосафату Кунцевичу) пустыхъ, ограбленныхъ церквей (въ томъ числѣ и Благовѣщенской) и б) реляціи того же вознаго и отъ того же года, мѣсяца и числа: о нападеніи дизунитовъ (не принявшихъ уніи) на Благовѣщенскую церковь и о побитіи поповъ и слугъ церковныхъ.

До обращенія въ унію Богословская церковь пользовалась особымъ уваженіемъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ подтвердительной грамоты короля Сигизмунда I на права и вольности города Витебска, отъ 18 февраля 1509 года: „также Витбляномъ жити у Витепску добровольнѣ всякому постарому покуле хоцетъ кто, а которому витбляннину одъ насъ будетъ насильно а будетъ ему не-любо, намъ его силою не держати, и но ему путь чистъ куда хочетъ безъ всякой зачепки, а пойти ему въ нашу отчизну въ Литву не тайно: светому Благовѣщенію чоломъ ударивши и нашему воеводѣ обвестившись“ *).

Ктобы подумалъ глядя на гладкія стѣны храма, на вѣющій старинной

*) См. книгу привилегій Городской Думы, хранившуюся въ 1865 году въ библіотекѣ Статистическаго Комитета; гдѣ она нынѣ неизвѣстно.

православія иконостасъ, что въ судьбѣ его было столько рѣзкихъ переворотовъ! но опытный глазъ археолога невольно останавливается, то надъ обширными хорами, очевидно приспособленными къ поставкѣ на нихъ органа, то надъ громаднымъ деревяннымъ куполомъ, подавляющимъ тяжестію своей архитектуры массивныя стѣны церкви, то надъ уцѣлевшими подъ крышей остатками двухъ колокольныхъ башенъ, составляющихъ архитектурное отличіе костеловъ и уніатскихъ церквей отъ православныхъ. А все же рука провидѣнія, невзирая на ревностную заботливость поляковъ стереть съ этого храма слѣды православія, сберегла для насъ, кромѣ многихъ письменныхъ свидѣтельствъ о принадлежности Благовѣщенской церкви православнымъ русскимъ, еще и другіе замѣчательные памятники того же. Мы разумѣемъ подъ ними, между прочимъ, большой колоколъ этой церкви, на которомъ подъ литерами, обозначающими 1610 годъ, начертано:

Сей звонъ церкви мурованой Витебской въ нижнемъ замку стоячей.

А подъ надписью образъ Благовѣщенія.

Есть на колокольнѣ и другой колоколъ, нѣсколько меньшій, но гораздо старѣйшій и быть можетъ повѣшенный задолго до убіенія Іосафата Кунцевича. На немъ тоже виднѣется двустрочная надпись, но время, а быть можетъ и святотатственная рука фанатика такъ избили ея, что едва можно разобрать только нѣкоторыя буквы.

Удивительно какъ могли сохраниться эти памятники старины, когда рѣшеніемъ комисарскаго суда, отъ 22 января 1624 года, по дѣлу объ убіеніи жителями Витебска архіепископа Іосафата Кунцевича, между прочимъ, постановлено: „А такъ какъ возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторыхъ церковныхъ колоколовъ, то приказываемъ воеводичу витебскому войту: отнять всѣ колокола и отдать въ цейхаузъ, изъ которыхъ потомъ, съ вѣдома будущаго архіепископа, вылить, въ память произшествія большой колоколъ, съ надписью о семъ злодѣяніи и (таковой) отдать соборной церкви, Пречистенской, при которой былъ умерщвленъ покойный владыка.—Съ того же времени, при всѣхъ иныхъ церквахъ, за исключеніемъ упомянутой соборной, колоколовъ не имѣть, безъ позволенія и особеннаго разрѣшенія его преподобія, отца митрополита Кіевскаго нынѣшняго и его пріемниковъ“.

Сохраненіе Благовѣщенскаго колокола до нашихъ дней тѣмъ болѣе удивительно, что старшій священникъ сей церкви попъ Давидъ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ жителей на убійство Кунцевича, за что осужденъ, въ числѣ многихъ другихъ, на смертную казнь, отъ которой избавился бѣгствомъ.

Нынѣ Благовѣщенскій храмъ поддерживается умѣреннымъ усердіемъ прихожанъ—единовѣрцевъ; отъ казны пособія не получаетъ, а пользуется 188 дес. земли, находящейся въ семи верстахъ отъ г. Витебска, и двумя плацами въ самомъ городѣ.

Этими строками можно бы окончить описаніе древнихъ, въ строгомъ смыслѣ, церквей Витебской гу-

берніи; но мы погрѣшили бы противу исторіи, умолчавъ еще объ одномъ, хотя и не особо древнемъ, но, по волѣ провидѣнія пережившемъ, безъ малѣйшаго измѣненія, всѣ гоненія католиковъ и уніатовъ, кои опустошительной для православія и русской народности двухсотлѣтней бурей пронеслись по несчастной Бѣлоруссіи, заливъ кровью страницы ея исторіи. Мы говоримъ о Св. Троицкомъ храмѣ Марковскаго мужскаго монастыря (рис. 71).

Рис. 71.

Этотъ святой храмъ Живоначальной Троицы, точное изображеніе коего читатель видитъ предъ собою, есть главный въ Марковомъ монастырѣ, находящемся на правомъ берегу рѣки Западной Двины, внизъ по теченію въ двухъ-верстномъ отъ г. Витебска разстояніи.

Рисунокъ храма, сдѣланный съ фотографическаго снимка до такой степени отчетливъ, что едва ли нужно подробное описаніе храма. Свято-Троицкій храмъ, какъ видитъ читатель, построенъ изъ бревенъ, имѣетъ въ основаніи фигуру креста; пять куполовъ его вѣнчаютъ стрѣлчатыя крыши четырехъгранныхъ, крытыхъ гонтомъ башенъ; высокіе сквозные, украшенные лучами золоченые кресты поддерживаются желѣзными цѣпями. Съ наружи церковь опоясываетъ не широкая открытая галлерея на рѣзныхъ колонкахъ; надъ главнымъ и боковымъ южнымъ ходомъ устроены навѣсы, украшенные крестами; алтарный же ходъ не имѣетъ прикрытія.

Двухстворчатыя входныя двери храма замѣчательны своей оригинальностію. Они устроены на подобіе царскихъ алтарныхъ, съ рѣзбою и изображеніемъ эмблемъ св. евангелистовъ, имена коихъ начертаны греко-славянскими литерами. На этихъ же дверяхъ рельефно изображены два какихъ-то знака. По всей вѣроятности геральдическихъ, а вокругъ ихъ вырѣзаны латинскіе буквы S. K. O. M—W X—L. P. W., что означаетъ Симеонъ-Карлъ Огинскій, Мечникъ Великаго Княжества Литовскаго, Подкоморій Витебскій. Верхъ и бока дверей украшены рѣзными орнаментами, окрашенными въ разные цвѣта, съ изображеніемъ св. Троицы въ трехъ упостасяхъ и двумя по сторонамъ ангелами.

Боковыя двери украшены рѣзными изображеніями херувимовъ; на нихъ, по бокамъ изображены лики св. верховныхъ апостоловъ, а сверху имѣется монограмма изъ латинскихъ литеръ. Смыслъ коей не разгаданъ; надъ монограмной написано: „Премудрость созда себѣ домъ“, а подъ подписью изображены лики святителей: Поликарпа, Амвросія, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Спиридона и Михаила митрополита Кіевскаго.

Пятиярусный, рѣзной, старинныго образца иконостасъ раззолоченъ. Всѣ стѣны алтаря и храма, отъ верху до низу, росписанъ изображеніями событій Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ.

Въ алтарномъ куполѣ написано изображеніе Св. Духа, въ среднемъ Св. Троицы, а на простѣнкахъ его, четыре великихъ святителей и чудотворца: Василій, Григорій, Іоаннъ и Николай. Въ правомъ боковомъ куполѣ изображенъ Господь Саваоѳъ окруженный ангелами, держащими въ рукахъ орудія страданій и крестной смерти Спасителя. Въ лѣвомъ находится изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи на облакахъ, а кругомъ Ея сонмъ пророковъ съ хартіями въ рукахъ. Въ послѣднемъ, т. е. западномъ куполѣ помѣщено апокалипсическое изображеніе Іисуса Христа съ выходящимъ изъ устъ Его мечемъ, а предъ Нимъ семисвѣчникъ.

Между стѣнными изображеніями особенное обращаетъ на себя вниманіе картина большихъ размѣровъ, представляющая великаго князя Владиміра, копающимъ ровъ для фундамента подъ церковь во имя Спаса.

Св. Троицкая церковь, какъ это положительно извѣстно, построена княземъ Огинскимъ въ 1690 году, слѣдовательно въ наступающемъ 1890 году ей исполнится ровно 200 лѣтъ. Время построенія этого храма обозначено двумя выпуклыми рѣзными на стѣнѣ надписями на русскомъ и польскомъ языкахъ, помѣщенными въ круглыхъ медаліонахъ, съ наружи по обѣ стороны входныхъ дверей.

Ten dom zbudowany jest na czesc
S Troici—Roku 1690 Maia 8.

Этотъ храмъ построенъ въ честь святой Троицы. Года 1690 мая 8. Кромѣ сего съ правой стороны дверей прикрѣпленъ къ стѣнѣ восьмиконечный крестъ, на которомъ славянской вязью начертано; „Сей храмъ, благословеніемъ преосвященнаго Его милости пастыря и отца Лазаря Барановича, милостію Божіею православнаго архіепископа Черниговскаго, благочестивымъ іеромонахомъ Ѳеофаномъ Ивановичемъ игуменомъ сего монастыря Марковскаго въ честь и славу Святыя и Живоначальныя Троицы освятися въ лѣто отъ Рождества Христова ҂аХча мѣсяца мая 31 дня, въ день сошествія Св. Духа.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ монастырѣ. Кѣмъ и когда основанъ Марковскій монастырь, ни преданія, ни лѣтописи, ни актовыя записи отвѣта не даютъ. Преданіе говоритъ одно, что въ той мѣстности, гдѣ нынѣ находится монастырь давно, очень давно жилъ отшельникъ по имени Маркъ, что онъ своимъ благочестіемъ и святостію жизни привлекъ подражателей и пустынная мѣстность, названная вслѣдствіи Марковщизной мало-по-малу обратилась въ общежитіе, а потомъ, по сооруженіи на мѣсто старой

часовни, построенной Маркомъ, храма,—въ монастырь.

Сооруженіе перваго храма приписывается князю Льву Огинскому и относится къ 1462 году.

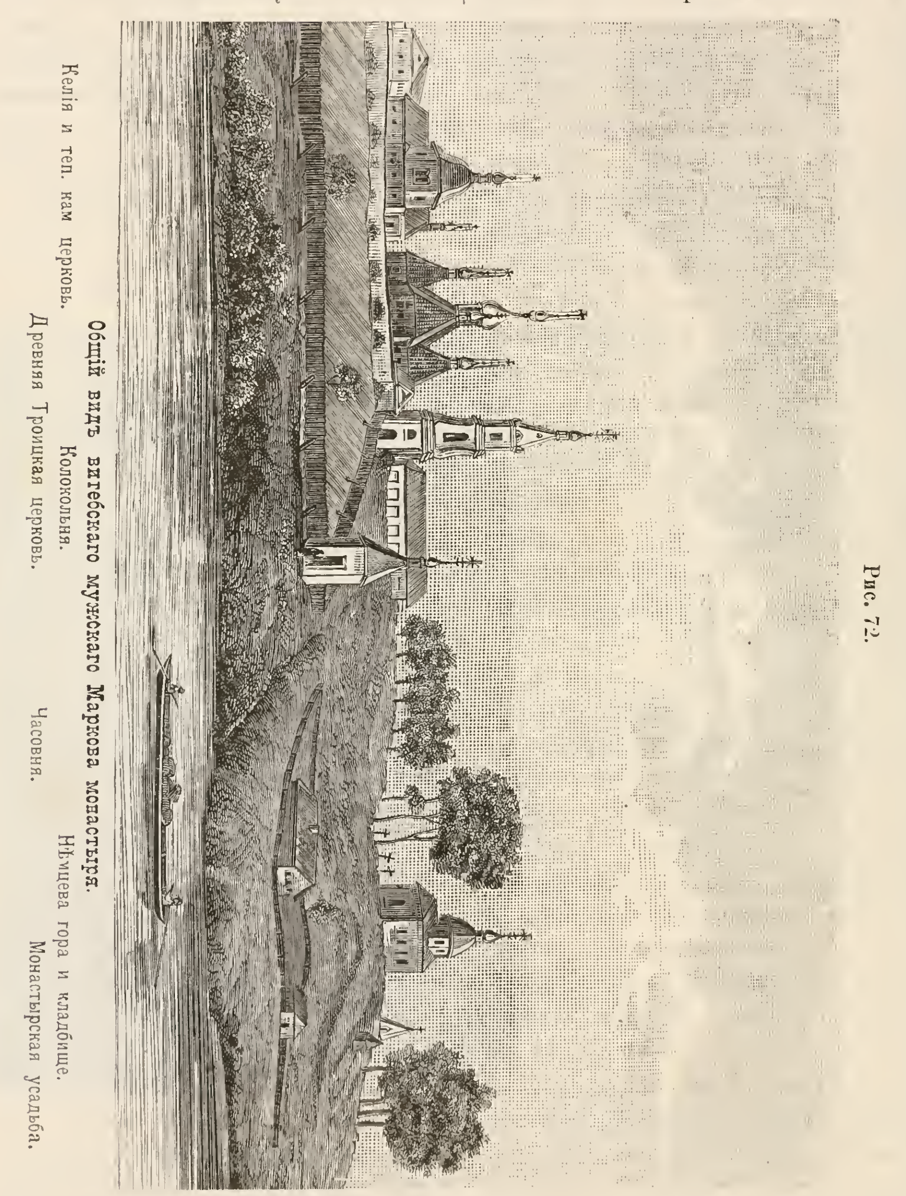

Рис. 72.

Общій видъ витебскаго мужскаго Маркова монастыря.

Нѣтъ сомнѣнія, что Марковъ монастырь испыталъ, во время господства уніи, всѣ тѣ притѣсненія и гоненія какимъ подвергались другіе православные храмы, что онъ былъ, наконецъ, захваченъ уніатами, въ вѣдѣніи коихъ состоялъ до присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Сохранившіеся до сего времени акты свидѣтельствують, что въ 1751 году, декабря 22-го. Витебскій деканъ Казимиръ Лукашевичъ, ворвавшись съ толпой витебской шляхты въ Марковъ

монастырь захватилъ игумена его Серафима Кочета и увезъ въ Витебскъ, а монаховъ выгналъ изъ монастыря, архивы и имущество котораго разграблено *).

По присоединеніи Бѣлоруссіи въ 1772 г. Марковъ монастырь, въ слѣдующемъ же году былъ причисленъ къ Псковской епархіи, затѣмъ въ 1795 году перечисленъ въ Могилевскую, и только въ 1833 году отошелъ къ Полоцкой епархіи, въ вѣдѣніи коей состоитъ и нынѣ.

Кромѣ главнаго св. Троицкаго храма въ Марковомъ монастырѣ находится еще четыре церкви: Покровская, Митрофановская, Николаевская и Параскевіевская. Изъ нихъ св. Николаевскій храмъ находится внѣ монастырской ограды, а Прасковіевской на монастырскомъ хуторѣ Шидловщинѣ, въ полуторѣ верстѣ отъ монастыря.

*) Впрочемъ, еще до насильственнаго обращенія Маркова монастыря въ унію, посѣтители его святыхъ храмовъ, а въ особенности состоявшіе по принужденію въ уніи, нерѣдко подвергались преслѣдованію судебнымъ порядкомъ.

См. Витебская Старина. Томъ V. 1888 г. Актъ № 163.

Сооруженіе этихъ храмовъ относится: двухъ первыхъ къ XVIII, а двухъ послѣднихъ къ текущему столѣтію. Описаніе ихъ не входитъ въ программу нашего сочиненія. Мы можемъ замѣтить только, что на мѣстѣ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы былъ въ древности каменный храмъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, что часть стѣнъ и матеріала изъ развалинъ этого храма было употреблено при возведеніи св. Покровской церкви. Знатоки мѣстной старины относятъ постройку древней Петро-Павловской церкви, къ тому же времени къ коему относится постройка и старой части жилаго каменнаго корпуса; судя по формѣ кирпича, способу кладки его и самой формѣ зданія,—мнѣніе это нелишено основанія.

Къ числу церковно-монастырскихъ зданій нужно еще прибавить: каменную колокольню, устроенную надъ южной стѣной, подъ которой имѣются ворота, ведущіе къ р. Западной Двинѣ и деревянную часовню во имя Святителя Николая, стоящую надъ береговымъ обрывомъ.

Общій видъ обители весьма скроменъ и унылъ, какъ это видно изъ приложеннаго выше рисунка. (рис. 72).

Глава VII.

ДРЕВНІЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Крестъ св. преп. Евфросиніи. — Крестъ преп. Параскевіи.—Крестикъ найденный въ Люцинскомъ уѣздѣ. — Кресты изъ собранія автора. — Каменный образокъ.—Старшій складень полоцкой Софійской церкви.—Лампада.—Орлецы.—Коверъ. — Митра, — Кресло. — Жаровня витебскаго Маркова монастыря.—Древнія рукописныя евангелія: Заключеніе.

Въ небольшомъ числѣ вещественныхъ памятниковъ православія, уцѣлевшихъ доселѣ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ хранящійся въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ крестъ св. Евфросиніи, княжны полоцкой.

Крестъ этотъ сдѣланъ въ г. Полоцкѣ, по желанію преподобной княжны, въ 1161 году, для сооруженнаго ею и нынѣ существующаго храма Всемилостивѣйшаго Спаса Лазаремъ Богшей.

Св. Евфросинія, мощи коей почиваютъ въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры *), приходится родной праправнукою св. Владиміру; отцомъ ея былъ полоцкій князь Святославъ Рогволодовичъ, въ христіанствѣ Георгій или Григорій, родной внукъ Изяслава, сына Владиміра отъ Рогнѣды, сама княжна, до крещенія, носила имя Предиславы.

Крестъ преподобной Евфросиніи имѣетъ форму шестиконечную, т. е. съ двумя поперечными перекладинами. Длина его одинадцать и три восьмыхъ вершка, верхняя перекладина длиной въ три вершка, а нижняя въ четыре и пять восьмыхъ.

Лицевая сторона креста имѣютъ слѣдующія изображенія, вставки и украшенія: (См. ниже рис. 73).

Въ самомъ верху надъ первой или малой перекладиной, изображеніе Спасителя, съ подписью по сторонамъ ІС. ХС. Лѣвая рука Его прижимаетъ къ груди книгу, а правая благословляетъ. Замѣчательно, что рука эта, не исключая перстовъ, сдѣлана изъ мельчайшихъ камней.

Ниже изображенія Спасителя идутъ эмалевыя украшенія, кои въ разныхъ формахъ размѣщены между святыми изображеніями на обѣихъ сторонахъ креста, какъ это видно на прилагаемыхъ рисункахъ.

Въ срединѣ верхней перекладины помѣщена кровь Христова, т. е. частицы древа крестнаго, святою кро-

*) Въ 1871 году, по ходатайству б. епископа Полоцкаго и Витебскаго Саввы, перенесена изъ Кіева въ полоцкій Спасо-Евфросиніевскій монастырь частица мощей Преподобной Евфросиніи, именно средній перстъ десныя руки ея, который хранится въ особомъ серебряномъ ковчежцѣ, устроенномъ усердіемъ Д. С. С Гавріила Павловича Матюшина, одного изъ немногихъ истинно русскихъ патріотовъ нашего края.

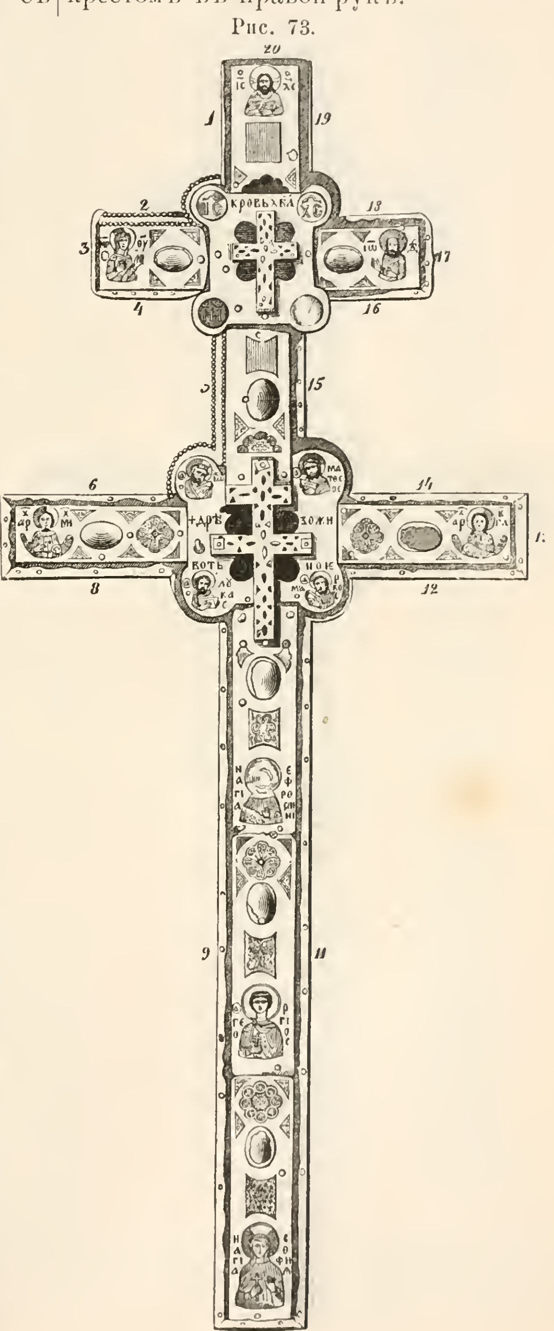
вію Спасителя обагренныя. Эту завѣтную святыню покрываетъ маленькій, четырехконечной, украшенный камнями, крестъ. Въ выдавшихся углахъ сдѣланы четыре кружка, съ изображеніемъ на нихъ словъ: на лѣвомъ верхнемъ ІС на правомъ верхнемъ ХС на лѣвомъ нижнемъ НІ и, наконецъ, на правомъ нижнемъ КА но послѣднія стерлись.

На лѣвомъ выступѣ верхней перекладины представлена Матерь Божія съ простертыми дланями, а на правомъ Іоаннъ Креститель, въ такомъ же положеніи.

Въ срединѣ нижней или большой перекладины вдѣлано древо живоносное, т. е. часть древа животворящаго креста Господня. Оно покрыто сверху небольшимъ золотымъ крестикомъ, такой точно формы, какъ и описываемый нами большой крестъ. Въ выдавшихся углахъ изображены евангелисты, каждый съ книгой въ рукахъ. На концѣ лѣваго выступа большой перекладины представленъ архангелъ Михаилъ, а на концѣ праваго архангелъ Гавріилъ. Каждый держитъ въ рукѣ шаръ.

Ниже животворящаго древа, сильно поврежденное изображеніе преподобной Евфросиніи Александрійской, имя коей приняла, при постриженіи преподобная Евфросинія, княжна полоцкая. Отъ изображенія этого уцѣлѣли часть руки съ крестомъ и часть одежды. Ниже—святой великомученикъ Георгій, въ воинской одеждѣ, съ повязкой на челѣ и съ четырехконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ, наконецъ, въ самомъ низу изображеніе святой мученицы Софіи, также съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ.

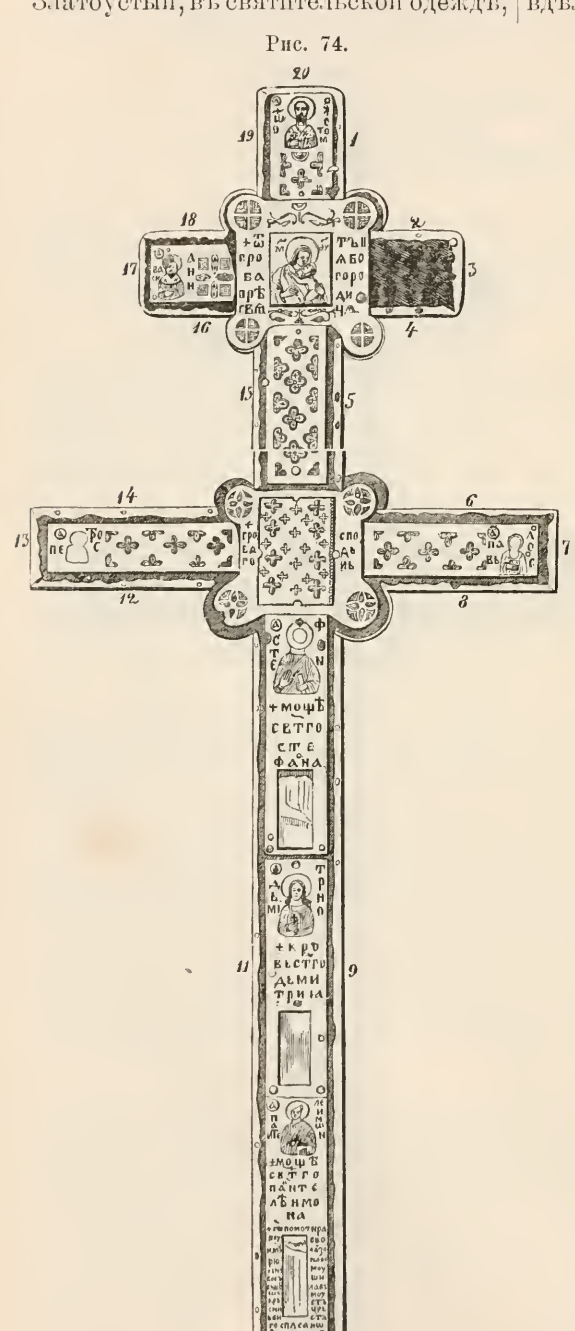
Рис. 73.

На оборотной сторонѣ креста, (рис. 74) въ самомъ верху, выше меньшей перекладины, изображенъ св. Іоаннъ Златоустый, въ святительской одеждѣ, съ шестиконечнымъ крестомъ въ правой и съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.

Въ срединѣ меньшей перекладины вдѣланы: часть гроба Пресвятыя Богородицы, съ изображеніемъ на ней Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ.

Рис. 74.

На лѣвомъ выступѣ верхней перекладины изображенъ св. Василій Великій, съ книгой въ рукахъ; на правомъ было изображеніе Григорія Богослова, но ово утерялось.

Въ средину нижней или большой перекладины вдѣлана часть камня отъ гроба Господня. На лѣвомъ выступѣ этой перекладины — совершенно изгладившееся изображеніе св. апостола Петра, а на правомъ—изображеніе св. апостола Павла, отъ котораго уцѣлѣли только одежда и рука, держащая книгу.

Ниже подъ частицей гроба Господня—полуистертое изображеніе св. первомученика Стефана, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ; подъ изображеніемъ мощи этого святаго. Ниже изображеніе св. Димитрія, подъ нимъ—частица его крови, наконецъ еще ниже—изображеніе св. Пантелеймона и часть мощей его; по обѣ стороны сихъ мощей вырѣзана, весьма мелкими буквами, слѣдующая надпись:

† Г҃и помози рабоу своемѹ лазорю нарсченомоу богъши сдѣлавшемоу крьстъ сии церкви с҃таго спаса и ѡфросиніи.

Въ боковой надписи, начертанной какъ видно изъ снимка, (рис. 75) вокругъ всего креста,

на серебрянныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, изображена св. воля преподобной Евфросиніи, что бы этотъ крестъ, положенный ею въ церковь монастыря св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отчуждаемъ, подъ опасеніемъ проклятія. Изъ этой же надписи узнаемъ также, что употребленные на сооруженіе креста, золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчугъ и проч. украшенія стоили 140 гривенъ, т. е. почти 1,400 руб. серебромъ. Судя по наружности креста, онъ былъ, по краямъ, обложенъ жемчугомъ, что съ лицевой или правой стороны его было вставлено восемь большихъ драгоцѣнныхъ камней, что подобными украшеніями были убраны углы малыхъ крестиковъ, покрывающихъ капли крови и частицы живоноснаго креста Господня.

Вмѣстѣ съ описаннымъ нами крестомъ преп. Евфросиніи въ Спасо-Евфросиньевской женской обители, хранится и другой памятникъ стариннаго православія, менѣе извѣстный и едва ли относящійся ко времени преподобной Пароскевіи, дочери князя Рогвольда—Василія, которой по преданію онъ принадлежалъ.

Форма креста двѣнадцатиконечная, съ закругленіями выступовъ перекрестій, длина съ ушкомъ 4⅝ ан. дюйма, толщина около ¼ ан. дюйма. Крестъ серебряный позлащеный, раскладной, съ разгородками внутри для храненія мощей и другихъ священныхъ предметовъ. Въ настоящее время онъ сильно помятъ, позолота мѣстами сошла, оборотная сторона изломана; хотя крестъ этотъ довольно великъ для тѣльнаго, но будучи снабженъ ушкомъ могъ быть носимъ, въ случаѣ надобности на шеѣ, или повѣшенъ на стѣнѣ, чѣмъ существенно и отличается отъ ручнаго креста

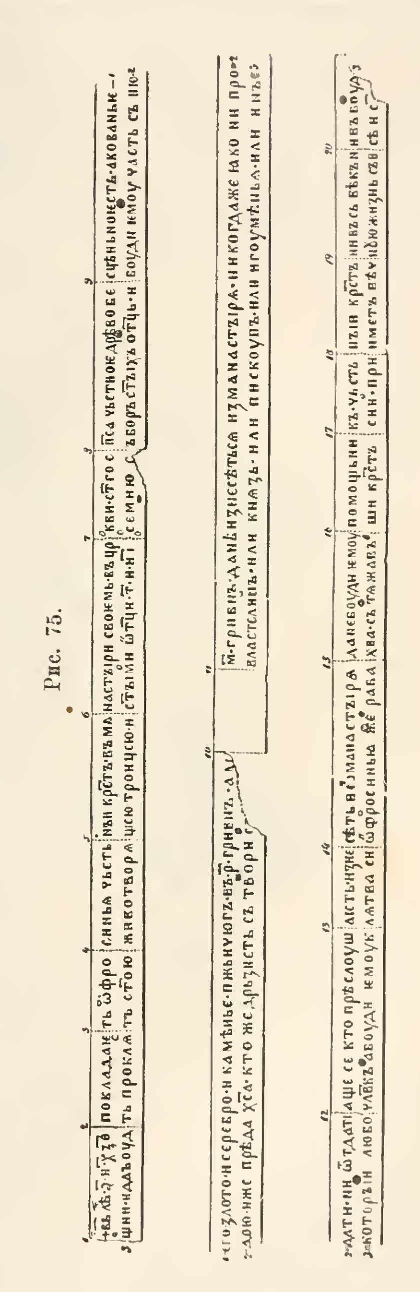

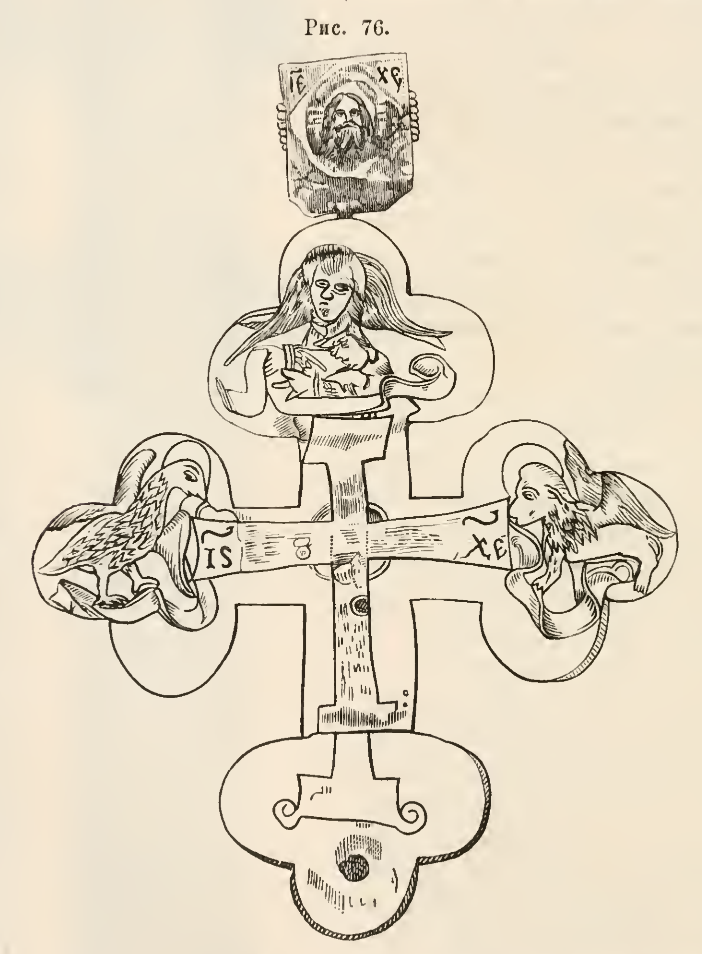
Рис. 75.

преп. Евфросиніи, предназначеннаго къ постоянному храненію въ храмѣ, хотя и этотъ послѣдній крестъ есть

вмѣстилище мощей и другихъ священныхъ предметовъ.

На лицевой сторонѣ креста преп. Пароскевіи весьма грубо изображены рѣзцемъ: въ срединѣ главнаго, т. е. средняго перекрестья, крестъ съ расширяющимися концами. Въ верхнемъ трехконечіи изображенъ ангелъ съ развернутой хартіей въ рукахъ, въ правомъ крылатый левъ, а въ лѣвомъ орелъ также съ хартіями (рис. 76).

Рис. 76.

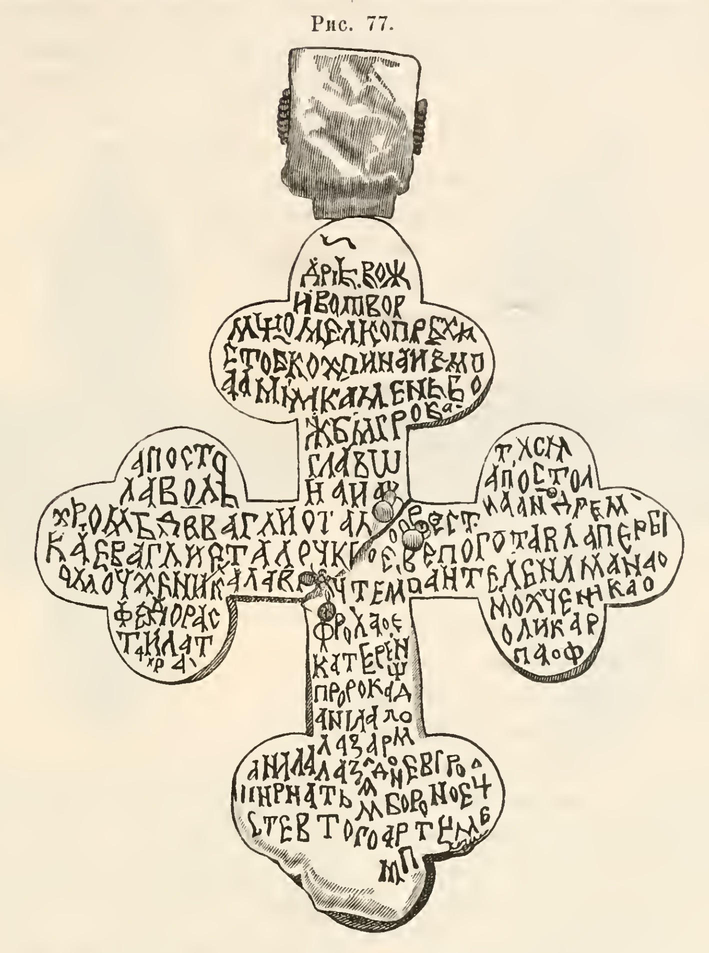
На ушкѣ креста, вращающемся на шпрнирѣ, изображенъ образъ нерукотвореннаго Спаса, сравнительно не дурно.

На обратной, изломанной въ срединѣ сторонѣ креста, весьма грубо, въ перепутанныхъ строкахъ литерами разныхъ величинъ и формъ, съ большими ошибками, часто съ замѣной одной буквы другой, вырѣзана надпись, обозначающая хранящіеся въ крестѣ мощи святыхъ. Надпись эта согласна съ уцѣлѣвшими еще надписями на бумажкахъ, находящихся въ гнездахъ, внутри креста, въ кои были завернуты частицы мощей. При внимательномъ разсмотрѣніи надписи можно допустить, что она составлена не въ одинъ разъ и не однѣми руками. Характеръ надписи въ верхнемъ перекрестіи видимо отличается отъ над-

писи нижняго перекрестья, а эта отъ боковыхъ (рис. 77).

Лазаря, Невргоп (Евграфъ) (?) Ирнатья (Игнатія) Богоносца, стевтаго,

Рис. 77.

Мы читаемъ надпись такъ:

„Дрѣво животворящо, мелко (млеко) пречистое, коупина неопаляма, камень Божья гроба, главо Иана Креститлся (Іоанна Крестителя), апостола Андрея, апостола Волъхромья (Варѳоломея), евангелиста Марка, евангелиста Луки, свепого Гавла (св. Павла), первго моученика Лаврентея, Пантелеилмана (Пантелеймона), Федора Стрилата (Стратилата) моученика Поликарпа, Фрола, Екатерины, *щ* (?) пророка Данила *ло* (?) Лазаря, м. (вѣроятно мученика (?) Анила (?) (св.) Артемья М. П.“ (Не означаютъ ли эти двѣ послѣднія литеры, что крестъ принадлежитъ монахинѣ Параскевіи (?).

Многіе изъ польскихъ писателей упоминаютъ о крестѣ преподобной Параскевіи, но съ такими противорѣчіями, что трудно допустить, чтобы они видѣли крестъ тотъ лично, или, по крайней мѣрѣ, внимательно осматривали его. Если же вѣрить ихъ словамъ, то хранящійся нынѣ въ Спасо - Евфросиніевскомъ женскомъ монастырѣ крестъ, хотя несомнѣнно

старинный, но далеко не древній, окажется не тѣмъ, о которомъ говорили лѣтописцы. При этомъ невольно рождается вопросъ: не была ли въ Евфросиньевскомъ манастырѣ другая монахиня именемъ Прасковія и не ей ли принадлежитъ этотъ крестъ?

Изъ русскихъ ученыхъ, писавшихъ о крестѣ св. Параскевіи, Кеппенъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы находящійся нынѣ въ монастырѣ крестъ былъ временъ св. Параскевы, скончавшейся въ Римѣ въ 1239 году. Судя по почерку надписи, онъ относитъ его къ XV вѣку. Востоковъ не дѣлаетъ положительнаго о древности креста заключенія, такъ какъ видѣлъ только рисунокъ его, который признаетъ не правильнымъ, усматривая въ надписи значительныя орѳографическія ошибки, но ошибки эти, какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ точнаго снимка надписи, существуютъ на самомъ дѣлѣ, и, по всей вѣроятности они произошли отъ незнанія рѣзчикомъ русскаго языка и вообще плохо владѣвшаго рѣзцемъ. Лучшее доселѣ описаніе креста и точную литографію съ нею, мы находимъ въ брошюрѣ А. П. Сапунова, перепечатанной въ 1886 г. (№ 8—19) изъ „Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей".

Въ нѣдрахъ Витебской земли покоится не мало памятниковъ св. православія; но они къ сожалѣнію, доселѣ остаются намъ неизвѣстны, хотя нѣтъ сомнѣнія, что время отъ времени выходятъ на бѣлый свѣтъ, но доставаясь въ руки народа, гибнутъ безслѣдно. Такъ мы много разъ слышали о находкахъ древнихъ металлическихъ крестовъ въ курганахъ и на поляхъ Лепельскаго, Полоцкаго и Люцинскаго уѣздовъ, а также близъ Двины въ Динабургскомъ. Изъ нихъ одинъ небольшой серебряный крестикъ, найденный лѣтъ 20 тому назадъ вмѣстѣ съ древними монетами, перстнями и ожерельемъ въ Люцинскомъ уѣздѣ, попалъ въ наши руки, но и то изломаннымъ и безъ правой половины перекрестья.

Вотъ лицевая сторона его; оборотная гладкая (рис. 78).

Рис. 78.

Въ археологическомъ отдѣлѣ Тверскаго музея, хотя имѣется весьма богатое собраніе крестовъ, но такой формы и съ такимъ рисункомъ, какъ нашъ крестъ, не имѣется. Крестъ № 372 значительнымъ расширеніемъ на концахъ верхнемъ и нижнемъ и отчасти изображеніемъ, и крестъ № 227 украшеніемъ концовъ перекрестій, — нѣсколько напоминаютъ крестъ нашего собранія; но въ подробностяхъ рѣзко отличаются отъ него. Ушко нашего креста очень похоже на ушки крестовъ Тверскаго музея, значащихся подъ №№ 231 и 343 *). Другой же серебряный крестъ, такого же точно рисунка, съ славянскими буквами но

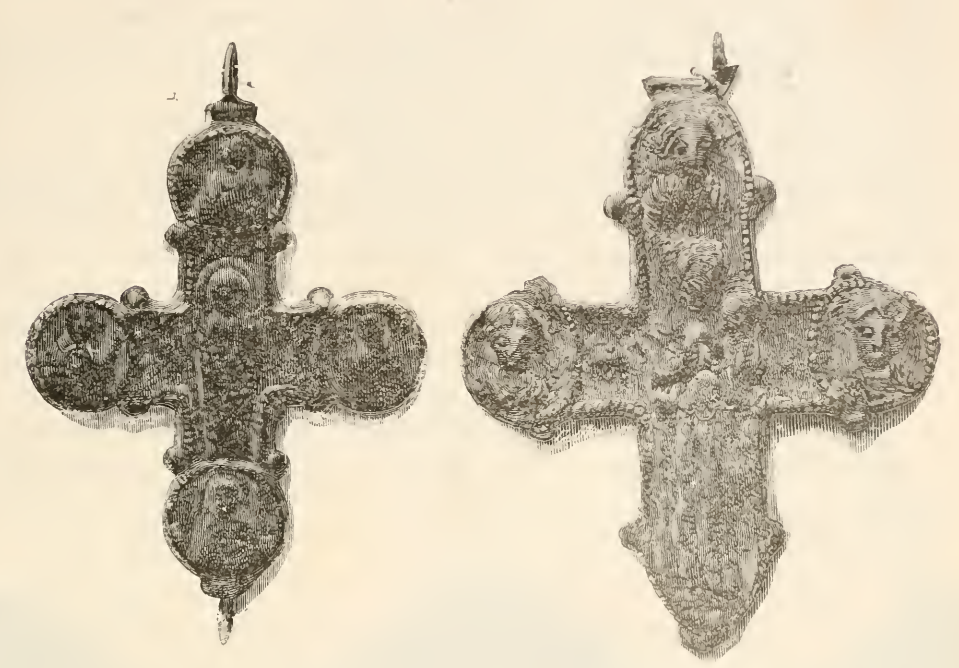
*) См. Древности 1885 г. Описаніе Тверскаго музея.

гораздо большихъ размѣровъ, найденъ, лѣтъ 15 тому назадъ, однимъ изъ моихъ знакомыхъ на маломъ крейцбургскомъ островѣ, что на р. Западной Двинѣ, въ предѣлахъ Динабургскаго уѣзда, насупротивъ г. Якобштата Курляндской губерніи. Оборотная сторона этого креста, также какъ и перваго гладкая.

Въ нашемъ собраніи древностей хранятся еще два мѣдныхъ древней формы креста; но мы къ сожалѣнію не можемъ съ точностію указать мѣста гдѣ и когда они были найдены; тѣмъ не менѣе прилагаемъ изображеніе ихъ, въ натуральную величину, въ надеждѣ, что сравненіе таковыхъ съ другими подобными находками принесетъ пользу дѣлу археологіи. (рис. 79).

Около 160 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1737 году въ г. Витебскѣ, въ раіонѣ бывшаго нижняго замка, въ мѣстности, гдѣ было нѣкогда зданіе фарскаго костела, что нынѣ губернскій архивъ и древняя Благовѣщенская церковь, найденъ весьма древ-

Рис. 77.

ній каменный образокъ на коемъ Пресвятая Дѣва изображена какъ бы

Рис. 80.

скорбящею; лѣвая рука Ея поддерживаетъ нѣсколько наклоненную голову, а правая покоится на груди.

Рѣзьба изображенія глубокая, но весьма грубая; употребленный для образка камень-порфиритъ чернаго цвѣта съ желтыми пятнами. Точный рисунокъ этого образка въ натуральную величину: (См. выше рис. 80).

Вслѣдъ за находкой, образокъ этотъ былъ вставленъ въ серебряную коробочку, на тыльной сторонѣ которой вырѣзана слѣдующая надпись:

> Ten obrazek z nalezioni u Witebsku w ziemi roku 1737 przi kosciele farskim za imei Xiendza Kazi merza Lukaczewica Kamendarza I dziekana Witebskego.

На боковыхъ сторонахъ оправы начертано: Matko Boża przicinsie za nami S. S.

Витебскіе замки столько разъ были свидѣтелями кровавыхъ битвъ, между русскими и поляками, что потеря этой святыни, по своему времени весьма цѣнной, кѣмъ либо изъ участниковъ боя, вѣроятно носившемъ этотъ образокъ на груди, весьма возможна.

Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ старины первый разъ были напечатаны нами въ Памятной книжкѣ Витебской губерніи на 1886 годъ.

Изъ православныхъ храмовъ, едва ли не болѣе другихъ, богата древностями полоцкая Софійская церковь, бывшая некогда каѳедральной, потомъ соборной, а нынѣ приписанная къ св. Николаевскому полоцкому собору. Вотъ сохранившіеся древности этого храма (рис. 81).

Рис. 81.

Большой складень, въ родѣ устраиваемыхъ нынѣ при полковыхъ церквахъ. Составляющіе его образа помѣщаются въ деревянномъ голубаго цвѣта кіотѣ, украшенномъ простой старинной рѣзьбой; высота складня около одного, а ширина около полутора аршина. Въ средней части складня помѣщено изображеніе святителя Николая, справа св. великомученицы Варвары, а слѣва св. апостола Іакова. Всѣ три изображенія работы довольно грубой, и видимо подновлены; такого же достоинства и серебряныя ризы ихъ. Подъ образомъ святителя Николая, прикрѣплена жестяная досщечка съ надписью слѣдующаго содержанія: „Образъ Заполоцкой Косьмо-Деміанской церкви 1606 лѣта отъ Христа, окованъ серебромъ 1708 г. отъ Христа". Цифры писаны по славянски. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что церковь Косьмы и Даміана была за рѣкою Полотой, въ той части стараго Полоцка, гдѣ и былъ собственно городъ, тогда какъ остальную, нынѣ главную часть города, занимали верхній и нижній замки. Нынѣ заполоцкая часть составляетъ бѣднѣйшее предмѣстіе Полоцка, по преимуществу населенное жидами.

Мѣсто, гдѣ стояла Косьмо - Даміанская церковь обращено подъ огородъ, принадлежащій Софійской церкви, на немъ нѣтъ и слѣдовъ бывшаго храма.

Въ Софійской церквѣ, обращаетъ на себя вниманіе серебряная лампада предъ образомъ Покрова Пресвятыя Богородицы; она большихъ размѣровъ, хорошей старинной работы, подвѣшена на трехъ массивныхъ серебряныхъ цѣпяхъ, съ такой же накрышкой.

На верхнемъ поясѣ лампады вырѣзана старинымъ шрифтомъ, въ три строчки, раздѣленная вертикальными черточками польская подпись изъ коей между прочимъ видно, что лампада эта сдѣлана въ 1692 году къ образу Покрова Пресвятыя Богородицы полоцкой Софійской церкви.

Рис. 82.

Начало и конецъ подписи раздѣлены особымъ знакомъ, представляющимъ: лукъ со стрѣлой, прикрытый короной по сторонамъ буквы: S.S.R.B. А самая подпись выражаетъ:

Panno pzzenaiswientszo-titulem Pokzowi swentei (w sezkwi Zophei swentei w Polocku wistawiona, ktura ma wisic nadlugie iuz wstawione wieki) ktorzi sluzic gotowi Mąz Domu Rodziewiczow.

K misowa wistawilo oltarż na shwale iei wzientei (na szecs onei przed obrazem lampe zawieszona) niech tim pomoga kto ie dal itrzima na wieki). Nie przestanie z ona oroz Domu Mishnewicow. Do tey lampy starchy Klastoru X. Babinski vilozyf) srebra Klastornego griwien cztirynascie. A. 1692. msca Augusta 20 dma. Форма и украшенія лампады (См. рис. 82).

Изъ предметовъ, хранящихся въ ризницѣ, заслуживаютъ вниманія своея стариной, оригинальностью рисунка или формы шесть вещей: три орлеца, коверъ, митра и кресло.

Орлецы вытканы изъ грубой шерсти, опушены бахромой, они гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ нынѣ употребляемые и не совсѣмъ круглой формы. Бѣлые, одноглавые, съ цвѣтками въ клювахъ орлы этихъ ковровъ представлены на голубомъ полѣ, долженствовавшемъ, вѣроятно, изображать воздухъ, стоящими на землѣ съ полуприподнятыми крыльями, какъ бы въ намѣреніи подняться.

Поле орлецовъ окружено широкой, желтой съ оранжевыми краями каймой, на которой грубо вытканы красные звѣздчатые цвѣты, соединенные между собой продолговатыми зелеными листьями (рис. 83).

Рис. 83.

Церковный коверъ, хотя тоже сотканъ изъ грубой крученой шерсти, и, какъ видно былъ много лѣтъ въ употребленіи и не особенно тщательно бережен, все еще мѣстами сохранилъ яркость красокъ и ясность рисунка. На срединѣ его, въ крестѣ съ закругленными краями представлены апокалипсическіе звѣри и выткана славянскими и греческими литерами надпись: „На агница и василіска наступиши и попреши льва и змія да некогда

преткнеши о камень ногу твою“*).

Прилагаемое изображеніе одного изъ угловъ и части середины ковра лучше всякаго описанія познакомятъ читателя съ этой старинкой (рис. 84).

Гораздо большаго въ археологическомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ хранящаяся въ ризницѣ зеленая бархатная митра, нисколько не похожая по формѣ ни на нынѣшнія, ни на старинные уборы этаго рода. Софійская митра имѣетъ видъ скуфьи, или обыкновенной домашней шапочки, вершина ея совершенно круглая. Будучи сложенной, митра эта имѣетъ въ ширину $7^{3}/_{4}$ вершковъ, а въ высоту $4^{1}/_{2}$ вершка. На нижнемъ краѣ ея, или по опушкѣ густо вышиты золотомъ дубовые листья; верхушка, въ центрѣ которой находится малая шелковая пуговица, изящно украшена золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, среди котораго оставлено три небольшихъ мѣста, вѣроятно для святыхъ изображеній. Между верхнимъ шитьемъ и опушкой, на зеленомъ бархатѣ вышиты: архангелъ, два ангела и слова с҃тъ с҃тъ. Подбой митры зеленый тафтяной.

Судя по значительности размѣра этой митры, и по ея формѣ, можно съ большою достовѣрностью предположить, что она принадлежала полоцкому архіепископу Силявѣ, страдавшему колтуномъ (plica polonica), сведшимъ его въ могилу. Такъ въ завѣщаніи своемъ Силява именно говоритъ: „Я Антоній Силява, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, архіепископъ Полоцкій, выражая въ настоящемъ писаніи мою послѣднюю волю, объявляю, что страдая по допущенію Божію, около четырехъ лѣтъ въ тяжкой болѣзни колтунѣ, ниспосланной за грѣхи мои и чувствую крайнее ослабленіе во всѣхъ членахъ тѣла и во всѣхъ чувствахъ моихъ, за которымъ обыкновенно наступаетъ смерть“ и т. д. Для нагляднаго ознакомленія читателя съ этимъ головнымъ уборомъ многострадальнаго архіепископа Антонія Силявы, прилагаетъ точное изображеніе его. (рис. 85).

Рис. 84.

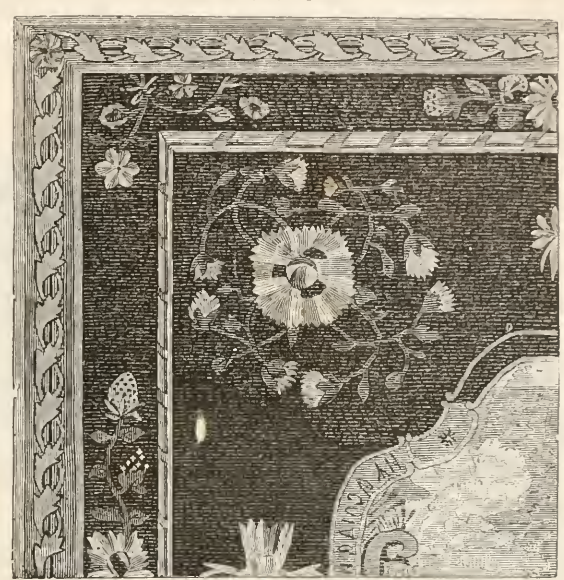

Рис. 85.

*) Псал. 90. Живый въ помощи Вышняго.

Что касается найденнаго нами въ 1877 году, въ квартирѣ настоятеля Софійской церкви стариннаго церковнаго кресла, на которомъ, въ былыя времена возсѣдали полоцкіе архіепископы, а можетъ быть и посѣщавшіе Софійскій Соборъ царственныя особы, и о которомъ мы упоминали въ составленной нами Памятной книжки Витебской губерніи на 1878 годъ, въ статьѣ „Полоцкая Софійская церковь", то читатель можетъ познакомиться съ этимъ памятникомъ старины по прилагаемому рисунку лицевой и оборотной стороны кресла, сдѣланному, какъ и всѣ предъидущіе рисунки по фотографіи (рис. 86 и 87).

Были въ полоцкой Софійской церкви, а можетъ быть и теперь еще гдѣ либо есть, и другіе памятники старины, напримѣръ рукописныя евангелія, и два другихъ евангелія, переплетъ коихъ обдѣланъ въ обломки серебряной бляхи, покрывавшей раку извѣстнаго Іосафата Кунцевича, на коихъ сохранились рельефы изображеній изъ событій жизни Іосафата; но розысканіе и описаніе этихъ древностей не досталось на нашу долю, впрочемъ, не по нашей винѣ.

Есть и въ другихъ витебскихъ храмахъ, въ особенности монастырскихъ, хотя и въ маломъ числѣ болѣе или менѣе интересная старинная утварь; но предѣлы настоящаго изданія не позволяютъ намъ останавливатся на описаніи ея, тѣмъ болѣе, что многое уже описано нами въ Памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи за прежніе годы *). До какой степени бываютъ своеобразны даже маловажныя вещи изъ старинной церковной утвари, можно судить по прилагаемому ниже рисунку, (рис. 88), жаровницы, хранящейся въ витебскомъ Марковскомъ монастырѣ.

Рис. 86.

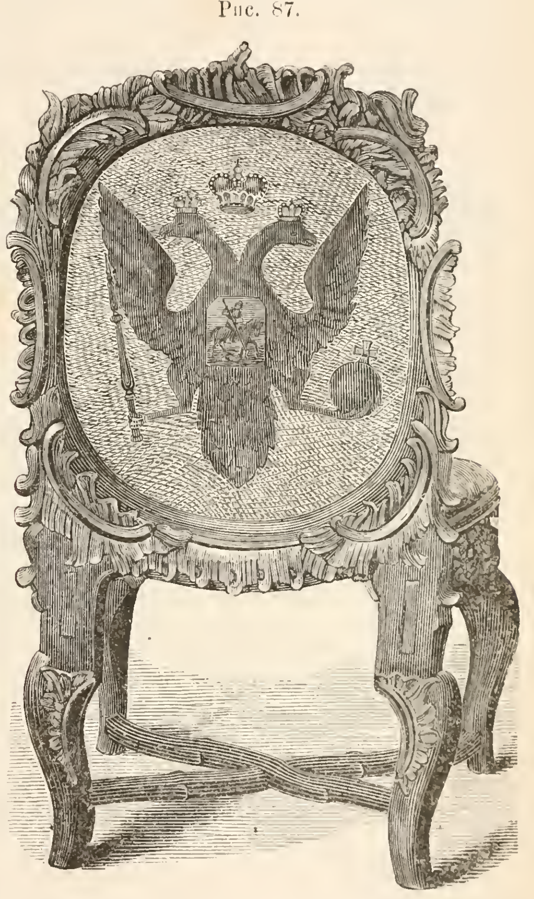
*) См. Памят. книжки Витебской губерніи 1864, 1865, 1866, 1867 г. Памятная книжка Виленскаго генералъ губернаторства на 1868 годъ. Томъ I. Сборникъ въ память перваго русскаго Статистическаго съѣзда 1872 года. Т. I. Памятная книжка Витебской губерніи на 1878 годъ.

Изъ заслуживающихъ вниманіе письменныхъ памятниковъ православной старины мы можемъ указать на два рукописныя евангелія, одно изъ нихъ несомнѣнно XVI, а другое быть можетъ XV вѣка. Послѣднее принадлежитъ витебской нынѣ единовѣрческой Благовѣщенской церкви, первое составляетъ личную собственность Дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго общества М. Ф. Кусцинскаго, коимъ оно пріобрѣтено въ Лепельскомъ уѣздѣ въ концѣ 1884 г. или въ началѣ 1885 годовъ.

Благовѣщенское евангеліе написано на листахъ сѣрой толстой бумаги, имѣющихъ на первомъ полу-листѣ водяное изображеніе черепахи. Въ настоящее время Евангеліе переплетено въ зеленый бархатъ, съ золотымъ тѣсненнымъ обрѣзомъ, и украшено, съ лицевой стороны, мѣдными наугольниками и такимъ же осьмиконечнымъ крестомъ; первые наложены, одновременно съ переплетомъ, въ 1842 г., усердіемъ священника Лукашевича, а послѣдній въ 1862 году. Какъ наугольники, такъ и крестъ покрыты голубой и зеленой емалью, на первыхъ изображены символы Евангелистовъ: ангелъ, орелъ, левъ и телецъ — всѣ крылатые.

Внутри Евангелія, внизу, подъ текстомъ, начиная съ 3-й страницы, имѣется слѣдующая надпись: Книга Евангеліе святаго Благовѣщенія въ Витебску, лѣта отъ нароженія Сына Божія Исуса Христа тысяча пятьсотъ осьмаго, мѣсяца октября, 11 дня, на паметь святаго апостола Филиппа единаго отъ семи дьяконъ, надалъ есьма сію книгу завѣмою Евангеліе на престольное (тетрь) у соборную церковь Благовѣщенія пречистое Богородицы, Еже есть у Богоспасаемомъ Градѣ Витебску нижнемъ, Богу кухвалѣ, а собе на память і родителямъ нашимъ понеже далъ есми вечно и непорушимо. А хто сію книгу отеметъ отъ церкви Благовѣщенія пречистой Богородицы, тотъ со мною разсудитца на страшномъ суде предъ милостивымъ Богомъ, вовеки аминь. Надпись

Рис. 87.

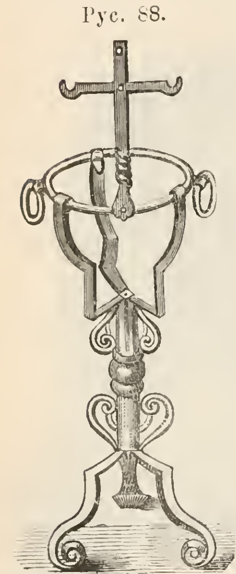

эта, судя по цвѣту чернилъ, почерку и ороографіи, сдѣлана гораздо позже написанія Евангелія. *)

*) Первое извѣстіе объ этомъ Евангеліи напечатано нами, въ 1864 году, въ нумерѣ 41 Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей: отъ куда оно перепечатано въ 127 номерѣ Виленскаго

На Евангеліи принадлежащемъ г. Кусцинскому годъ написанія его также не обозначенъ. Надпись на немъ А. П. Сапуновъ прочелъ такъ: Сію книгу Евангеліе тетръ. . . . попъ З болоти Порфирей променилъ в церковь Божею.... страстотерпцу на славу и честь боярска Юрью Семенову сыну. М. Ф. Кусцинскій надпись эту толкуетъ слѣдующимъ образомъ: *) Лепель **) въ половинѣ XVI вѣка принадлежалъ извѣстному дворянскому роду Зеновичей; одинъ изъ нихъ—Юрій Зеновичъ былъ старостой Дисненскимъ и начальникомъ отряда войскъ Сигизмунда-Августа въ войну его съ Іоанномъ Грознымъ. Въ это время съ отрядомъ своимъ Юрій Зеновичъ стоялъ въ Лепелѣ, входившемъ въ составъ его владѣній, гдѣ онъ, какъ ктиторъ возводя церковь, могъ пріобрѣсти для нее чрезъ священника и описываемое Евангеліе, о чемъ отецъ Порфирій и сдѣлалъ приведенную надпись.

Рус. 88.

Въ г. Лепелѣ и доселѣ существуетъ деревянная Юрьевская „церковь на болотѣ“ чѣмъ, до нѣкоторой степени, подтверждается объясненіе почтеннаго М. Ф. Кусцинскаго. Евангеліе принадлежащее г-ну Кусцинскому писано на сѣрой толстой бумагѣ, имѣющей, на нѣкоторыхъ листахъ водяные знаки такого вида (рис. 89 и 90).

Рис. 89.

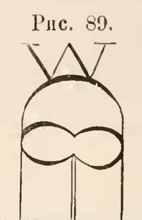
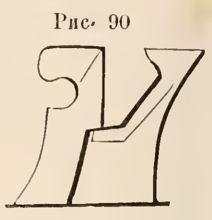

Рис. 90

На бѣлыхъ, ближайшихъ къ переплету листахъ изображенъ всадникъ, наподобіе литовскаго герба. Книга переплетена въ дубовые доски, обтянутыя краснымъ сукномъ.

Передавая на безпристрастный судъ читателей настоящій трудъ нашъ, мы почтемъ себя счастливымъ, если онъ принесетъ хотя нѣкоторую пользу отечественной археологіи и исторіи, броситъ лучъ свѣта на темныя и спорныя мѣста ихъ и обратитъ вниманіе на необходимость немедленнаго принятія серіозныхъ мѣръ къ сбереженію для потомства, погребеннаго въ нѣдрахъ могилъ и сокрытаго въ церковныхъ кладовыхъ достоянія его предковъ, такъ святотатственно расхищаемаго жадными до легкой наживы невѣжественными кладоискателями и малообразованными хранителями общественной собственности.

Мы въ твердомъ уповаціи на святое провидѣніе, несмотря на вечеръ дней нашихъ, надѣемся еще встрѣтится съ читателями на историческомъ кладбищѣ обитателей другихъ частей изучаемаго нами края и найти подъ сводами святыхъ храмовъ его хотя остатки памятниковъ, свидѣтельствующіе о его прошломъ, нерѣдко мрачномъ, но нерѣдко и славномъ.

Вѣстника, а затѣмъ повторено, нѣсколько сокращеннѣе, въ 1 томѣ Витебской Старины. А. П. Сапунова: гдѣ находимъ какъ рисунокъ Евангелія, такъ и факсимиле надписи и начала Евангелія отъ Іоанна. *Авторъ.*

*) Письмо Кусцинскаго, 16 марта 1885 года.

**) Уѣздный городъ Витебской губерніи, единственный по лѣвую сторону З. Двины.

СНИМОКЪ СЪ ФОТОГРАФIИ

древняго рукописнаго Евангелiя принадлежащаго члену Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества М. Ф. Кущинскому.

Ѿ Іѡанна ст҃го бл҃говѣстванїе

Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ — гл҃а а҃
оу Ба, и Бъ бѣ слово. Се бѣ иско
ни оу Ба. Всѧ тѣмъ быша. И
без него ничтоже бы, еже бы.
въ томъ живот бѣ, и жи
вот бѣ свѣтъ члкм. И свѣ
въ тьмѣ свѣтитсѧ, и тъма
его не обьѧтъ. Бы члкъ посланъ
от Ба, имѧ ему Іѡанн. Съ прїи
де въ свѣдѣтельство, да свѣдѣтелству
етъ о свѣтѣ, да вси вѣроуимоу
ему. Не бѣ тъ свѣтъ, но да свѣ
телствует о свѣтѣ. Бѣ свѣ

въ ст҃оую и великоую нед҃лю пасхы. на лї

Дозв. ценз. Спб. 11 Дек. 89 г.

Типо-лит. Н. Стефанова

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Напечатано только 600 экземпляровъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербурга и Москвы.

Историческія, статистическія и этнографическія статьи А. М. СЕМЕНТОВСКАГО, помѣщенные въ разныхъ изданіяхъ прежнихъ лѣтъ, будутъ изданы въ двухъ томахъ особо, въ непродолжительномъ времени.

